

Александр Торин

Кризис

1998-1999

Copyright © 1998-1999 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Оглавление:

ГЛАВА 1.	3
ГЛАВА 2.	6
ГЛАВА 3.	13
ГЛАВА 4.	17
ГЛАВА 5.	22
ГЛАВА 6.	32
ГЛАВА 7.	38
ГЛАВА 8.	43
ГЛАВА 9.	53
ГЛАВА 10.	61
ГЛАВА 11.	65
ГЛАВА 12.	69
ГЛАВА 13.	76
ГЛАВА 14.	83
ГЛАВА 15.	87
ГЛАВА 16.	92
ГЛАВА 17.	104
ГЛАВА 18.	109

Глава 1.

О, Господи, если ты есть, и кем бы ты ни был! Помилуй и спаси меня! Человек не рожден летать. Сама идея о том, что наше хрупкое тело, мешок с кровью и костями, нелепый, но причиняющий душе невыносимые страдания, поднимается ввысь под рев моторов, противна мирозданию. Любая паршивая птица, глупо разевающая свой клюв, будучи случайно засосанной в турбину, может вызвать катастрофу – мысль эта заставляет мое сознание протестовать, а меня задыхаться, вжиматься руками в обтрепанные подлокотники кресел... Кстати, о турбине. Вон она, рядом, за иллюминатором. Скажите мне, ради всех святых, почему эта круглая громадина так гадко дрожит, будто вот-вот оторвется от крыла. И почему крыло это живет своей странной жизнью, почему оно колеблется, ездит взад и вперед над клочком тусклых огоньков.

Огоньки эти – как полоска инфекционной сыпи, выступившей на безжизненной плоскости, разделяющей твердь земную от свода небесного. Сколько бы я ни летал над нашей планетой, меня всегда поражает, что человеческие существа обладают какой-то уникальной, болезненной способностью к приспособлению, и, как следствие, к выживанию. Они расселяются решительно везде: на плоских, ржавых долинах, среди желтых пустынь, зловещих гор, заснеженных ущелий. Когда смотришь из иллюминатора вниз с высоты в десять километров, процентов девяносто поверхности Земли кажутся совершенно непригодными для жизни. Ан нет, бывает летишь хрен его знает где, и вдруг внизу, в темноте, светится районный центр. И там живут, рождаются, умирают, женятся и ссорятся люди. Они привыкли к своему городку, им кажется, что все, всегда и везде будет похоже на эту неторопливую жизнь: с утра они будут уходить на работу, а вечером загорятся звезды, фонари и, возможно, экраны телевизоров.

Мысль о том, что с небес на них запросто может свалиться охваченный пламенем «Боинг», обывателям в головы не приходит...

Иногда мне кажется, что я сошел с ума. Действительно, разве нормальный человек будет совершать кругосветные перелеты вместе с плюшевым Санта-Клаусом? У Санты седая борода, очки и доброе лицо, которое напоминает мне об убежденных христианах-куклуксклановцах из далеких южно-Американских штатов. Выполнен этот дед Мороз в натуральную величину, к счастью, стоимость перевозки негабаритного груза оплачена отделом по связям с заказчиками.

Нет, я не сумасшедший. Свихнулись специалисты по изучению рынка во главе с президентом и основателем корпорации: коллективной их классовой волей я послан в кругосветную командировку. Расчет у них простой: Санта Клаус с доброй улыбкой настолько умилит заказчиков в странах Юго-Восточной Азии, что на продукцию конкурентов они и смотреть не станут.

К счастью, подавляющее большинство обитателей земного шарика знать ничего не знает о Рождестве, Новом Годе и украшенной игрушками елке. И, более того, знать не желает! У них все проще: с декабря по апрель дует горячий ветер, а в мае, наконец, приходит долгожданный циклон. Аборигены в недоумении глядят на белого, как смерть, деда-Мороза, несмотря на влажную экваториальную жару закутанного в красный меховой кафтан, на его странную шляпу с длинной кисточкой, и на неведомое, зловещее растение – елку, с узкими зелеными иголками вместо широких тропических листьев, да еще, к тому же, украшенную варварскими, бледнокожими покойничками-ангелочками, надрывно дующими в свои небесные трубы.

О, Боже всемогущий. Опять налетела эта проклятая, навязчивая, вытряхивающая душу турбулентность. Дурацкий журнал с глянцевой обложкой выпадает из рук, да какой уж там журнал... Тут хотя бы в живых остаться. Вниз!... Вверх! Вниз! Трещит обшивка, желудок куда-то улетает, в общем все кончено. Какой отвратительный хруст, кажется, на этот раз мне не повезло.

Самое противное – это осознавать холодную, смешанную с онемением во всем теле уверенность, неотвратимое ощущение того, что конец все-таки наступает. Эти секунды, или минуты, когда неуклюжее творение человеческих рук будет с ревом падать вниз, – вот что хуже всего. Говорят, накануне смерти человек вспоминает все, что происходило с ним в течение жизни. А мне кажется, я ничего не вспомню, только сердце застучит в последней отчаянной попытке преодолеть десятикилометровую высоту. А вместо сердца – пламенный мотор... И стальные руки-крылья, данные нам разумом в ощущениях, но независимые от нас.

Что он бурчит в хрипящий микрофон, этот неестественно-бравый капитан? Извиняется. Его металлический голос внушает перепуганным пассажирам уверенность в прочности бытия, напоминая неотличимые друг от друга телевизионные обращения к народу президентов и диктаторов всех стран и режимов. Ах, ветры у них сильные, спасибо, то-то я не заметил. Ветра, не ветры сводят нас с ума. Сейчас, поднимемся еще немного, и все будет хорошо? Да откуда ему знать, черт бы все побрал! После недавней катастрофы в газетах писали, что редкие самолеты долетят до середины Тихого Океана, да и те не всегда оснащены детекторами турбулентности.

Устал я смертельно. И ведь самое паршивое во всей этой истории, что выхода у меня никакого нет. Хочешь-не хочешь, а лети дальше.

- Что будете пить? – стюардесса с яркой губной помадой.
- Водку, если можно.
- У нас сегодня только Смирнофф.

Как она фыркает на последнем звуке. ФФ-ырк. Смирнов так Смирнов, хотя упершись ногами в земную твердь, я бы эту гадость пить не стал. Отрава для человеческого организма, пахнущая машинным маслом и чем-то кислым, скорее всего, ацетоном. Разливают ее мексиканцы, работающие на маленьком заводике в Менло-Парке. Черт их разберет, чего они могут туда намешать. Господи, ну зачем она кладет этот идиотский синтетический американский лед в пластиковый стаканчик. Не надо так много, пожалуйста... Спасибо, спасибо и на том.

Ну не убожество ли все это: и моя жизнь, и безумный марафон вокруг земного шарика, совершаемый мной в течение последних месяцев? А сам-то я хорош. Глотка алкоголя, разбавленного кубиками льда, достаточно для того, чтобы напряженные мышцы слегка расслабились. Главное – настроить себя позитивно, думать только о хорошем. А все-таки летим... Кажется летим, ребята. Молодые соколы. Ворошиловские стрелки. Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших... Кого там было? Крыл? Птиц? Дыр бул щил.. Нет, что бы вы мне ни говорили – человек не рожден летать. Рожденный ползать летать не может. Тело жирное в утесах.

Что-то со мной странное происходит. Нет, поначалу, когда я только уехал в Америку, все было нормально. Рецидив начался через пару лет. Я начал ловить себя на том, что оставшись наедине с собой, напеваю революционные песни. Смело товарищи, в ногу. Это есть наш последний. И решительный. Ведь от тайги до Британских морей...Солнце красит нежным светом стены древнего Кремля. И как один умрем...

И чем дальше – тем больше. Ну да, с самого детства, день и ночь хрипел на кухне громкоговоритель «Маяк». Заложили в меня культурную прослойку, а теперь, в информационном вакууме, в капиталистических джунглях, выходит она из меня, как пузырьки из газировки. Только вот процес дегазации затянулся.

Пришел я как-то в гости к знакомым, а у них пианино. Настоящее, между прочим, не какой-нибудь электронный органчик. В условиях нашей долины это – роскошь. Во-первых, под тяжелым инструментом запросто может просесть пол, не говоря уже о том, что слышимость – идеальная, хрущевские пятиэтажки по сравнению с местными постройками являют изумленному человечеству чудо звукоизоляции. Словом, сел я за черно-белую клавиатуру, взмахнул руками. И полилось...

Лунная соната? Серенада солнечной долины? Ни хрена подобного, исполнил Гимн Советского Союза со всеми возможными трелями и переливами, так, что гости прослезились.

Курить хочется до безумия, а в Сингапуре у меня на таможне сигареты отобрали, идиоты. Запрещено. Verboten. Хуже коммунистов, честное слово. Слава всевышнему, что я жевательной резинки не употребляю, этой детской мечты советского школьника, лимонной, мятной, вишневой, надувающейся пузырями, в фольге, в разноцветных фантиках. Как все-таки условна жизнь человеческая: двадцать лет спустя за это могут заковать в наручники и даже посадить в тюрьму. При том, что кока-кола продается на каждом углу... Где же логика?

Бррр... В Малайзии меня пытались накормить лягушками, вымоченными в пряном соусе. И смеялись, когда я отказался есть, тем более из общей миски. Впрочем, французы тоже падки на грех, хотя и стояли у истоков европейской цивилизации. Но если и жуют лягушачьи ляжки, то культурным образом, на изящной фарфоровой тарелочке, вытирают губы крахмаленной салфеткой и пользуются металлическими вилками и ножами, а не размокшей от вечной тропической жары и почерневшей от тысяч голодных ротовых полостей деревянной плоской.

Жестокий век, жестокие сердца...

Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Когда же все это началось? Боженька, святые угодники, основоположники Марксизма-Ленинизма, создатели теории о пролетарской революции и неизбежно сопутствующем ей слабом звене, заклинаю вас, оставьте меня в покое! Я – обычный, уставший до смерти человек, поднятый в небо силами природы и человеческого духа, противного здравому смыслу. Товарищ Маркс, я знаю, товар-деньги-товар, но нельзя же так! Я хочу спать, духи, языческие боги, многорукий Будда, покойный председатель Мао, мы сейчас, кстати, кажется летим над Китаем, оставьте меня в покое!

Слышите! Я бросаю вам вызов, я ненавижу вас, тупые, раскосые, распятые, многорукие, изрыгающие пророчества в пустынях, с хитрым калмыцким прищуром, с клинообразной бородкой, покиньте меня. Дайте спокойствие моей душе и телу, если, конечно, это вас не затруднит. За что караете меня, ну имейте же совесть!

Черт побери, я, кажется, основательно набрался. И когда это я успел? И ведь еще недавно так спокойно, размеренно все было...

Глава 2.

И ведь еще недавно так все было хорошо... Все мои неприятности, все страсти и немислимые испытания случились одним прекрасным утром, когда я, к своему несчастью, решил разбогатеть.

Уж лучше бы я об этой идее и не помышлял. Жил себе как-то, и ладно. Работал я тогда в одной совершенно сумасшедшей компании, об этом, впрочем, разговор особый. Как бы то ни было, работа моя позволяла снимать двухкомнатную квартиру, оплачивать две машины, к сожалению, совершенно необходимые в этой части света, и худо-бедно содержать семью. Ничего большего мы позволить себе не могли, но жизнь неумолимо продолжалась, как разворачивается, подчиняясь законам Ньютоновской физики, красная ковровая дорожка, сброшенная с высокой мраморной лестницы.

И вот, представьте, ударило в голову идиоту, проснулся утром и решил: Все! Больше не могу! Убейте меня, хочу быть богатым, свободным и, желательно, счастливым!

Воспитывали меня, воспитывали, а все зря. Песенки про солнышко в детском саду пел. И ведь октябренком был, пионером. Господи, спаси и помилуй, даже комсомольцем... В детстве все про общество чистых тарелок Ульянова-Ленина имени Бонч-Бруевича рассказывал. Володя и, кажется, Наденька Крупская, хотя черт ее разберет, каким образом она туда попала, во младенчестве любили доедать манную кашу со дна росписных тарелок. У лидера Великой и Октябрьской в детстве была такая слабость: на дне тарелки обязательно должно было скрываться послание к будущим поколениям. Ангелочки с пухлыми ножками, танцовщицы-балерины из провинциального театра, коммунистический манифест. Призрак бродит по Европе... Забрел, мерзавец, нет бы ему где-нибудь в Цюрихе или на бульваре Капуцинов осадком осесть. Ан нет, на неизведанное потянуло, будь ты неладен!

Решил, понимаешь, разбогатеть. Ударило в голову, дурню. Хотя, если задуматься, почему бы и нет? Мало ли, кому, чего и куда ударяет. Моя проблема заключалась в том, что решение я принял абстрактное, если бы я вначале придумал, как заработать... Ну, скажем, пол-миллиона долларов, необходимых для покупки жалкого фанерного сарайчика с пятью сотками земли. Словом, виноват во всем оказался квартирный вопрос.

Ну что же мне было делать, если в этой Америке все так устроено? Что если хочешь спать по ночам, желательно и необходимо иметь кучу денег.

Жуткое место, но одно у него было преимущество: на краю света, в который занесла меня судьба, собралось наших немислимое количество. Свято место пусто не бывает. Я встречал бывших знакомых в самых неожиданных местах: в супермаркетах, в кино, просто на улицах, и даже в парикмахерской. Я уже привык к тому, что толкая перед собой тележку, нагруженную бутылками с водой, упакованными в пластиковую оболочку окороками, победно возвышающимися над коляской рулонами туалетной бумаги, обязательно увижу знакомое лицо, судорожно вспоминая, когда и при каких обстоятельствах мы встречались, учились, любили и выпивали...

Как будто и не было моей молодости, моего города: все и вся переместились сюда, в эту выжженную долину. Как-то раз, произведя нехитрый математический расчет, я выяснил, что возвращаться в Москву мне почти-что незачем: восемь из десяти моих друзей теперь жили по соседству. Еще полтора человека были раскиданы по просторам вселенной, целая часть этой математической единицы прочно осела в Европе, в основном почему-то в Англии и в Голландии, а невзрачная половинка рассеялась по азиатским просторам. Аборигенов там миллиарды, редкий гость долетит до середины желтой от глины реки Яньцзы. Долетели, соколики, обосновались. Прониклись ценностями. Один из этих, новопроникнутых, возбужденно рассказывал мне о буддистских храмах, звоне колоколов и медном, десятиметрового роста Будде, которому полагалось возносить моления, вдыхая пряные

благовония ароматических палочек, которые продавались у подножия правой ноги божества. Даже глаза у моего знакомого стали немного раскосыми, они утратили вековую еврейскую грусть и приобрели заторможенное выражение, заставляющее вспомнить о тысячелетней азиатской мудрости. Мимикрия, что уж тут поделать. А через поколение-другое от местных будет не отличить, несмотря на верность жен всех времен и народов.

Ну, хорошо. С друзьями все понятно. Бытие определяет сознание, как учил нас дедушка Маркс. А попробуй здесь поспи, когда в час ночи приезжают... Будем политически корректны, представители национальных меньшинств из одной южно-американской страны. Из их машин несется стук барабанов. Следом за ними подкатывают громадного размера другие, всяческие бывшие африканские представители. Из их машин тоже стучат барабаны. Идут бараны в ряд... Иногда во дворе начинают драться. Бьют в барабаны... Слава Богу, стреляют редко, за последние месяцы, может быть, всего пару раз. Как правило, полиция появляется до наступления решающей фазы разборок, часам эдак к трем утра, когда носы уже разбиты, руки сломаны, но огнестрельное оружие еще не пущено в ход.

В три часа тридцать минут утра, как по часам, появляется седой господин на сверкающем «Линкольне». Он меня поражает, по виду – это типичный джентельмен, я таких в самом шикарном квартале нашей долины не видел. Во фраке и в галстучке бабочкой, а сам при этом ожесточенно копается в мусорном ящике, бутылочки ищет. У меня даже возникло подозрение, что это у него хобби такое. Как у породистых собак иногда бывает: ударит что-то в голову, и вот они сладострастно валяются в грязнящей навозной куче... В четыре утра господин в «Линкольне» уезжает, нагруженный бутылками, а в четыре пятнадцать первые, ранние пролетарии уже встают, готовятся к трудовому дню, а заодно и моторчики в машинах прогревают.

Кто бы мне объяснил, зачем прогревать машины в жаркой Калифорнии, когда даже ночью температура редко опускается ниже семидесяти градусов по Фаренгейту, то бишь, двадцати по Цельсию. Им бы в Москву, в крепкий морозец, эти ребята там бы сразу вымерзли как класс. И вообще, каким образом подобные деятели в состоянии платить половину моей месячной зарплаты за скромную квартирку? Разве все эти личности подозрительного происхождения получали высшее образование, или, не дай Бог, защищали диссертации? Или, может быть, у меня маленькая зарплата? Ничего подобного, не маленькая. В нашей компании больше меня получают только всяческие начальники, а их в количественном отношении не более десяти процентов.

Ах да, как же я мог забыть, квартирки моих соседей субсидированы федеральным правительством. Так сказать, от каждого по возможностям, каждому – по потребностям. Можешь денежки заработать – плати, не можешь – дядя поможет. Вернее, не дядя, – я помогу. Зря я, что-ли, плачу налоги, превышающие третью часть честно заработанной зарплаты?

Чего-то я не понимаю в этой жизни: В соседней квартире поселились странного вида граждане, все как один в черных очках и непонятной этнической принадлежности. Ходят они в рваных майках, но ездят на лакированном «Мерседесе». И хрен с ними, пусть ездят куда угодно и на чем угодно, но зачем же в четыре утра греметь динамиками так, что у меня окно дребезжит? Зачем снимать с новенького «Мерседеса» стоимостью, между прочим, в полторы моих годовых зарплаты, глушитель, так, чтобы чудо немецко-фашистского инженерного гения ревело всеми цилиндрами и выпускало из себя вонючий черный дым. Вы мне скажете, что у этих ребят с благодушными физиономиями Тонтон-Макут нет полутора тысяч долларов в месяц, чтобы заплатить за квартиру? Брехня, у них денег хватает. На восемь лет вперед. Ровно столько стоит изуродованное ими средство арийского передвижения.

Как все относительно и неловимо похоже в нашей жизни. Ну вот, добился я того, чего хотел, приехал в Америку, получил неплохую работу. Зарплата приличная, две машины. Новая – у супруги, старенькая – у меня. В следующем году, наверное, прибавку получу. Во дворе нашего квартирного комплекса – голубой бассейн. Обитатели, правда, в него иногда

газеты швыряют и картонные упаковки от гамбургеров, но раз в неделю бассейн все-таки чистят.

После налогов, квартплаты, выплаты ссуд за машины, страховки, еды, тряпок и... О, не напоминайте мне об этом, о длительных телефонных разговорах моей супруги с тещей, в прошлом месяце они обошлись нам ... Ну что же, если честно работать лет пятнадцать, то на то, что остается от зарплаты, можно будет скопить на первый взнос за дом.

Дом – это давно затаенная мещанская мечта супруги. И моя тоже, слаб человек, чего уж там скажешь. В нашей квартирке – две маленькие спальни, метров по шесть квадратных, в одной из них спит ребенок. Во второй я работаю, зажатый между супружеским ложем и многоярусным трюмо. Трюмо это обошлось в сумасшедшие деньги, но семейный мир дороже... В жилой комнате супруга разговаривает по телефону со своими бесчисленными подругами, и одновременно смотрит телевизор.

Да нет, мне и здесь неплохо, только соседи замучили. Вот, например, прачечная, она у нас одна на весь квартирный комплекс, и как раз за окном. Порошком несет, он на стены оседает, проклятый. А еще – шумно, особенно когда цикл выжимания начинается, от него стены дрожат.

И все бы это было ничего, если бы не занимались жильцы нашего квартирного комплекса стиркой по ночам. Вот позавчера проснулся я от вибрации, подхожу к окну, а там такой маленький, сгорбленный вьетнамец принес несколько корзин с бельем, и стирает.

И ведь прачечная по правилам всего до одиннадцати вечера работает, а ему наплевать. Пришлось одеваться, скандалить, а вьетнамец хоть и щупленький, но агрессивный оказался. Чуть не подрались.

Да черт с ней, с прачечной, ее можно пережить. Я уже почти привык к легкой вибрации стиральных машин, к аромату стирального порошка, даже к пожилому господину, в пол-четвертого утра разгребающему мусорные баки. Я сверяю с ним часы, узнаю порывивание его Линкольна и улыбаюсь во сне ксилофонному позвякиванию бутылок. Этот непрекращающийся ритм жизни мне даже в чем-то симпатичен.

Но вот чего я никак не могу пережить, так это товарища, тоже, кстати, из стран Юго-Восточной Азии. Такая у него манера гадкая – заводит свою развалюху шестидесятых годов в самом начале пятого, и идет завтракать. А бензин и подгоревшее масло – в окно, у нас через минуту в квартире импровизированная газовая камера получается.

Как-то раз я не выдержал, встал, оделся, вышел на улицу, стою около машины. Смотрю – идет, душегуб.

– Извините, говорю, но вы нам спать мешаете и воздух отравляете. Имейте совесть, если уж заводите машину, то отъезжайте в сторону.

– Имею полное право, говорит, татаро-монгол чертов. Стоянка – общая, для жильцов дома.

– Ну вы подумайте, – я, вообще-то по природе человек вежливый, к тому же в логике ему не откажешь. – Вы нам спать не даете, машина у вас воняет, а вы ее на пятнадцать минут включенной оставляете, да еще в такое время.

– Да, оставляю! И буду оставлять, – разозлился мой азиатский сосед. – И пошел ты на... Ну, он не совсем так сказал, но смысл похожий. Словом, по-аглицки, пообещал он меня поиметь совершенно извращенным и противным природе, не говоря уже об основных человеческих религиях, способом. А затем сравнил меня с отверстием, вернее с дырочкой для клизмы, имеющей, по утверждению классиков, место в каждом живом организме. Тут уж я взбесился.

– Я менеджеру пожалуюсь. Вы права не имеете.

– А пошел ты на... И снова, вроде бы по-нашему посылает, но в другом, в совершенно извращенном смысле...

Когда я вошел в квартиру, руки мои дрожали. И ничего против соседей я не имею. И против выходцев из Китая. Много их, за миллиард, а в долине нашей далеко не самые худшие собрались. Некоторые из них вообще умницы невероятные, но вот, извините, хамства я не люблю. И вспомнилась мне песня про крейсер «Варяг»: «За родину в море мы смело умрем, где ждут желтолицые черти». И еще почему-то из школьной программы: «К нему приходили китайцы и негры различных мастей».

Заснуть в ту ночь мне уже больше не удалось, а с утра я пошел жаловаться управляющему, симпатичному старикашке с седыми усами. Звали старикашку Брюсом, а любимым его развлечением была игра в гольф, ради которой он выкопал несколько ямок около одноэтажного здания офиса, располагавшегося напротив бассейна. Как-то, приехав с работы поздно вечером, я никак не мог найти стоянку, в результате запарковал машину в соседнем переулке, и, возвращаясь в темноте в квартиру, провалился в одну из этих ямок и подвернул ногу.

Несмотря на этот досадный инцидент, к Брюсу я испытывал симпатию. Когда я въезжал в квартиру, он долго смотрел мне в глаза, а потом осторожно спросил:

– Вы простите, только не обижайтесь, как вы, русские, относитесь к вину?

– Положительно, – растерявшись сказал я.

– Ну, и слава всевышнему. – Брюс на цыпочках поднялся из-за стола, открыл шкафчик, и извлек из него бутылку вина и два высоких бокала. – Наконец-то, – он тяжело вздохнул. – Вы знаете, я люблю русских. У меня техником работал русский, Илья Ферман. Не знали такого?

– Нет, к сожалению. Россия – большая, – неопределенно ответил я.

– Как бы то ни было, несмотря на все ракеты и атомные бомбы, спутники и прочую всякую дребедень, вы, ребята, все-таки белые.

– Ааа... – смущенно протянул я.

– Ну да, только не обижайтесь. Вы знаете, у нас принято дарить вселившимся подарки – чепуху всякую, вино, бокалы. А эти... – Брюс замолчал. – Для некоторых, особенно для мусульман – это оскорбление. Национальные традиции... Приходится быть осторожным.

*

– Как дела? – Брюс бодро затягивался сигаретой, прихлебывая кофе из высокой чашки.

– Как нельзя лучше, – широко улыбнулся я, стараясь не думать о том, что в прошлом месяце нам в очередной раз повысили квартплату.

– Ванная все так же протекает? – озабоченно спросил Брюс.

– Протекает, – мрачно отпарировал я.

– Не знаю, что и делать. – менеджер погасил окурочок. – Уплотнители плохие поставили. Ну, ничего, честное слово, еще месяц-другой, и все починим.

– Я, собственно, по другому поводу.

– А, про бассейн, – Брюс расплылся дружелюбно-широкой улыбкой. – Я в курсе, он слишком горячий. У нас термостат сломался, еще неделя-другая, и все образуется. Вы только купаться не ходите, еще обваритесь, не приведи Господь! Я объявление на заборе повесил, вы, надеюсь, его видели?

– Видел... Да я, собственно, о другом... – Я мрачно закурил.

– Все-таки прорвало? – Брюс, казалось, ожидал худшего.

– Что прорвало?

– Канализацию, что же еще.

– Пока нет.

– Слава Богу. Вы знаете, я вам советую: как только прорвет, немедленно звоните мне. Некоторые жильцы стесняются, и напрасно! Это – наша работа. Так в чем же дело?

– Вы знаете, я хотел бы пожаловаться на соседей. Неудобно как-то жаловаться, но нас все время будят по ночам. В соседней квартире живет молодой человек, он встает в четыре утра и оставляет свой автомобиль включенным прямо под нашим окном. Вы знаете, спать невозможно, грохот, выхлопные газы...

– Какой ужас. – Брюс поморщился. – А вы не пытались с ним поговорить?

– Как же, пытался. Сегодня утром и пытался.

– Ну, и каковы результаты?

– Агрессивная реакция. Он заявляет, что имеет право заводить мотор где угодно и когда угодно.

– Ох, не хочу вас расстраивать. Но это так. У нас свободная страна. К сожалению, вам, приехавшим из коммунистической России, этого не понять, но для граждан Америки частная собственность священна. Эта машина – его, и он имеет право заводить ее где угодно и тогда, когда ему захочется.

– Брюс, согласитесь, если бы у вас под окном в четыре утра на полчаса оставляли грохочущую и воняющую угарным газом развалюху, вам бы это тоже не понравилось.

– Не скрою, не понравилось бы.

– Это – хамство. Вы не находите?

– Хочу вам заметить, молодой человек, что ваши соседи платят за свою квартиру гораздо больше, чем мы берем с вас.

– Это меня не касается, когда я въезжал, я подписал договор на год.

– И тем не менее. Вы же знаете, квартир не хватает, в долине жить негде. Скажите спасибо, что мы вам повысили квартплату всего на десять процентов. Извините, но я ничем не могу помочь. Формально ваш сосед никаких правил не нарушал.

– О кей, – я, взбешенный, зашагал прочь.

Следующей ночью история повторилась. Я выскочил в халате на улицу, но сосед нагло оскалится, что-то крича на своем языке, потом он обозвал меня бледнолицей вонючкой, и я почувствовал себя предпоследним идиотом.

Когда я утром вышел из дома, озабоченный предстоящим рабочим днем, меня ждало разочарование. Шины моего «Фордика» были спущены, все четыре, их вспороли ножичком. Вызванный мной тягач приехал со значительным опозданием, водитель минут двадцать ругался, потом машину отвезли в ближайший гараж, и заменили колеса, что обошлось примерно в недельную зарплату.

Меня явно выживали с поверхности этой планеты. Меня, представителя самого настоящего, по сравнению с ними, национального меньшинства. Так вот бывает: живешь в муравейнике, и вдруг заявятся мохнатые, лесные, черные муравьи, и начинают атаковать рыжих, одного за другим. И стало мне обидно за державу, уже не помню за какую именно. Библейские видения овладели душой, подобно страннику в пустыне явились мне огненные кусты, атомный гриб Содомы и Гоморры, расступающиеся воды... Мечь, только страшная мечь занимала теперь меня, невыспавшегося и желчного. И, наконец, я решил.

В маленьком здании тира, примыкавшего одной стеной к серой, цементной стене автострады, а другой к штаб-квартире неприлично знаменитой компании, по утверждению рекламы, находившейся внутри любого персонального компьютера, громыхали выстрелы. Здесь тренировались в оружейном искусстве благонадежные подданные американской демократии. Ах, не знал я тогда, что приведет меня в это место судьба, и буду я, напялив на глаза пластиковые очки, и прикрыв уши кожаными наушниками, с яростью дырять пулями

бумажную мишень, испытывая почти-что физическое наслаждение при каждом выстреле, отдающем в руку.

Под стеклянными витринами лежали орудия уничтожения – начиная от скромного пистолета Макарова, и заканчивая Смит-Вессонами, автоматическими винтовками, Германскими Береттами, и Израильскими «Узи». Для подрастающего поколения был отведен специальный закуток, в котором можно было купить пневматические ружья, почти не отличающиеся от настоящих, и спортивные револьверы, стреляющие холостыми патронами.

– Простите, – за витриной стоял рыжеватый парень со слегка косящими глазами.

– Да? – парень лениво почесал затылок.

– Я бы купил вот этот спортивный пистолет.

– Мне-то что, покупайте. – Ему, казалось, было совершенно безразлично, продаст он мне что-нибудь сегодня, или нет. – Только мой вам совет, не возитесь с игрушками, приобретайте сразу настоящий.

– Да нет, мне же...

– Поверьте моему опыту, я работаю здесь уже пять лет. Увидев вас у входа, я сразу понял: этот человек находится в полном дерьме, ему надо постоять за себя. На то у нас и свободная страна, не правда ли?

– Ну да, – пробормотал я.

– Вы откуда? Нет, не отвечайте, конечно же из России, я мгновенно распознаю акцент. Калашников – замечательная машина. А вот с «Макаровым» вы подкачали, немецкая «Беретта» гораздо лучше. Еще рекомендую «Узи», полуавтоматический.

– Давайте я все-таки куплю обычный детский пистолет.

– Сыну на день рождения, – засмеялся продавец. – Или папашке, соседей пугать. Обычная история, поверьте моему опыту. Берите сразу «Беретту» с разрывными пулями тридцать восьмого калибра. Впрочем, дело ваше. Тридцать долларов. Сколько патронов? Пятьдесят? Сто?

– Они холостые? – С ужасом спросил я.

– Обижаете. Но грохочут как настоящие. И так?

– Ну, давайте маленькую коробку на всякий случай.

– Пятьдесят патронов, не пожалеете. Приходите еще. – Он прищурился, этот рыжеватый провидец с удлинённым лицом. – Вы еще придете, помяните мое слово.

– Спасибо, – засунув игрушку в хрустящий бумажный пакет, я выбежал на улицу.

Зарядив импровизированный револьвер, я долго не мог уснуть, предвкушая сладкую месть. Часа в два ночи я все-таки погрузился в небытие, но удушливый бензиновый чад и громохание двигателя разбудили меня.

Я посмотрел на часы. Четыре десять утра. Ну что же, будь что будет. – Я накинул халат, сунул револьвер в карман, и решительно вышел из квартиры в утренний туман.

Голубоватые облачка дыма, смешанного с подгоревшим маслом, вырывались из доисторического средства передвижения. Я стоял рядом в позе ковбоя, вспоминая наивные вестерны и фильмы про индейцев югославского производства, просмотренные в сельском клубе, в провинциальном городке под Москвой, в котором я жил с бабушкой.

Наконец, дверь соседней квартиры приоткрылась, и сосед, играя желваками на скулах, решительно направился к содрогающемуся средству передвижения. «Сейчас как засадит каратистским ударом» – мелькнуло в голове, но я преодолел панический импульс. – Мистер, – злость прорвалась во мне. – Я вас просил не прогревать здесь машину?

«Если опять про отверстие скажет, вытащу револьвер» – думал я.

Ох, что он мне ответил.

– Значит так, – я достал револьвер из кармана. – Ты учти, я -сумасшедший. Ты проколол мне шины, я знаю. У меня есть адвокат, и он сказал, что если я тебя сейчас пришью, с меня взятки гладки, ты понял? Понял, мерзавец? – Я взвел фальшивый курок и увидел, что желтое лицо моего соседа побледнело, приобретя пепельный оттенок.

– Я уже уезжаю, мистер... Я больше не буду...

– А мне наплевать, я за себя не ручаюсь. – Пришлось выпятить глаза и попытаться соорудить зверскую физиономию.

Сосед нажал на газ, завизжав шинами по асфальту.

На улице стало тихо, только в окне напротив появилось испуганное лицо, и, увидев в моей руке пистолет, тут же скрылось. Я почувствовал, что устал. Спать... Хочу спать.

– Что ты там делал? – жена раздраженно накинула на себя одеяло.

– Ругался опять с этим идиотом.

– Надоели мне все эти чукчи. Когда мы уже купим дом?

– Денег же не хватает ...

– Ты – убожество. Вот Вика с Леней купили дом, и Марик с Ирой. Только ты ни на что не способен.

– Послушай, дай поспать. Я устал.

– Спи, спи, – она раздраженно отодвинулась от меня. – Ты так всю жизнь проспешь.

– Да иди ты... У Лени и Марика жены работают, все-таки две зарплаты больше, чем одна. – я не сдержался, тотчас же прикусив язык.

– Это я – иди? Я? – Супруга приподнялась на постели, глядя на меня с ненавистью. – Работать? Когда я так вымоталась? Это ты мне говоришь? Ты, который испортил всю мою жизнь. Да другую такую дуру еще поискать надо, ты мне заморочил голову в молодости, да, дурой была. Но теперь-то все, я-то вижу, что ты самое типичное ничтожество. Какая же я идиотка, мне мама говорила: «Не торопись, доченька, не выходи за этого дурачка». Такие ребята за мной ухаживали, вот Миша Золотарев, он вообще меня в покое не оставлял. И что же, теперь, говорят, банкир, миллионер. Мама сказала, что в прошлом году на него три покушения было... А я каждую копейку экономлю, и все это для того, чтобы услышать от тебя: «Иди ты?» Сам иди куда подальше! Да если бы ты хотя бы мог нас обеспечить, чтобы не жаться как нищим. Мне перед бабами стыдно, придем куда-нибудь в гости, у всех такие дорогие наряды, браслеты, серьги. Жанне муж на годовщину свадьбы ожерелье из изумрудов подарил. А я – как оборванка...

Слаб человек. Потому что, проснувшись через пару часов, я понял, что хочу разбогатеть...

Глава 3.

Была у меня жизнь. Обычная, не то, чтобы хорошая, но и не очень плохая, так себе, средненькая. И вот, устав от укоризненных речитативов супруги, я решил заработать кучу денег. Мечта идиота. И притом, прошу заметить, глупая мечта.

Как нам завещал мудрый поэт Омар Хайям? – «Яд, мудрецом тебе предложенный, прими. Из рук же дурака не принимай бальзама.» Как он был прав, если бы я сейчас мог исправить содеянное, но поздно, поздно...

Короче, приняв душ, выпив кофе, и прожевав бутерброд, я пересилил себя и позвонил Максиму, или Максу, как его называли близкие знакомые.

Максима я немного знал еще по Москве, как-то вяло с ним встречался два-три раза в год, то на вечеринке у знакомых, то в троллейбусе, по дороге на работу. Сколько себя помню, Макс вызывал раздражение своими бегающими восточно-оливковыми глазками. Невысокого роста, суетливый, с провинциальным акцентом, он к тому же имел привычку набрасываться на собеседника с длинными монологами потрясающей нудности и глупости, так что столкнуться с ним на улице было карой Господней.

Макс приехал в Америку каким-то не вполне легальным способом. Несмотря на многочисленные препятствия, вид на жительство он все-таки получил, и поразил всех неправдоподобной протекаемостью и приспособляемостью: Макс немедленно основал свою компанию, продающую и покупающую дома. Одна мысль об этом приводила меня в ужас – полмиллиона долларов возьми, да выложи... Макс, не боясь, брал деньги в кредит, занимал и перезанимал, в результате богател день ото дня. Впрочем, уже невозможно было понять, действительно ли он разбогател, или существует в долг. Как бы то ни было, жил он в огромном доме с бассейном и верандой, и обстоятельством этим весьма гордился.

И позвонить-то мне больше было некому. Все мои прочие знакомые были, по американским понятиям, бедны. Они работали, получали зарплату, и за год зарабатывали столько же, сколько Максим мог получить с одной-единственной удачно заключенной сделки. К тому же, Макс уже несколько раз сам звонил мне вечерами, обычно около полуночи, и минут по сорок рассказывал о каких-то своих успехах и достижениях на ниве золотого тельца. Скорее всего, ему просто хотелось похвастаться, но призрак богатства и связанной с последним независимости, то и дело возникал перед моим наивно-алчным взором.

Вечером я был у Макса. Что-то неприятно урчало в животе, вызывая некоторую обще-организменную тревогу. Казалось, назначив эту встречу, я переступил через невидимый порог, отделяющий меня от нормальной жизни. В который раз я убеждаюсь, что к предчувствиям надо относиться в высшей мере серьезно, но, как говорится, на ошибках учатся.

Дом Максима, хотя и просторный, был до потолка завален хламом. Чего там только ни было: картонные коробки с пожелтевшими бумагами, сложенные штабелем упаковки растворимого супа, какие-то электронные детали, россыпью лежавшие на нежно-розовом кожаном диване описанного классиками цвета бедра испуганной нимфы. До потолка возвышались зловещие, напоминающие высохшие корневища, засушенные щупальца то-ли кальмаров, то-ли осьминогов в огромных пластиковых пакетах, а на журнальном столике в три яруса были сложены наполовину распакованные компьютеры. Среди всей этой свалки были проложены дорожки, напоминающие тропы в горных ущельях, по которым можно было добраться до кухни, и даже выйти во двор.

– Привет, привет, – Макс жизнерадостно похлопывал меня по плечу. – Ты извини за беспорядок, я же один живу, женской руки не хватает. Давай мы с тобой на веранде отдохнем, не против? Ты плавки взял? Может быть, выкупаемся?

– Нет, я как-то про плавки не подумал. – Я с сомнением посмотрел на начинающую зацветать воду и мутно-зеленый налет на стенках бассейна..

– Тогда в следующий раз поплаваем, это даже к лучшему, а то у меня какие-то головастики завелись. Все никак бассейн почистить не соберусь. Ну ладно, хорошо, что ты все-таки позвонил. Ты мне скажи, все-таки образумился? Понял, откуда ноги растут, да? Признавайся, понял или нет?

– Давай лучше о деле. – Я поклялся себе, что никогда в жизни не залезу в этот бассейн.

– Никаких проблем, – Макс широко улыбнулся. – Сейчас, только закусить принесу, – он достал из холодильника тарелку со слегка заветренной ветчиной и извлек початую бутылку коньяка из щели между мешками с сушеными щупальцами. – Я вот чего думаю, – Макс налил две рюмки. – Надо нам всем здесь как следует подзаработать. Так ведь, правильно? Коньячку выпей, он у меня отменный, выдержанный.

– Ну да, конечно – неуверенно согласился я. – Только я не совсем понимаю, как смогу ... пригодиться – Я задумался над тем, сказать Максиму «тебе», или, лучше, «вам»...

– Я решил новую фирму создать. Я ведь вот как считаю: лучше, если с тобой будут работать свои, проверенные люди, здесь принцип простой: ты-мне, я-тебе. Я тебе помогу, ты мне. А о деньгах договоримся, нельзя же всю жизнь за зарплату выкладываться. Так ведь? Правильно?

– А что, собственно, фирма, то есть ты, простите, вы, собираетесь делать? – Я, видимо, вел себя недружелюбно.

– Я хочу пошире все охватить. – Максим, казалось, ничего не заметил. – Поначалу будем с Россией дела вести, знаешь, апельсины, микросхемы. Мне еще предлагали куриный помет продавать, это миллионное предприятие... Осьминоги сушеные, кстати, в последнее время неплохо идут. Ты их когда-нибудь пробовал?

– Нет, – вздрогнул я.

– Попробуй. – Пальцы у Максима были толстыми и короткими, он достал маленький кривой ножичек, и, сопя, начал вскрывать огромный пластиковый мешок.

– Да нет, Максим, спасибо, я как-то не хочу.

– Пожуй, пожуй, ты чего, – он уже выковыривал из сплетенных коричневых внутренностей пакета сушеное щупальце с еще различимыми присосками. – Отличная закуска, между прочим. – Максим откусил от щупальца кончик и почему-то тут же захрипел. – Очень рекомендую. Соленьенькие, просто класс. Как вобла. Даже лучше. Их раньше на Дальнем Востоке добывали, а теперь – бардак полный, пришлось в Малайзии бизнес организовывать. Они там этих зверей специально для меня вылавливают, технология отработана – бросаешь тухлое мясо, или рыбу, и октопусы тут как тут. И тут же, на берегу, вялят на солнце. Ну попробуй же, чего ты? Витаминов до хрена, полезно. Я где-то читал, что от рака предстательной железы помогает, потенцию восстанавливает... У тебя как, с железой все в порядке?

– Кажется да, – смутился я. – Нет, извини, я ... Не хочу. Как подумаю про тухлое мясо...

– Да ты какой-то слабонервный. – Максим, казалось, обиделся. – А ты когда-нибудь видел, как лобстеров вылавливают? Между прочим, тоже на гнилую рыбку. А в магазине по сорок долларов за фунт продают. Вот тебе и арифметика, все просто: покупаешь оптом здесь, продаешь – там, навар идет, все довольны. Малайзийским товарищам тоже надо отстегивать, ты бы видел, как я их здесь принимаю! Как королей, в «Хилтоне» самый шикарный номер, рестораны, девочки... Кстати, напомни, в следующий раз тебя с собой прихвачу. Сейчас, я посмотрю, когда они должны приехать. Ты как, это... – Максим сладострастно засопел. – Азиаточек любишь? – Он открыл записную книжку. – Красавицы... Скажем, двенадцатого августа с трех до семи утра ты свободен?

– Да нет, спасибо, я как-нибудь в другой раз... – поборов нездоровое любопытство, я временно сохранил супружескую верность.

– Ну все-равно, напони, как-нибудь тебя свожу. – Максим заметил мое замешательство. – Застеснялся. Да ты не волнуйся, оттянись, все ведь схвачено. Всю жизнь потом вспоминать будешь. Чего там, один раз ведь живем. Так? Правильно?

– Ты про осьминогов рассказывал, – голос мой стал тонким и противным, и почему-то вспомнилось искушение святого Антония.

– Значит, эти ребята добычу организовали. Они, в свою очередь, рыбакам отстегивают, но уже поменьше. Это как перевернутая пирамида: деньги все у меня, а чем от меня дальше, тем меньше их становится.

– Ну хорошо, а что я, собственно, могу... – Я замялся. – Я не понимаю...

– А вот за это ты не переживай, свой человек еще никому не мешал. А потом, я, собственно, здесь на тебя рассчитываю, – в будущем начнем контракты заключать. Я крупным бизнесом заняться решил. Тяжелой индустрией, военно-промышленным комплексом.

– Погоди, Максим, какие контракты? Ты о чем?

– Машины там всякие, промышленные агрегаты. Ты, кстати, про самолеты что-нибудь знаешь? Или, на худой конец, про эти, как их, с винтом на крыше? Геликоптеры...

– Вертолеты. – перевел я на русский.

– Ну да, что-то вроде этого. Кстати, и прочие всякие летательные аппараты имеются... – Максим напустил на себя ореол загадочности.

– Ракеты, что-ли? – Я с испугом вспомнил о том, что недавно читал статью про нелегальную продажу военной техники диктаторским режимам ближнего и дальнего востока.

– Да нет, ракеты здесь не причем. – Макс поморщился. – Здесь посерьезней дело наклеивается. Так ты с авиацией хорошо знаком? Ты в Москве, случайно, не Авиационный институт заканчивал?

– Нет, вообще-то, – нерешительно признался я.

– Жаль. У меня один знакомый был, талантливый парень, с детства самолетами бредил. И Авиационный закончил с отличием. Теперь свою компанию основал, оптовые поставки нижнего белья... Кстати, тебе трусы или майки не нужны? У него все только итальянское, хлопок, высшего качества. Партии по пятьсот штук. Нет? Я понимаю, пятьсот маек многовато. Ну, может быть знакомым перепродашь, накинешь немножко и в выигрыше останешься. В общем, я думаю, ты парень толковый, разберешься. Почитал бы про авиацию, сходил в библиотеку. Опытные люди в этой области мне понадобятся, перспектив – до хрена!

– Конечно, я почитаю, – промямлил я, вспомнив почему-то великого комбинатора, и чувствуя дурацкую неловкость из-за собственного невежества.

– Хорошо все-таки, что ты приехал. Я как раз подбираю совет директоров. – Максим извлек из портфеля папку бумажек. – Все пока-что на бумаге, но когда дело закрутится, будут бабки, и немалые. Мне нужна твоя подпись, если ты, конечно, согласен.

– Это что, новые «Мертвые души»? – не удержался я.

– Ну, почему же мертвые, – нервно хихикнул Максим. – Вполне живые пока, тьфу-тьфу-тьфу.

– А как это... – Я замялся. – Не будет ли неприятностей? Я же на работе подписывал бумагу, что не имею права заниматься бизнесом...

– Сущая чепуха! – Макс широко улыбнулся, обнажив желтоватые, острые зубки. – Компания еще даже официально не зарегистрирована. Но я давить на тебя не хочу, подумай, посоветуйся, позвонишь мне через пару дней, – он сгреб бумаги и начал засовывать их в портфель.

– Да нет, зачем же, конечно, я подпишу, – в груди у меня что-то екнуло.

– Вот это по-нашему, молодец! – Макс расплылся в широкой улыбке – свой человек... А то начинается, а что, да если. Бизнес – это такое дело, кто не успел, или испугался, тот опоздал и не пьет шампанского. И адресок с телефончиком запиши, вот здесь инициалы, и здесь тоже... Да, еще твой номер социального обеспечения. Ты не волнуйся, он никому не попадет. У нас все заматано. Кредитные карточки? Давай коды, даты... Нет, ты же понимаешь, это формальность... Чтобы кредитную историю проверили. Значит, так, как только мне твоя помощь понадобится, я дам знать. Договорились?

Тоскливо стало у меня на душе после этой встречи. Приехав домой, я вышел на балкон, закурил, и долго прислушивался к неприятному, холодненькому щекотанию в груди. Какая, к черту, авиация. «То тарелками пугают, мол, проклятые, летают» – процитировал я, увидев, как маленький огонек с неправдоподобной скоростью поднимается над далекими горами, и, совершенно не подозревая себя в прорезавшихся на глазах пророческих способностях, допил остаток водки, стоявшей в холодильнике.

Глава 4.

Быть может, я был чересчур суеверным, или просто вырос в социалистическом государстве, но стоило мне побывать у Максима, как жизнь начала разлаживаться. Будто собственной кровью скрепил я договор с дьяволом.

Неприятности начались на следующий же день, и с тех пор не желали заканчиваться. Но этот первый день оказался окрашенным суеверно- политическим оттенком.

Мороз до сих пор взрывается мелкими пупырышками на коже, когда я вспоминаю роковое летнее воскресенье. День выдался жарким, изнуряющим сознание и расплавляющим асфальт, над которым поднимался сверкающими струйками разогретый воздух. В машине на полную мощность работал кондиционер, мотор медленно перегревался, выходные заканчивались, незаметно перетекая в очередную трудовую неделю, и настроение у меня было самого что ни на есть препаршивейшего свойства.

Семейный отдых, заключающийся в поездке в парк, будто мухами усуженный раскормленными представителями всех наций и народностей земного шара, разместившимися на расстеленных по траве одеялах и разжигающими чадающие жаровни, был испорчен еще при выезде из дома. Перестраиваясь в левый ряд, я слишком резко нажал на газ, машина дернулась, и супруга, старательно выщипывавшая брови перед зеркальцем, укололась пинцетом. Крики постепенно затихли, они сменились монотонным изуверским пилением души ржавыми, тупыми упреками. Подумать только, я почти-что сознательно пытался ее изуродовать, выколоть правый глаз. К тому же, отпустил неудачную шутку про покойного министра обороны Израиля Моше Даяна, последний, как известно, был одноглазым, а это только усугубило ситуацию. Не говоря уже о ребенке, который все при том же злосчастном автомобильном маневре, облил себя приторным напитком подозрительного фиолетового цвета, громко заголосил, утверждая что прилип к сиденью, и единодушно присоединился к матери в негодующем осуждении своего отца и его образа жизни...

Стоит ли говорить, что день был отравлен окончательно и бесповоротно, исправить его было невозможно: не помогли мне ни прогулка по парку, ни пенящийся океанский прибор, приносящий прохладный ветерок, ни гамбургер, мороженое и пистолет с пистонами, купленные ребенку, не считая двух новых блузок, приобретенных супругой... Приобретенных – это, кстати, преувеличение. Какими словами описать часы, проведенные на ярком солнце около маленького прилавка, заваленного третьесортной трикотажной продукцией.

Словом, положение мое было безнадежным. Отступить было совершенно некуда, оставалось только сдаться на милость торжествующему победителю. «И вечный бой, покой нам только снится», – попытался утешить я самого себя цитатой из классиков, но и цитата эта не помогла. Классическая поэзия как-то не сочеталась с многотысячной, разогретой, пахнущей потом и дешевой косметикой толпой, разъедающим душу и легкие чадом керосина, смешанного с запахом подгоревшего мяса, и далекими, словно позвякивали взбесившиеся буддийские колокола, звуками «Самбы».

Мы возвращались домой. Судорожно заглотив холодную струю воздуха, вырывающуюся из кондиционера, я настроил радио на волну классической музыки. Ах, мои любимые клавишины со скрипками. Как странно услышать вас на этой раскаленной автостраде. Откуда вы тут взялись, пришельцы из другого мира, в котором покрытые голубоватым, начинающим подтаивать снегом, черепичные, острые крыши...

– Выключи эту дурацкую музыку, – супруга брезгливо поджала губы, безжалостно возвратив меня из заснеженной Европы в плавящуюся под солнцем Америку. – И больше так резко не заворачивай. Кстати, надеюсь, ты помнишь, что мы собирались заехать к Маше.

– Черт! – я понял, что не только день, но и вечер были окончательно отравлены. У Маши мы проведем, если верить моему опыту, весь остаток дня. Самое ужасное испытание, впрочем, приходилось на мою долю: женщины мило перемывали кости знакомым и делились сплетнями, а я оставался один на один с Машиным дедом, старым большевиком, выжившим из ума еще во времена развитого социализма.

Да, как выясняется, в Соединенных Штатах Америки безбедно проживали не только нацистские преступники, но и старые большевики. Все смешалось в истории: Сталин умер, сын убежденного партийца женился на еврейке, и, спустя тридцать лет, когда дети решили эмигрировать, бывший чекист, персональный пенсионер Союзного значения, но нынешний отец и даже дед политических беженцев, Виктор Матвеевич Кузнецов получил статус беженца в Соединенных Штатах Америки. Заслуги старого большевика использовались родственниками в несколько неожиданном ключе: в Америке дедушке-беженцу, угнетенному антикоммунистическими преследователями, полагались приличная государственная пенсия и субсидированная квартира.

– Папа, не ругайся, – это в разговор вступил мой сыночек. Конечно, ему хорошо, у Маши в комнате стоит компьютер с его любимой игрой в баскетбол. Знаем, проходили, и неоднократно: уводить его из гостей придется со скандалом...

– Даже ребенок тебе делает замечания. Ну что ты за человек такой! После всего того, что ты мне сегодня устроил!

– Ну конечно, заедем к Маше. Доедем и переедем. Никаких проблем. Даже во лбу третий глаз вырастет, так, на всякий случай. Для осознания исторической правды.

– Паяц несчастный. – Супруга поджала губы. – Замолчал бы уже, уши вянут!

– Замолчи уже, папа! Мы едем к Маше! – сын был уверен в своей правоте. – Хочешь я тебе покажу, как играть в баскетбол?

– Не хочу...

Знаю, знаю. Я ни на что не гожусь. Я – источник всех зол, вредных тенденций, я подаю дурной пример ребенку, смущаю его незрелое сознание своими дурацкими цитатами из русских и советских классиков, а также нетерпелив и несдержан. Ну что же, к Маше, так к Маше.

Старый большевик проживал в квартирном комплексе комплексной застройки. Деревянные домики барачного типа теснились друг к другу, несколько чахлах деревьев все так же, как и пару лет назад, когда я их впервые увидел, стоически поддерживали хрупкий баланс между медленным увяданием и незамедлительной гибелью. Их высохшие стволы, желтые, иногда с проблеском ядовитой зелени листья, вызвали у меня растительно-животные ассоциации с Машиным дедушкой. Отождествление растений с людьми было не вполне оригинальным, и, пока мы шли между деревянными корпусами, из которых на улицу вырывались экзотические запахи пищи, происходящей из разнообразных регионов Земного Шара, я погрузился в размышления. Князь Волконский в «Войне и Мире», например, разговаривал с дубом. Высоцкий пел про переселение душ: «И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь». Многочисленные анекдоты про военных: «От меня до следующего дуба шагом марш». Есть еще выражение: «вести растительный образ жизни»...

– Ой, ребята, какие вы молодцы, что заехали, – заголосила Маша, безжалостно разорвав все мои сложные ассоциативные образы. Она выпятила свои и без того вылезавшие из орбит глаза, и я даже на секунду испугался, что они вот-вот выпадут наружу. Я иногда подозревал, что у этой толстенькой девушки Базедова болезнь, но, видимо, ошибался.

– Дед, дед, гости пришли! Ой, ну рассказывай, Ирка, как дела?

– Посмотри, какие я блузки на распродаже отхватила! Представляешь, скидка тридцать процентов.

– Боже мой, какие хорошенькие... Да где ты такие откопала? Ой, не могу...

*

– Вот, – Виктор Матвеевич, сидел в инвалидном кресле, строго глядя на меня немигающим взглядом. Все подтверждало мои наихудшие ожидания, и я съежился, предчувствуя пренеприятнейшую беседу.

– Как вы себя чувствуете? – вскрикнул я, вспомнив, что Машин дед был глуховат. «Расстреливал эсеров с кадетами в подвалах, и постепенно оглох» – мрачно фантазировал я временами, укоряя себя в мизантропии, циничности, и не подозревая, насколько в те минуты я был близок к исторической правде.

– Спасибо. Сдаю, конечно. Больно видеть то, что творится вокруг.

– Кхэ... – Началось, – понял я. – Так сердце больше не пошаливает? – Более всего мне хотелось исчезнуть. Скажем, отпроситься в туалет. Или пойти покурить на балкон.

– Какое сердце! Вот что я вам скажу, молодые люди, Сталину памятник надо было поставить! Да, он действовал жестко, решительно, но в тех исторических условиях... Ведь какое безобразие, в нашей молочной до двух часов дня кефира не было! И это в самом центре Москвы! Вы можете себе представить?

– Я пойду, покурю. А вам волноваться вредно.

– Не могу! Не могу! – Виктор Матвеевич раскраснелся и судорожно начал стучать кулаком по подлокотнику кресла. – Все идеалы изгажены. Выжечь каленым железом!

– Да успокойтесь вы. – Я вытер пот со лба. – Кефира здесь видимо-невидимо, только он невкусный.

– Вот о том и речь! Дерут трудовые доллары, а пить невозможно! А творог? Почему они не продают творог? А как дорого все... Их бы под трибунал отдать! Вот я как-то с председателем наркомата Пищевой промышленности товарищем Микояном принимал линию по производству докторской колбасы...

– Я выйду на балкон, в комнате сегодня душно.

– Стоять! Как я могу быть спокоен, когда реакция поднимает голову? Скажите, почему вы, советские молодые люди, бросили Родину, погнались за наживой? Стыд какой! Неужели все то, чему вас учили в советской школе... – Старичок совсем разошелся, лицо его начало краснеть, а высохший кулачок агрессивно постукивал по подлокотнику.

– Вы меня извините, Виктор Матвеевич, но я чего-то не понимаю в этой жизни. – Я достал из кармана пачку сигарет. – Вы боготворите Сталина, угробившего миллионы людей, в чем-то обвиняете нас, а сами? Позвольте мне спросить: что вы здесь делаете? Укрепляете развитой социализм? Или, не приведи Господь, недоразвитый коммунизм? Как вы сюда попали? И еще: ведь вы же получаете пенсию от ненавистного вам империалистического государства, живете в субсидированной все тем же государством квартире. А между прочим, оплачивают все это пролетарии.

– Пролетарии? – оживился Виктор Матвеевич.

– Ну как же, это мы, те, кто работает, платит налоги.

– Сопляк! – щеки и лоб дедушки приобрели цвет перезрелого помидора, и старый большевик начал хрипеть. – Тоже мне, пролетарий! Вон отсюда! Подлец, наймит сил международной реакции! – Хрип все усиливался, и я испугался, что бышему Гебисту станет плохо.

– Да не кричите вы так, ради Бога.

– Да таких, как ты, в прежние времена к стенке ставили, – из уголков стариковского рта текла мутная слюна.

– О, Господи, замолчите же наконец, смешно, честное слово.

– Не будет тебе покоя! – Виктор Матвеевич простер высохшую руку как судья святой инквизиции, обличавший вероотступников. – Если бы я был помоложе, я бы тебя расстрелял! – голос его сорвался на визг.

– Ну, слава Богу, что я этого времени не застал! – «А ведь точно расстреливал, от этого занятия и оглох». – мелькнуло у меня в голове. – «А может быть и не расстреливал, кто его знает. Но я-то хорош. Что же я делаю? Идиотизм какой-то, зачем вообще спорить с этим стариком, а тем более его дразнить. Вечно у меня внутри сорвется какая-то противная пружинка.»

– По миру пойдешь, подлец! – продолжал партиец. – Ты еще вспомнишь теорию классовой борьбы, на своей шкуре испытаешь... звериные... капиталистической эксплуатации. – Он окончательно, как-то сизо-багрово покраснел и начал запинаться, судорожно хватая ртом воздух.

– Страшно, аж жуть. Виктор Матвеевич, успокойтесь, так оно и будет. Гореть будем в геенне огненной.

– Я проклинаю тебя именем мирового рабочего движения! – Ох, – Виктор Матвеевич вдруг осел в своем кресле. – Вставай, проклятьем заклеименный... – Глаза его стали мутными.

– Дед, Дедушка! Де-ед! Ой, не дай Бог, ну что же это такое, я же просила не вести с ним политических разговоров! Как дети малые, на минуту оставить нельзя! Господи, где же таблетки. – Маша ворвалась в комнату и носилась по ней безо всякого толка, как голубица над разоренным гнездом.

– Да я и сам не знаю, что на него нашло, честное слово, начал ругаться, и вот... – Мне стало не по себе.

– Ему плохо! Скорую, скорую вызывайте! Ой, что же мы теперь будем делать, ведь если он помрет, у нас и пенсию отберут, и квартиру. – Маша с неприязнью посмотрела на меня. – Дедушка, дедушка, ты меня слышишь?

– Рабочих и рабов... – Как выяснилось на следующее утро, эти слова были последними, когда-либо произнесенными Виктором Матвеевичем на поверхности Земного шара.

– Что? Что, дедушка? Что ты сказал?

– Это он «Интернационал» поет, – мрачно констатировал я. Более всего в тот момент мне хотелось провалиться сквозь землю.

Когда «Скорая» отъехала от квартирному комплексу, Маша билась в истерике, а моя жена мгновенно перекочевала из ближайших подруг в разряд смертельных врагов. Стоит ли упоминать о том, что обрушилось на меня дома...

Никогда еще меня не проклинали. Никогда я не был виновен в смерти другого человека. Нелепость ситуации как-то забывалась по соседству со смертью, оставалось чувство вины и суеверный страх.

В общем-то, я никогда не отличался суеверностью. Проклятие, тем более произнесенное от имени мирового пролетариата, пусть даже на смертном одре – нелепо. Но когда я вспоминал о происшедшем, настроение мое портилось, я просыпался в холодном поту, и мне становилось жутко. Так, должно быть, чувствовали себя миссионеры, проклятые жрецами и шаманами, исповедовавшими культ неведомого и зловредного божества. Так, наверное, чувствовал себя фараон после встречи с Моисеем. И казни Египетские уже маячили на горизонте.

Успокоился я только через пару недель. Но, пожалуй, та воскресная ночь и последующий день, когда выяснилось, что Виктор Матвеевич все-таки отдал Богу душу, примирили меня с теорией нелинейности времени. Если задуматься, вся наша жизнь движется по четвертому измерению рывками. Она то медленно течет, подготавливая эмбрион к рождению, удваивая клетки, выращивая полновесного младенца. Потом младенец, будь он мужского или женского пола, совершенно одинаковым образом пролезает

через дающее жизнь отверстие женской плоти, которому мы обязаны литературой, искусством и всеми возможными науками. Высовывается зеленоватого цвета головка, потом зародыш, повинувшись врожденному инстинкту, разворачивается, и появляется его плечо. Пронесется года три как одно мгновение, детские рыдания не в счет, сгущается сознание, выстраиваются временные связи, и хлоп! Готово, происходит событие не менее важное, чем рождение человеческого тела. Отделение разумного начала от физической оболочки. Или, наоборот, наделение тела сознанием. Как оно происходит, быстро, незаметно. Еще вчера ты лежал в этой кровати, смотрел на стену красного кирпича, тянулся дрожащими пальцами к погребушкам, а сегодня... Всякий медведь и тигр неожиданно приобретает свое, неизвестно откуда взявшееся место в этой иерархии, возможно, впитанное предыдущими поколениями. Зайчик маленький и слабый, его надо защищать. Медведь большой и добрый, как Балу, учитель Маугли. Тигр Шер-Хан – жестокий и злобный. Я еще не умею разговаривать, но социологическая иерархия входит в плоть и кровь, будто усвоенная с материнским молоком. А чуть позже возникают племенные разногласия, войны, социальные революции, и прочая человеческая дребедень.

Если бы знала моя мама тогда, давным давно, в маленькой коммунальной комнатке, что предстоит пережить этому розовому пупсику, жадно присасывающемуся к ее груди. Скажем, прибавить тридцать три года. И что?

Могла ли она представить, как я когда-то буду справлять свои дни рождения?

Глава 5.

Мой тридцать третий по счету день рождения выдался жарким, и проснулся я удрученным от осознания предстоящей суеты.

Дни рождения какого-нибудь из знакомых, на худой конец их супруг, супругов, или детей, случались почти что каждые выходные и неизменно отмечались дружеским пикником. Когда я только приехал в Америку, меня буквально на следующий же день потащили на одно из таких празднований. Теперь организовывать праздник желудка предстояло мне – такова была неписанная традиция обитателей солнечной долины.

Разгоретые солнцем, провонявшие жареным на углях мясом парки уже успели мне порядочно надоест. Я знаю, я знаю, боженька, с твоей точки зрения, и с точки зрения подавляющего большинства моих соотечественников – я зажрался. Вымоченная в уксусе и в красном вине баранина, даже некошерная свинина – первый признак разврата души. И не только души: жареное мясо вредно для здоровья. Обгоревшая его корочка содержит канцерогенные вещества, жир откладывается в организме, вызывая преждевременное старение, холестерол забивает сосуды, грозя инфарктом миокарда.

Но мы тогда об этом не думали, вследствие относительной молодости, здоровых желудков и умеренного оптимизма. После дружеского возлияния и съедения шашлыков, мы играли в футбол, неведомый аборигенам, вызывая восхищение последних этой варварской игрой. И дети наши тоже играли, с остервенением ударяя маленькими, пухлыми ножками по кожаным мячам. Потом становилось прохладно, мы, пытаясь удержать машины, кое-как спускались с гор, собираясь на чай у очередного именинника, вместо чая пили опять-таки водку, и разъезжались уже глубокой ночью, из последних сил стараясь соблюдать правостороннее движение и установленные пределы скорости. К счастью, никого из нас еще ни разу не забирали в полицию.

Господи, прости меня за фривольное обращение и нытье. Я знаю, я все понимаю, обитателям американской глубинки Калифорния кажется раем. Как казалось раем рабочее общежитие текстильной фабрики на Рязанском проспекте обитателю деревни Вохрино, Ивановской области времен развитого социализма. Американская мечта, Голливуд, чудеса современной технологии. Центр цивилизации, высокообразованное население, хорошие зарплаты... Но какую тоску вселяют в меня местные пейзажи...

Вернемся к нашим, пропитавшимся маринадом, баранам. Рискну повториться: глубочайшее отвращение внушают мне эти необозримые магазины, пахнущие химией и упаковочными материалами, однообразные жилые кварталы, разбитые, пыльные дороги, ржавые мастодонты шестидесятих годов, за рулем которых сидит, как правило, густо покрытый татуировкой абориген с тупым выражением лица, или, на худой конец, мексиканец в сомбреро. В последнем случае, в кузове грузовика расположилась его семья – теща, тесть, бабушка с дедушкой, и человек шесть детей разного пола и возраста.

Когда на квартал спускается темнота, на мексиканском ресторане зажигается подмигивающая, нудно звенящая неоновыми трубками надпись: «Don Pueblo». Проезжая мимо нее в течение последних двух лет, я явственно наблюдаю неведомые аборигенам, но крайне ощутимые для меня, зловещие признаки грядущего в скором будущем Общего Кризиса Капитализма. Надпись постепенно гаснет. В прошлом году перегорел «Дон». На прошлой неделе наконец выключилось гордое мексикано-испанско-латинское «Р» с игривыми завитушками. Что осталось – то осталось. Забавно, но подмигивающие красные неоновые буквы действуют безотказно: они повышают мой жизненный тонус, вселяя уверенность в завтрашнем дне, и укрепляя ощущение того, что жизнь прожита не напрасно.

При солнечном свете оптимизм мой куда-то исчезает. Стоит миновать небольшой районный центр со ржавой, покосившейся водонапорной башней, ничем, кроме ориентации,

не напоминающей Пизанскую, как дорога становится однополосной. В степи среди выжженной травы тут и там торчат трубы химических заводов, из которых вырывается либо факел от сгорающих отходов, либо просто ядовитый, пахнущий ацетоном столб дыма. И пусть экологи рассказывают нам сказки про то, что Россия отстала от цивилизованных стран в деле охраны окружающей среды. В иллюзорности этой брехни меня наглядно убеждает едкая вонь, проникающая в машину сквозь фильтр работающего на полную мощность кондиционера, разъедающая ветровое стекло и автомобильную краску.

Если проехать еще несколько миль, предприятия химической промышленности исчезают, впрочем, как и вообще становится сомнительной всякая цивилизация. Если бы не разбитое асфальтовое полотно дороги и покрытые граффити указатели, можно было бы подумать, что попал в Эфиопию. Ближайшая заправка – через сто тридцать миль. Главное – не обращать на это внимания. Я-то знаю, что еще минут десять, и возникнет мираж – несколько цементированных, отдающих гигантоманией коробок в стиле кубического соцреализма, бесконечная асфальтированная парковка, и о, счастье, кондиционированный воздух внутри.

О, блаженство, овладевающее путником по мере приближения к стеклянным дверям торгового центра, из которых освежающим водопадом вырывается холодный воздух. Смешиваясь с раскаленным маревом, он вызывает миниатюрные вихри-торнадо, игриво пробегающие по асфальтовой дорожке. Как близок бывал я в этот момент к осознанию простого человеческого счастья, возникающего у путешественника по пустыне, перевалившего через последний бархан и увидевшего оазис с маленьким, подгнивающим прудиком, тремя чахлыми пальмами и низкорослыми кустиками неопределенного происхождения.

Американцы приезжают в подобный торговый центр чтобы развлечься. Это – все равно, как москвичи и гости столицы когда-то ходили в Большой Театр, или в Кремлевский дворец Съездов. Подобная поездка символизирует собой освобождение от скучной жизни, от выжженного пространства. Стоит только нырнуть в сумрачный, прохладный коридор, а дальше... Можно целый день бродить по однообразным магазинам, перебирая сшитые в Китае тряпки, небрежно нацепленные на вешалки. Можно пожирать гамбургеры в Мак-Дональдсе. Только это не тот Мак-Дональдс, который в незапамятные времена открылся на Пушкинской площади. В этом Мак-Дональдсе грязно, за кассой стоит парень с явными признаками симптома Дауна, кетчуп покрывает пластиковые столики и пол, но толпу посетителей неопределенной этнической принадлежности это не смущает. Рядом – кинотеатр с очередными Голливудскими боевиками, а по соседству – зал игровых автоматов. И всюду, подавляя сознание, заставляя чихать и задыхаться – приторный чад жареной кукурузы, ванили, куриного жира.

Организация всенародного обжорства – дело убыточное для семейного бюджета, и закупать продукты приходилось в оптовом магазине, напоминавшем огромный сарай. В этом магазине продавались бесчисленные аксессуары торжеств: пластиковые стаканчики, бумажные скатерти, тарелки, вилки, розовые шмоти мяса, пузатые бутылки водки, в которых стакана недоставало до двух литров, четырехлитровые пластмассовые канистры с соком, и тому подобное. Куда ни направишь взгляд, уходили в бесконечность многоэтажные стеллажи, забитые картонными и пластиковыми коробками, по линолеуму шныряли взад и вперед автопогрузчики, а я, предъявив на входе пластиковую карточку члена кооператива, толкал перед собой металлическую тележку, набивая ее продуктами общества потребления.

Выйдя из такого торгового центра, на секунду вдыхаешь горячий воздух, выпускаешь из легких едкой запах синтетики, подгоревших гамбургеров, потом проклинаешь все на свете, снова начинаешь обливаться потом, обжигаешь руки об машину, швыряешь покупки в плавающий багажник, и говоришь:

Я ненавижу Америку!

Благословен ты, район, в котором я живу. Нажимая на газ, запросто обгоняешь никелированные американские гиганты выпуска шестидесятых годов, пересекаешь

выжженные горы, и вырливаешь на мост через залив. Залив в это время года как раз начинает гнить, от его берегов несется вонь, напоминающая аромат компостной ямы, в которую вылили полтора литра духов «Красная Москва». Заплатив свои три доллара за проезд по мосту, ты несешься, уйдя в левую полосу, ускорившись до ста пятидесяти километров в час и подпрыгивая на бетонных швах. Причина, по которой ускорение это возможно, весьма проста: полиции здесь никогда не бывает.

На другом берегу начинается самый страшный участок моего путешествия – район бедноты. И не просто американской бедноты, раскормленных женщин с поросычьими глазками, скуластых мужиков, толкающих перед собой коляски со скарбом и пустыми бутылками, извлеченными из мусорных ящиков. Нет, эта беднота страшнее, она – черная. Не знающая законов, вообще какой-либо нормальной жизни, и потому – беспредельная. В прошлом году моего знакомого, милого, бородатого, немного не от мира сего изобретателя из Москвы начала семидесятых годов, доктора технических наук и автора двух десятков патентов, в этом районе вытащили из машины, избили, и потом застрелили. Еще один из моих приятелей случайно попал сюда, спутав выезд с автострады, у него была новенькая машина, скромный малолитражный «Фордик», но и он вызывал классовую ненависть у местных обитателей. Короче, знакомый мой был избит металлическими прутьями и навсегда остался парализованным. Памятуя о страшных судьбах соотечественников, я включаю кондиционер, нажимаю на кнопку автоматического запираения дверей, и перестраиваюсь в правый ряд, дабы не раздражать аборигенов, совершающих невообразимые автомобильные маневры.

У обочины стоит полиция, окна автомобиля разбиты, на тротуаре лежит тот, кому не повезло. Еще немного, два светофора осталось... Ура!!! Да здравствуют цивилизация, природа, здравый смысл. Дорога становится гладкой, по обоим сторонам ее глаз проезжающего ласкают виллы, окруженные пальмовыми садами и цветущими беседками, еще полторы мили – и я въеду в родной квартирный комплекс.

Даже воздух здесь прохладен. Голубой бассейн приветливо рябит, пуская зайчики на цементном заборе с колючей проволокой, отгораживающем жильцов от непрошенных посетителей из внешнего мира.

– Наконец-то – супруга, по своему обыкновению, недовольна. – И где тебя столько времени носило? Все купил?

– Купил, купил. Дорого, конечно...

– Ты с ума сошел? Нет, вы только на него посмотрите! Тебе делать нечего, только кормить этих дармоедов? Ну-ка показывай, чего ты там притащил!

– Да не кипятись ты. Все-таки друзья. И потом, неудобно – все нас зовут к себе, угощают... Мясо, выпивка, закуски, знаешь, ведь все один к одному складывается.

– Ну конечно, – жена, поджав губы, изучала чек. – Курицу твои дружки жрать не будут, куда там, ты баранину взял. А она почти в три раза дороже. И еще, зачем ты снова купил целый блок сигарет?

– Да они же там дешевле, – мне до смерти надоело оправдываться. – И вообще, отстань ты от меня, мой день рождения, что хочу – то и покупаю.

– Ты – идиот! Тебя ждет плохой конец, вот что я тебе скажу. Ты умрешь под забором от цирроза печени, или от рака легких, а скорее всего и от того, и от другого. Ты разоряешь семью, транжиришь деньги направо и налево. Ну как же, я так и знала, ты и водочкой не забыл запастись. Двадцать долларов пиши-пропало!

– Послушай, хватит скандалить. Двадцать долларов стоит громадная бутылка, если я куплю обычную в супермаркете, она обойдется в пятнадцать.

– Вот только этого не надо! Ты мне лапшу на уши не вешай, я сама видела, такая же бутылка «Смирновской», стоит не двадцать, а двенадцать баксов.

– Да ее же пить нельзя, это отравка, неудобно даже будет на стол поставить.

– Стеснительный какой нашелся! Я тебе сейчас посчитаю, сейчас.. Водка, сигареты, еще если бы ты купил курицу... Мог бы при желании сэкономить, твои дружки по пьяни ничего бы даже не заметили. Сто долларов... Несколько таких вечеринок, и подарил бы мне колье из изумрудов, такое же, как у Жанны. Чем она лучше меня?

Я ненавидел свою жизнь. Я ненавидел эту женщину, высчитывающую копейки. – Да пошла бы ты работать, дорогая, – думал я со злостью. – Ты же спишь до полудня, до пяти вечера трепешься по телефону со своей мамой, проживающей в Москве, и после этого позволяешь себе упрекать меня в...

– Что ты купил? Я тебя спрашиваю!

– Ну, что еще? – Мне хотелось уехать, куда-нибудь далеко, в деревню, в горы, на океанский берег, только бы не слышать этого крика.

– Я же тебе тысячу раз объясняла, когда будешь выбирать ветчину, покупай ту, у которой шкурка коричневая. А ты что взял? Эту гадость есть невозможно.

– Ой, – я и вправду допустил промах. – Перепутал я. Послушай, ну и поехала бы в магазин со мной, – я почувствовал, что еще один ее вопль, и я уже не в силах буду контролировать себя. – Разве я могу все упомнить? Я и так работаю с утра до ночи, имей совесть.

– Я еще на прошлой неделе тебе объяснила, что в магазины с тобой ездить не буду. К тому же, я сегодня должна была позвонить маме. Так что нечего меня обвинять неизвестно в чем. А ветчину эту сам жри и скармливай своим дружкам. – Супруга, раскрасневшись, поднялась из-за стола. – И пока все не сожрешь, я не успокоюсь. Не будешь покупать себе обеды на работе, целый месяц заставлю тебя жевать эту гадость, кусок за куском, кусок за куском...

И почудилось мне греховное видение, Господи. Будто подвожу я эту женщину к голубому бассейну, и прижимаю голову ее, изрыгающую проклятия, ко дну, ко дну, так что только пузырьки поднимаются к поверхности, и так становится тихо, и так хорошо. Воздух теплый, бассейн освещен фонарями, пальмы безмятежно шуршат листьями, белки бегают.

Брр... Зря я так. Ведь сказано в заповедях: «Не убий!» Характер у нее испортился, это верно. А какая она была симпатичная в молодости. Разбалованная немного, но ей тоже несладко пришлось со всеми нашими переездами. Конечно, ей теперь хочется благополучия. Особенно, в свете нынешней экономической ситуации...

*

Мясо уже пропиталось маринадом. День моего рождения выдался солнечным, пыльным и жарким. Ехать до парка было довольно далеко. Вначале предстояло пилить миль тридцать по шоссе, потом – свернуть на боковую дорогу и крутиться минут пятнадцать по горному серпантину. Особенно раздражали меня велосипедисты, не обращавшие никакого внимания на ползущие за ними автомобили. Обогнать их не было почти никакой возможности, вернее – была, но связанная с риском получить лобовое столкновение с выскочившей из-за поворота машиной.

Наконец, показалась будочка паркового смотрителя и шлагбаум. Заплатив пять баксов, мы, наконец, были допущены в лесной рай.

Среди наших знакомых, проживающих в солнечной долине, сложилась традиция проводить пикники в одном и том же месте, около ручья, полноводного весной, но почти полностью пересыхавшего летом. У берега, поросшего кустарником, стояло несколько столов с жаровнями, своеобразная кормушка для оголодавших обитателей соседних городков, которые стекались к ней как олени, пришедшие на водопой, как муравьи, образующие черную струйку эктоплазмы, обвивающую случайно упавший на землю кусочек сахара.

Солнце палило нещадно, даже от ручейка не несло прохладой. Проклиная все на свете, я вытаскивал из багажника начинающие плавиться свертки с бесконечными салатами, ветчиной, вареными креветками, осознавая, что все это изобилие через пару часов неизбежно и бесповоротно исчезнет в желудках приглашенных, но, будто по инерции, метался между столами, создавая иллюзию организованности.

Более всего раздражали меня угли для жаровни. Пользоваться для жарки дровами категорически воспрещалось. В то же время, угли, продающиеся в местном магазине, совершенно не желали разгораться, несмотря на литр керосина, вылитого на них в течение последнего получаса. Я хорошо изучил эту коварную манеру: еще через полчаса они наконец начнут полыхать, тогда их будет невозможно затушить и придется заливать водой. Нормальные угли, пропитанные керосином, и загорающиеся от одной спички, стоили в два раза дороже. Покупка их была бы интерпретирована супругой как вызов семейному бюджету, так что, поливая угли керосином, я тем самым поддерживал хрупкий семейный мир. А худой мир, как известно, гораздо лучше доброй ссоры, по крайней мере, так мне тогда казалось.

– Привет! – Это появился наш первый гость, худощавый парень с рыжими усиками, вот уже третий год подряд обучающийся вместе с супругой на курсах безумно сложного английского языка. – Ну, поздравляю, – он протянул мне стаканчик с плещущейся на донышке водкой. – Чего, не горят?

– Не горят, сволочи.

– Да ты не те угли покупаешь, надо пропитанные керосином брать, знаешь как они занимают?

– Знаю, знаю, – я мрачно продолжал свою миротворческо-поджигательскую деятельность. Угли дымились, в воздух поднималось мутное облачко ядовитых газов. Алкоголь не сочетался с местным климатом, от жары и керосинового чада сознание начало свои обычные фокусы. Симптомы были мне хорошо знакомы: я занялся поисками смысла жизни.

Пустота. Работа с девяти утра до одиннадцати вечера. Пару раз в неделю дома заканчивается жратва, и приходится ехать в супермаркет, благо он работает двадцать четыре часа в сутки. Как мы только жили в Союзе Советских, Социалистических и не знаю чего еще... Воистину, не хлебом единым жив человек. И еще – какая чертова уйма мелочей необходима человеку для комфорта. Каждый месяц в этом убеждаюсь.

Черт бы все побрал. Все эти сверкающие машины, жадно пожирающие бензин, одноэтажные дома с убогой неоновой рекламой. Неестественный сплав народов мира, среди которых преобладают выходцы из Юго-Восточной Азии и мексиканцы. Такой будет наша планета будущего – гамбургеры в грязных забегаловках, бензин в автомобильных баках, жевательная резинка на расплавленном от жары асфальте.

Господи, ты же понимаешь меня. Где осталась та, хоть немного напоминающая нормальную, жизнь? Где узкие улочки старинных городов, выходящие на ратушную площадь, где эти соборы, переплетением прозрачных кружев протыкающие небо? Где запах кофе, терпкого вина, освещенные разноцветными лампочками бары, воздух в которых клубится сизыми облаками табачного дыма. Лавки букинистов, пахнущие желтой, пыльной, хрупкой бумагой. Падающие на площадь желтые листья, готические шпили, подсвеченные прожекторами, и этот сладкий запах дымка, глентвейн, разливаемый в глиняные кружки морозным рождественским вечером. Где те безумные вечера, когда на город падает первый снег, и улицы, дома с черепичными крышами, садики и деревья покрываются белым одеялом? Куда делись вы, освещенные окна, музыка, вырывающаяся на улицу, дом с эркерами, темный подъезд, и колокольный звон. Неужели, неужели всего этого уже никогда не будет? Где вы, тусклые внутренности трамваев, искрящие электричеством усики троллейбусов, бюсты классиков в мрачном коридоре, и фортепианные аккорды, завихряющие снежинки, падающие на памятник Петру Ильичу.

Мимолетное воспоминание исчезло. Обливаясь потом и закашлявшись от удушливого чада, я с удовлетворением отметил, что угли наконец начали разгораться. Гости, тем временем, понемногу собирались. Приехали знакомые жены: сухонькая, вертлявая Вика со своей, как две капли воды похожей на нее сестрой, и их высокие, торопливые голоса с южными интонациями вызвали у меня мгновенный, но, к счастью, непродолжительный приступ мигрени. Потом появился мой сослуживец Саша с женой и ребенком одиннадцати лет, сопровождаемый тещей и тестем. Родственники приехали погостить к дочке и, казалось, раздумали уезжать. По крайней мере, они жили у Саши уже около года. Теща со страдальческим лицом уселась на скамейку, извлекла из сумки пластмассовый веер, купленный в китайском квартале Сан-Франциско, и начала им обмахиваться. Тесть нерешительно поздравил меня, немного помялся, совершив пару кругов вокруг жаровни, и, стесняясь, предложил выпить за мое здоровье.

– А чего, хорошая идея, – поддержал его Саша, и тут же сам собой случился классический тост «на троих».

Несмотря на то, что после выпитого грустное настроение начало уходить, я отметил про себя, что основной костяк приглашенных еще не собрался, и мне надо быть осторожным со спиртными напитками. Практика проведения подобных мероприятий свидетельствовала о том, что каждый вновь приходящий гость обязательно пьет с именинником, что, в сочетании с чадом, поднимающимся от жаровни, оказывает совершенно убийственное влияние на физиологические функции виновника торжества, и обычно заканчивается его полной отключкой и ужасающей головной болью, предательски возникающей на следующее утро.

– Ну, как вам здесь? – из вежливости спросил я Сашиного тестя. – Привыкли уже?

– Да привыкли, привыкли конечно. Только вот супруга жалуется, жарко ей. А так неплохо, парки красивые. Сытно, богато. Машины хорошие.

– Ааа, ну да, – вяло согласился я, почему-то вспомнив Некрасова. Начало этого стихотворения я так и не смог восстановить в памяти, но общий ритм: «Парки Красивые. Сытно, Богато. Машины Хорошие», неуловимо напоминал мне русского классика. Требовалось только логическое завершение, которое само напрашивалось: «Только несжата полоска одна».

Разговор с тестем сам собой иссяк, разбившись, как океанская волна, об утес классических ассоциаций. К тому же, после трагического спора с Виктором Матвеевичем я решил всегда и во всем соглашаться с представителями старшего поколения.

Женщины продолжали оживленно щебетать. Я прислушался: они как всегда обсуждали распродажи тряпок в каких-то, неизвестных мне магазинах...

Разве может на пропитанных керосином углях получиться настоящее, пахнущее дымом мясо? Нет, нет, и еще раз нет. Я это вам говорю, я-то понимаю толк в дыме, поднимающемся от жадных языков пламени, каждое дерево придает умерщвленной плоти неповторимый аромат. Саксаул, высохшая сосна, ветви черемухи, даже ваша, осточертевшая мне секвойя. Из всех обитателей нашей долины только иранские эмигранты сохранили культуру приготовления мяса. Их гортанный язык напоминает мне лиц кавказской национальности, они дружелюбны, в их магазинах продаются кошерные израильские огурцы, словом – им наплевать на ислам, христианство и иудаизм. Они просто живут здесь, растят детей, и продают медные турки и заварные чайники. Если бы не вы, ребята, я бы здесь очоурился, ведь только у вас можно было найти нормальный чай. А все шах виноват. Уже лет тридцать прошло, а вы его помните. Решил, понимаете, внедрить цивилизацию. Внедрил... А спираль истории отбросила страну в средние века, женщины в паранджах, священная война...

Смешение кровей и мировоззрений, слава Богу, потеряло в Америке всякое значение. Если когда-нибудь я полюблю эту страну, так разве что за ее терпимость и относительное человеколюбие. Как у Высоцкого: «Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса.»

– Бррр... Куда унес меня этот тост? Только не обращать внимания. Все нормально. Вот сейчас, угли, наконец, разгорятся, и день рождения покатится вперед, как паровоз, выпускающий клубы пара. Наш паровоз вперед летит! -Я твердо решил больше не пить.

Приглашенные продолжали прибывать. Подъехал восьмицилиндровый «Меркурий» серебристо-голубоватого оттенка, и я облегченно вздохнул. Приехавший на нем Мишка был заводилой компании, очаровательным бородатым весельчаком и хулиганом, оживляющим любое сборище, состоявшее из разнородных, и, зачастую, мало знакомых друг с другом людей.

– Ага! – Загромыхал он. – Хранитель огня! Слоняра! Расти большим и здоровым! – он сунул мне в руки коробку, перевязанную розовой ленточкой. А это – к столу, оп-ля-ля! – Он торжественно извлек из сумки бутылку настоящей Смирновской водки, привезенной из Москвы. – Это тебе не местное дерьмо, и даже не «Столичная». Столовое вино номер двадцать один! Дай-ка я тебя обниму, только чего не подумай! Несмотря на то, что здесь это в моде, у меня нормальная сексуальная ориентация.

– Ну, спасибо, удружил! – Мы обнялись.

– Лахундра, – он обернулся к автомобилю. – Ну, где же ты застряла, ей Богу. – А ну, подавай-ка сюда сюрприз.

– Какой еще сюрприз, – в недоумении спросил я. – Вы еще чего-то заготовили?

– Сюрприз, да еще какой, только в обморок не падай! Не будешь? Огромный как гора, расцветший, так сказать, на сытных американских хлебах и пиве, гигант русской мысли, отец, как говорили классики, отечественной демократии... Ну, где он там? Выходи, мерзавец!

– В машине застрял, боров, вылезти никак не может, – Мишкина жена смеялась.

– А ну, вытаскивай его, что это за безобразия.

– Да сейчас, черт побери, нога зацепилась – голос был мужским, немного хриплым, и безусловно знакомым. Рот у меня открылся от удивления, я потряс головой, решив что выпил лишнего, а может быть и угорел: из машины, покачиваясь, выплывал цветущий фиолетовыми цветами куст в деревянной бадье.

– Что это? – с испугом спросил я.

– Сейчас увидишь, – Мишка с удовольствием почесал бороду. – Ну, Андрей, откройся, как восточный сезам в сказках про Синбада-Морехода. Да открывайся ты, увалень!

– Здравствуй, Саша. – Куст покачнулся, приоткрыв изрядно располневшего и опухшего, по-видимому от недавнего возлияния, Андрея Бородина, неизвестно откуда взявшегося в наших краях. – С днем рождения тебя. Это цветущее дерево – мой подарок обитателям этой плодоносимой... Плодо... У, блин!

– Плодоносной, – подсказал я. – Плодоносящей.

– Как хорошо, что ты меня понимаешь... Плодоносящей Долины. Цвети и ты. Цвести всегда, цвести везде, до дней последних донца!

– Ты откуда взялся? – Я отметил про себя, что Андрей болен той же болезнью, что и я – он упорно цитировал советских классиков, слегка перевирая слова.

– Да понимаешь, семинар здесь проходил по компьютерным сетям, вот я и заехал.

– Врет он все, ни на какой семинар и ходить не думал. Все три дня дома просидел и пивом накачивался, а водкой усугублял. – Мишка радостно потер руки. – Еле его удалось в машину загрузить, обормота, ни хрена не соображал и ногами отбрыкивался. Ну что, хороший сюрприз? Надо выпить. За встречу. Или, за день рождения!

– За встречи в день рождения. За друзей. За то, чтобы мы виделись почаще.

– Ну, давай, – Андрей брезгливо прищурился, посмотрев на водку, плескавшуюся на дне пластикового стаканчика. – Не могу видеть ее, проклятую, – будто извиняясь, объяснил он, заметив растерянное выражение на моем лице.

– Да о чем разговор, не хочешь – не пей. Здесь же все свои. Я тоже пить не хочу, чисто символически...

– Нет, нет, за тебя я выпью, – он зажмурился, судорожно сделал глоток, и застыл, словно удостовераясь в том, что огненная вода опускается по пищеводу в желудок.

С Андреем меня связывали ностальгические воспоминания о прошедшей и навсегда исчезнувшей жизни. Высокий, тогда еще худой парень с грустными глазами, появился в нашей лаборатории в Москве много лет назад. Физтеховский дипломник поразил нас своими незаурядными способностями, граничащими с гениальностью, пристрастием к изучению экзотических языков – он все время таскал с собой истрепанные учебники финского и санскрита, а более всего – запредельной безалаберностью, заставлявшей холодеть кровь в венах. Работал Андрей преимущественно по настроению, которое как правило приходило к нему ночами, из-за чего у него периодически возникали конфликты с начальством. Впрочем, в те редкие периоды, когда настроение к нему действительно приходило, работал он просто-таки блестяще.

Однажды он исчез на несколько дней, никому ничего не сказав, и неожиданно позвонил мне из забытой Богом деревушки, примерно на полпути между Москвой и Питером. Оказалось, что Андрей решил посмотреть какую-то экспозицию в Эрмитаже, денег на обратный билет не хватило, и он решил возвращаться в столицу на перекладных, но застрял где-то посередине.

Другой историей, ставшей почти-что классической, была ударная работа Андрея по завершению своего проекта. Заведующий отделом, взбешенный неконтролируемым длинноволосым гением, не отпустил его в отпуск, и Андрей, почесывая затылок, решил наверстать упущенное в последнюю ночь. Он действительно сидел до утра, продемонстрировав онемевшему от удивления руководителю плоды своего рвения: вариант игры «Тетрис», написанный для цветного терминала французского компьютера чрезвычайно редкой масти.

В самом начале перестройки, навсегда покончившей с бывшей Академией Наук, Андрей поехал к своему приятелю в Польшу, оттуда, полностью игнорируя границы и визы, каким-то образом на мотоцикле добрался до Амстердама, и, загнав двухколесное средство передвижения, решил посмотреть на Кембридж, родину законов Ньютона и дуализма волна-частица. Пользуясь расслабленностью голландских пограничников, он просочился на паром, идущий на Британские острова, но, по прибытии в туманный Альбион, его все-таки засекали и пересадили на аналогичный паром, возвращающийся в Голландию. Что произошло дальше – никому до сих пор неизвестно, по слухам, Андрей почти неделю ездил взад-вперед, передаваемый из рук в руки представителям Великобритании и Нидерландов.

Всплыл Андрей примерно через месяц в Америке, у одного из своих физтеховских приятелей, к тому времени создавшего маленькую компьютерную фирму. С тех пор у московских знакомых часто звонил вечерами телефон – в Америке Андрею было скучно, и он часами трепался о жизни, не вешая трубку даже тогда, когда у него дома заканчивалось пиво, и ему приходилось выбегать в магазин...

*

День рождения развивался по своим законам. Гости все приезжали, и когда за мое здоровье были выпиты бесчисленные тосты, а мясо зажарено и съедено, я неожиданно почувствовал, что земля слегка покачивается под ногами. На землетрясение это не было похоже, и я с недовольством отметил, что все-таки, видимо, выпил больше, чем полагалось. В голове гудело, голоса гостей сливались в ровный шум, подобный морскому прибою, поднимающийся и опускающийся, изредка прерываемый взрывами хохота. Мне захотелось побыть одному, и, достав из кармана пачку сигарет, я побрел к берегу ручья и сел на землю. Некоторое время я боролся с неустойчивостью окружающего пространства, преодолевая желание лечь и заснуть, потом закурил сигарету и вдруг вспомнил, что стал старше еще на

год. От этой мысли стало горько: я неумолимо старел, перевалив уже за возраст Христа, мало чего добившись в этой жизни, занимаясь нелюбимой работой, вечерами выслушивая недовольные нотации жены. И так будет год за годом, вернее, уже не будет ничего. Или, почти ничего. Это ведь у Блока была ночь, улица, фонарь и аптека. У меня будет вечный день, духота, обжигающее солнце, домишки барачного типа, выжженная трава и тяжелое чувство сытости, переходящее в икоту.

– Ты чего, слоняра, плохо тебе, что-ли? Перебрал?

Это Мишка, спасибо тебе, дорогой, кроме тебя никто даже не заметил, что я исчез.

– Да нет. Все нормально.

– Вот только сказки мне не рассказывай, на тебе лица нет. Что-нибудь случилось? А, может быть, тебе еще сто грамм налить?

– Нет, спасибо. Мне уже хватит, еще машину домой вести.

– Подумаешь, жена отвезет.

– Ох, отвезет. Еще как отвезет. Меня завтра утром ждет маленький семейный скандал.

– А ты выпей еще немного, и не переживай.

– Да не хочу я. Давай лучше посидим.

– Ладно, тогда дай закурить.

– Держи. Беломора нет, извини. Только Мальборо с пониженным содержанием никотина.

– Ты что, типа того, что... Ну, короче, осознаешь, что постарел еще на год? – Мишка подозрительно уставился на меня. – Классические раздумья о смысле жизни?

– А что, не постарел? Хреново мне, слушай. Сбылась мечта идиота: живу в Америке, получаю зарплату. Жара. Осточертело все.

– Эй, ты это брось. Чего тебе не хватает? Не так уж здесь и плохо... Глядишь, разбогатеешь, будешь каждый день жевать что-нибудь такое, креветок в винно-ананасовом соусе, а морда у тебя заплывет салом... Начнешь читать окружающим нравоучения. Но вначале надо разбогатеть.

– Ешь ананасы, рябчиков жуй. А зачем? И что будет потом? В чем смысл и цель нашего существования? Да я с собой покончу!

– Ты отрицаешь американскую мечту и американскую трагедию одновременно. Впрочем, я знаю, чем ты болен. – Мишка снисходительно посмотрел на меня. – У тебя кризис среднего возраста. Со всеми бывает. Жизнь не удалась, или могла быть лучше. Слушай, я понимаю, тебя жена достала. Меня законная лахундра тоже извела, ну и что, я не унываю. Заведи себе любовницу, что-ли.

– Да не хочу я.

– Не пори херню. Пить ты не хочешь, женщин ты не любишь. Послушай меня, отвлечешься, вот увидишь, жизнь снова покажется прекрасной.

– Может быть, ты и прав. Скучно здесь жить.

– Кончай нудить, ну тебя на хрен! Не так уж здесь и плохо, знакомых одних миллион понаехал. А девки? Девки так и шныряют, глазастые, в шортиках, загореленькие. Нимфы водопада! Ох, Божья воля!

– Ну ладно, уговорил, пойдем, посмотрим жадными, распутными глазами на этих нимф. – Хандра и нытье неожиданно показались мне смешными, я встал и похлопал Мишку по плечу. – На твоем дне рождения я тебя приду утешать, договорились?

– Заметано.

– Пошли еще примем по одной. И пусть все катится к чертовой матери!

– Вот это разговор! За что тебя люблю, кстати, у тебя всегда второе дыхание открывается. А ну-ка, барышни, расступись!

И покатило, и полетело. Не помню, как попал домой, ночью за мной гонялся покойный старый большевик, грозя мне сухим, скрюченным пальцем, потом он меня расстреливал из парабеллума. Мне было обидно: этот самый парабеллум, принадлежавший то-ли Ворошилову, то-ли Котовскому, я видел во время школьной экскурсии в музей Советской Армии. Я пытался доказать старику, что давно вышел из пионерского возраста, что живу в Америке и расстреливать меня он не имеет права, а утром, как и ожидалось, проснулся с жуткой головной болью, радуясь тому, что до сих пор живу на поверхности голубой планеты.

Глава 6.

Моя семейная жизнь сломалась от одного-единственного телефонного звонка. Бывает и не такое в нашей жизни: хорошо известно, что спина верблюда выдерживает М соломинок и ломается под соломинкой за номером М + 1. Я навсегда запомнил этот эпиграф к толстой книжке, когда-то купленной на Арбате. У книжки этой было весьма многообещающее, отдающее древней библейской мудростью название: «Теория Катастроф».

Тем вечером к нам заехал Сергей, и предложил выпить за день рождения своего сына. Сергей к тому времени успел прожить в Америке почти месяц, он пока-что обитал у друзей и, в ожидании скорого приезда семьи, активно, но безуспешно занимался поисками квартиры.

Вполне уважаемый повод для принятия внутрь алкоголя, день рождения, да еще и законорожденного сына, все же вызвал негодование супруги. Она отозвала меня на кухню и в очередной раз заявила, что ей надоели мои друзья и собутыльники, что меня ждет плохой конец, и что если я не прекращу, не образумлюсь и ...

Ох, Господи! Скажи мне, если бы я ее тогда послушал, может быть, был бы сейчас счастлив? Нет? А вдруг? Ты же наверняка знаешь, что такое счастье, седобородый. Признайся, ты не в состоянии контролировать жизни миллиардов человеческих существ, расплодившихся на планете. Задача твоя была куда более проста в те добрые, старые времена. Да чего там, ты даже Адама с Евой не смог обуздать. Слушай, Бог, кстати, меня ужасно интересует, как это от Адама с Евой произошли азиаты? Их ведь уже миллиард с лишним. А твоего избранного народа, судя по последней переписи населения планеты, всего осталось миллионов пятнадцать. Так куда же ты смотрел, если ты есть? Или это просто естественно-научные мутации?

Не успели мы выпить первую стопку, как раздался настойчивый телефонный звонок. Так всегда бывает, когда вдруг начнется интересный фильм по телевизору, или, проголодавшись, сядешь за стол, подцепишь на вилку первый кусок, и... За это я недолюбливал телефон. Но трубку все-таки снял.

В ней что-то потрескивало, я с досадой посмотрел на поднесенную ко рту рюмку, и решил завершить начатое. Эта вполне понятная человеческая слабость, возможно, все и решила.

– С вами говорит оператор компании Эм-Си-Ай, Чикаго, штат Иллинойс. – неожиданно прорвался сквозь шумы женский голос. Вы будете разговаривать с Эндрю Бо-Родин?

– Ах, ну да, конечно, – растерялся я. – Серега, представляешь, Андрюха Бородин звонит. – В груди у меня уже разлилось приятное, расслабляющее тепло. Я начинал любить все человечество без исключения. Неожиданно, пока в трубке надрывно пели электронные цикады, я почувствовал себя маленькой капелькой плесени, покрывающей поверхность Земного шарика. Действительно, представим себе, что мы попали куда-нибудь на Альфа Центавра. В коридорах ползают инопланетяне с щупальцами. Летают стрекозы с размахом крыльев в три метра. Да рядом с ними любой Австралийский пигмей с бумерангом и со слезящимися глазами покажется мне роднее всех родных! Почему-то вслед за пигмеем я вспомнил о лошади Прежевальского, Монгольских степях, иероглифах, сопках Манчжурии и спящих в них героях. И о том, кто, согласно изрядно устаревшей школьной программе, был и теперь живее всех живых.

– Спасибо за пользование Эм-Си-Ай, – в трубке снова зашипело, потом щелкнуло и забулькало, как будто кто-то откупоривал бутылку пива и жадно пил из горлышка.

– Андрей? Откуда он взялся, надо же? Привет ему от меня передай! – Сергей с аппетитом вцепился зубами в ляжку зажаренного цыпленка.

– Он недавно приезжал, как раз на мой день рождения. Раздобыл, и ты знаешь, кажется образумился. Алло? – Андрея не было слышно, потом в трубке что-то пискнуло. – Алло?

– Добрый вечер, – голос Андрея был слегка растерянным. – Извини пожалуйста, что я тебе звоню. У вас там не очень поздно? – Мой собеседник отчетливо звякнул чем-то стеклянным, сделал глоток и беззастенчиво рыгнул прямо в телефонную трубку.

– Да нет, что ты, – я подмигнул Сергею. – Ты знаешь, у меня сейчас Сергей в гостях. Еще его не забыл? Он ведь у тебя руководителем диплома был...

– Сергей? Ну надо же... Привет ему огромный. Слушай, здесь такое дело... – Андрей замялся. – Ты только извини, мне больше не к кому обратиться. Понимаешь, я лечу из Вашингтона в Сиэтл, меня там на работу приглашают. И надо же такому случиться, я машинально засунул бумажник в чемодан, а его потеряли. Чемодан, то есть, не бумажник. Вернее, бумажник тоже потеряли, вместе с чемоданом. Ты еще успеваешь следить за ходом моих мыслей? – В Чикаго снова забулькало.

– Да, более или менее, все понятно, чего уж тут разбираться. Ты – типичный представитель потеряннного поколения.

– Ну да, – Андрей запнулся, не в силах осознать всей глубины моего исторического обобщения. – Я совершенно без всего остался – ни денег, ни документов. Сейчас, подожди секунду – В телефоне булькнуло. – Ты бы не мог мне дать номер твоей кредитной карточки? Я как только приеду, сразу же свои счета восстановлю и деньги отдам. Мне буквально на пару дней, если это тебя только не затруднит.

– Ну, конечно, о чем разговор, – нерешительно промямлил я, еще с секунду посомневавшись, но уже нащупывая бумажник. – Записывай...

– Спасибо тебе огромное, – в голосе Андрея почувствовалось явное облегчение. Да, вот еще, – Андрей снова смутился. – Чтобы я мог как-то рассчитывать свои финансы, какой у тебя кредит? Знаешь, мне, может быть, придется за гостиницу платить, пока я квартиру не сниму, прожить пару дней.

– Да не волнуйся, кредит огромный, чуть ли не двадцать пять тысяч баксов.

– Ну ладно, век тебе буду обязан. Я сразу же позвоню, как устроюсь. Сереге еще раз привет.

– Спасибо, тебе от него тоже, – я повесил трубку.

– Ты чего, так запросто дал ему номер кредитки? – Сергей с удивлением посмотрел на меня. – Смотри, Андрей – он человек такой, специальный. Пропьет все за две недели. Кому-нибудь морду набьет, разобьет пару венецианских зеркал семнадцатого века в эксклюзивном ресторане, и фюить... Плакали твои денежки.

– Да ладно тебе, он теперь совсем другим стал. Я ему доверяю, понимаешь, у него багаж пропал, а в нем все документы и деньги.

– Ах, ну если так... Короче, тебе виднее.

Еще не зная о том, какой сюрприз готовит мне будущее, мы мирно допили водку, и, будучи в бесшабашном состоянии духа, я проскользнул в спальню, воровато юркнул в постель, и мгновенно заснул.

Как и было обещано, через пару дней Андрей позвонил.

– Привет, – судя по голосу, он был навеселе.

– Ну чего, устроился? Все нормально?

– Да, сейчас, запиши мой телефон. – Андрей засопел, и почему-то начал позвякивать чем-то металлическим, скорее всего крышками от кастрюль. Так, опохмелившись, шуруют на кухне в судорожных поисках хоть какой-нибудь закуски.

– Записываю...

– Четыре. Два. Нет, три. Нет, все-таки два. Да ну его на хрен! Слушай, короче, тут обнаружили некоторые непредвиденные обстоятельства. Счет у меня в другом штате, на восточном побережье, и местный банк мне выдать кредит отказался. К сожалению, все это займет еще несколько дней. Но ты не волнуйся, я совсем немного пока потратил. Деньги вышлю на следующей неделе, идет?

– Конечно. А как работа на новом месте?

– А черт его знает, – Андрей зевнул. – Вроде-бы ничего, пока-что присматриваюсь. Знаешь, первые впечатления обманчивы. Они какую-то новую операционную систему пишут, для персоналок, гадость ужасная. Но все равно интересно, я уже почти-что договорился со своим боссом, что вставлю в нее «Тетрис». Симпатичный парень, кстати, хотя и миллиардер.

– Ну ладно, желаю успеха. – Почему-то от разговора этого у меня остался неприятный осадок, и тем вечером я долго ворочался в постели.

Андрей больше не звонил, но через неделю пришел первый счет по кредитной карточке. Распечатав конверт, я посмотрел на цифру, стоящую в нижнем правом углу, и почувствовал, что дыхание мое перехватило. Каким-то невероятным образом, Андрей умудрился за неделю потратить пять тысяч долларов. Мне, правда, предлагалось уплатить всего триста из них, при условии, что на остальную сумму долга начислят проценты.

Твердо решив не посвящать и без того раздраженную супругу в свои финансовые махинации, я бросился к телефону. Андрея не было дома, я оставил сбивчивое сообщение на его автоответчике и рассказал о случившемся Сергею.

– Отменил бы ты эту карточку, пока не поздно, – грустно посоветовал он мне. – Смотри, как бы хуже не было.

– Ну как же я, это нехорошо, нет, я должен обязательно с ним переговорить.

Время близилось к полуночи, жена, бросая на меня возмущенные взгляды, ушла спать. Андрей не перезванивал, и я решил еще раз набрать его номер.

– Хэлло? – голос отвечавшего был мне незнаком.

– А ... – замялся я, вычисляя акцент собеседника, и, наконец, решил разговаривать по-русски. – Можно попросить Андрея?

– Сейчас, – Мой собеседник перешел на великий и могучий. – Слушай, друг, подожди немного, я пойду его поищу... – К телефону долго никто не подходил, из трубки слышалась музыка и женский смех, похоже, в квартире происходила вечеринка. Потом что-то грохнуло и послышалось отчетливое ругательство.

– Твою мать... Да? – Андрей наконец-то взял трубку.

– Андрей, привет. Знаешь, мне пришел счет, я тебе звонил сегодня, оставил сообщение на автоответчике.

– Ах, это ты. Слушай, извини, я собирался как раз тебе перезвонить.

– Ты понимаешь, пять тысяч, я, как бы тебе сказать, такого не совсем ожидал.

– Да, здесь охренительно дорогое место. С Восточным побережьем не сравнить.

– Слушай, Андрей, ты конечно извини, что я тебя беспокою, тебе деньги из банка пришли?

– Ох, тут такая история, долго объяснять. Короче, деньги у меня есть, но пока не все. Но ты только не волнуйся, я завтра утром вышлю тебе чек. Я... Подожди секунду, ладно?

– Конечно...

– Давай! – в трубке слышался женский голос. – Еще! Вот... Вот...

– Да, – Андрей закашлялся... – Уфф... Как меня все это заколебало, если большего не сказать. Бабы все эти... Знаешь анекдот про говорящую лошадь?

– Нет, ты о чем? – Растерялся я.

– Неважно... Слушай, я все не смогу сразу но через пару недель точно компенсирую. Понимаешь, переходный период, устраиваюсь, пока все дела приведешь в порядок, с ума сойти можно. Я никогда даже не подозревал, что переезд в Штатах – такое сложное дело.

...

Андрей не обманул – через три дня я обнаружил в почтовом ящике чек на две тысячи долларов и немного успокоился. Все шло хорошо до тех пор, пока в следующий понедельник мне не позвонила на работу жена.

– Что происходит? – Она кричала так громко, что мне пришлось прикрыть трубку рукой.

– А в чем дело? – невинно спросил я, чувствуя, что по спине бегут холодные мурашки.

– Ты что, совсем совесть потерял? Со своими дружками рассудка лишился?

– Да что случилось, ради Бога, прекрати кричать!

– О том, что случилось, разбирайся с банком. Я пошла в магазин, у меня совершенно никакой одежды не осталось. Одно старье, и то все поношенное. Три с лишним часа как идиотка бродила, выбирала, что подешевле, каждую копейку экономила, и что ты думаешь? Все мои труды насмарку пошли: как последняя дура приперлась к кассе с полной тележкой, так радовалась, что по дешевке взяла, а кредитка твоя – недействительна. Я ушам и глазам своим поверить не могла, заставила кассиршу звонить в банк. Так вот, у тебя на карточке закончился кредит, двадцать три тысячи! Ты мне можешь объяснить, куда ты их потратил?

– Что? – я почувствовал, что окружающее меня пространство медленно поплыло перед глазами, начало покачиваться, и закружилось вихрем, в котором с назойливой методичностью чередовалось окно, настенный календарь, и светящийся экран компьютера. – Я сейчас же позвоню в банк, это недоразумение.

– Если я только узнаю, что ты от меня что-то скрываешь, между нами все кончено! Ты понял? Ты осточертел мне со своими поздними приходами домой, бесконечными приятелями, пьянками. Ты стремительно опускаешься вниз. Еще немного, и ты закончишь свою жизнь под забором, а это тебе не Россия, здесь ты просто пропадешь! Всю жизнь мне испортил!

Я повесил трубку, из которой продолжали сыпаться проклятия и несколько минут тупо смотрел на свой стол, судорожно соображая, что же мне теперь делать.

Информация, сообщенная кредитной компанией, оказалась верной: Андрей действительно умудрился потратить все деньги. Домашний телефон Андрея не работал, хуже того, автоответчик размеренно повторял мне механическим голосом, что набранный мной номер отключен.

Работать я уже не мог, судорожно перебирая возможные варианты объяснений с супругой, но ничего умного в голову не приходило. Испытывая тянущую боль в груди, я решил рассказать ей все начистоту, призвав Сергея в свидетели.

– Что? Повтори, что ты сказал? – Лицо ее было белым. – Ты вот так, запросто, не думая о семье, о своем ребенке, дал свою кредитную карточку этому проходимцу? Нет, ты – блаженный. Хуже того, ты – полный идиот. И преступник!

– Да не волнуйся ты, подожди, мы его обязательно разыщем. И потом, я позвоню завтра в кредитную компанию, возможно, даже наверняка, мы еще сможем отказаться от платежей.

– Да ты понимаешь, что ты наделал? Ты понимаешь, или нет, мерзавец?

– Вы только не волнуйтесь, Ирочка, – Сергею, казалось, хотелось провалиться сквозь землю. – Все образуется.

– Нет, я буду волноваться. Я – буду! Я имею полное право на это. Я тебя предупреждала, дрянь, я знала, что что-нибудь подобное случится. Ты был так уверен, что твои дружки-пропойцы тебя не подведут, альтруист недоделанный! Конечно, как замечательно выставляешь себя в роли такого доброго покровителя всей этой швали. За счет

семьи, конечно. Хорош же ты! Правильно мне говорила мама. Она тебя еще много лет назад раскусила. Какая же я была дура!

– Да шла бы ты куда подальше со своей мамой! – разозлился я, чувствуя, что теряю контроль над собой.

– Не ссорьтесь, пожалуйста, Ирочка, мы разберемся, я обещаю! – Сергей побледнел.

– Ну, и куда бы я шла? Куда?! – Она вышла из себя. В соседней комнате проснулся ребенок и, услышав разгорающийся скандал, горько зарыдал.

– Малыша пожалей, – прошипел я.

– Это ты ребенка должен жалеть, хороший же у него отец! Зачем я, дура, не слушала мать. Как она была права...

– Ну, знаешь, – Воспоминания о совместном проживании с тещей материализовались перед моими глазами.

– Ты мою мать не смей трогать, не смей даже упоминать ее имени!

– Не ори! Меня уже достали твои часовые разговоры с Москвой, если уж на то пошло. В прошлом месяце больше чем на пятьсот долларов вышло.

– Ах вот ты как! Пятьсот! И ты это сравниваешь с десятками тысяч? Знаешь, что – убирайся из дома, иди живи со своими друзьями-собутыльниками!

– Ну хорошо же, ты об этом пожалеешь, – перед глазами у меняплыли черные круги. – С тобой нельзя по-человечески...

– Это кто бы тут рассуждал про человечность. Убирайся!

Я увернулся от тарелки, рассыпавшейся осколками по кухне, и, уже ничего не соображая, с грохотом отшвырнул кухонный стул, кинул в пластиковый пакет несколько рубашек и, хлопнув дверью, оказался на улице. Сергей ждал меня около лестницы.

– Ну что, куда мне теперь деваться?

– К Мишке поехали.

– Ну да, нам еще одной семейной сцены не хватало.

– Да ладно, ночь переспшишь, а там видно будет.

Мишка еще не спал, семейство его замороженно следило за перестрелкой, разворачивавшейся на плоском экране недавно купленного телевизора. Телевизор этот, внушительного размера, с громадными стерео колонками, подмигивающими зелеными огоньками, был предметом семейной гордости, столь частой среди недавно приехавших в Америку.

Я улыбнулся: месяцев через пять-шесть чудеса электроники, равно как и однообразные телевизионные программы успевали поднаесть, и дома заводилась небольшая видеобиблиотека. Чего только не находилось в таких домах: Тарковский, старые, шумящие серо-голубым снегом записи «Голубого Огонька», «Волга-Волга», Феллини, «Буратино», «Карлсон, который живет на крыше» и даже «Семнадцать мгновений весны», в комплекте на шести видеокассетах.

– Привет. – Мы стояли в дверях.

– Как я вижу, неладно что-то в Датском королевстве. – Мишка испытующе посмотрел на нас.

– Я только на одну ночь. Понимаешь... – Мне было неловко.

– Выгнали все-таки? Я так и знал, что когда-нибудь этим закончится. Я к вам пришел навеки поселиться... – Мишка рассмеялся. – А ну, заходи! Мне-то вас и не хватало, мерзавцы злобные. Быстро к столу, а то у меня еще полбутылки коньяка осталось! Забудем страдания, терзающие человеческую душу.

Каюсь, я позорно напился и заснул. Ночью мне снилось, что жизнь моя изменилась, но с утра пришло отрезвление, и снова пришлось ехать на работу.

Глава 7.

Спать хотелось смертельно, я тупо посмотрел на экран, налил в пластиковый стаканчик чай и зевнул, ощущая вселенскую дискомфортность бытия. Собрав воедино все оставшиеся моральные силы, я позвонил в кредитную компанию.

– Чем могу помочь? – голос отвечавшего излучал жизнерадостность.

– Эээ, – запнулся я, – дело в том, что по моей кредитной карточке сделаны покупки, о которых я не имею не малейшего понятия.

– Номер вашего счета? – голос заметно охладел, став официальным. – Так, минуточку, – невидимый собеседник начал стучать по клавишам. – Наш компьютер показывает, что ваш долг составляет двадцать три тысячи долларов. Первый платеж в семьсот тридцать четыре доллара должен быть получен...

– Нет, вы не понимаете, дело в том, что я не имею ни малейшего понятия...

– Насколько я могу судить, деньги сняты в отделении банка в Сиэттле, штат Вашингтон. Вы недавно оплатили предыдущий счет, снятый в том же банке, не правда ли?

– Да... – смутился я. – Дело в том, что я дал номер счета своему другу... А он... – Я с ужасом понял, что говорю что-то не то.

– Извините, но ваш чек вложен на счет. Это ваш чек?

– Мой, – расстроился я.

– По правилам, вы должны были сообщить о несанкционированных покупках в течение трех недель. Поскольку вы ничего нам не сообщили и даже начали погашать кредит, вы тем самым признали законность платежей и теперь будете обязаны выплатить всю сумму долга. Вы получите новый счет через неделю.

– Спасибо... – Я повесил трубку, вытерев пот со лба, и тут в моем кубике зазвонил телефон.

– Ну что, проспался? Головка болит? – Это, конечно же, звонила супруга.

– Болит. Слушай, давай не будем ссориться, мне и так хреново.

– А я и не сомневаюсь в том, что тебе хреново. Вчера усугубил? Пальцы, надеюсь, еще не дрожат? Или уже пора в наркологическое отделение? В России это дело хорошо было поставлено: холодный душ и исправительно-трудовые работы.

– Послушай, прекрати надо мной издеваться. – Я снова начал заводиться.

– А что? Правда глаза колет? Как будто я тебя не знаю. Ночевал у своих дружков, кто тебя еще приютит. Надрался вчера как скотина, я же по голосу слышу.

– Оставь меня в покое. Ни хрена ты не слышишь, у меня нормальный голос. Просто знаешь, что кроме Мишки мне не у кого было переночевать.

– Ну конечно, тебе самое главное, чтобы тебя оставили в покое, водочки налили. Налили тебе вчера?

– Налили, не беспокойся. И вообще, это не твое дело.

– Ах вот ты как заговорил! Похмельный синдром, агрессивность. И это только начало, дальше – будет хуже. Значит так, дорогой, мне вся эта история надоела. Мы разводимся.

– Что? – у меня от удивления отвисла челюсть.

– Что слышал. Я только что была у адвоката.

– У какого еще адвоката? – Я потерял дар речи.

– Я развожусь с тобой, ты что меня не слушаешь? И учти, закон на моей стороне.

– Интересно, как это может быть?

– Я это делаю ради ребенка. Какой пример он будет видеть перед глазами? Спившегося папашу, на четвереньках возвращающегося домой.

– Когда это я возвращался домой на четвереньках?

– Хочу тебя предупредить, в Америке законы строгие. Так что, когда тебе придут бумаги от адвоката, не пугайся.

– Чего это я должен пугаться?

– Увидишь, – Она повесила трубку.

И как мне было работать в тот день? Я лениво разобрал скопившиеся на столе бумаги, потом как назло случилось производственное совещание, во время которого я начал засыпать, поклевывая носом, в отчаянии щипал себя за руку. Наконец, наступил вечер.

Я заехал в супермаркет, купив колбасы и бутылку коньяка, и направился к Мишке домой. Он даже не удивился, снова увидев меня на своем пороге, не стал ничего спрашивать и усадил меня за стол. Вскоре приехал и Сергей, и, захмелев, мы уселись смотреть «Белое Солнце Пустыни», причем оказалось, что фильм этот и все фразы, произносимые его героями, мы знаем наизусть. «Абдулла, поджигай»...

Прошел еще один день, и еще один, а на следующее утро я обнаружил на столе большой белый конверт.

«Роберт Пачини, адвокат по семейному законодательству» – прочел я, с отвращением вытаскивая из конверта толстую пачку бумаг. Адвокат вежливо извещал меня, что супруга начала дело о разводе. Проект договора на ста тридцати страницах прилагался. Читая страницу за страницей, я чувствовал, что руки начинают предательски дрожать, то-ли от прочитанного, то-ли из-за похмелья, а по спине и по лбу катятся капли холодного пота.

Мне назначалось пособие по содержанию ребенка. Пособие по содержанию жены. Таким образом, каждый месяц с меня собирались вычитать примерно две трети зарплаты. На то, что мне оставалось, я даже не мог снять себе комнату. Все наше имущество, включая машины, пенсионные отчисления и банковские счета, делилось поровну между сторонами. В заключение, мне напоминалось о неотъемлемом праве нанять себе адвоката для обсуждения и решения спорных вопросов по бракоразводному процессу.

Я бросился к телефонному справочнику, перелистывая желтые страницы, пока не нашел список адвокатских контор. Наугад набрав номер первой из них, я прислушивался к гудкам, судорожно соображая, что мне следует говорить.

– Говорит секретарша мистера Вильямса. Чем могу помочь?

– А... – Мне собственно... – связность речи покинула меня. – Мне необходима срочная консультация.

– По какому вопросу.

– О разводе.

– Безусловно, – голос секретарши стал прочувствованным, будто у хищницы, чующей близкую и легкую добычу. – Мне только хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– Да-да, конечно.

– Ваш домашний адрес. Телефон. Работодатель. Фамилия жены. Дети... Адвокат жены... Девичья фамилия матери.

Минут через десять я уже устал от перечисления своих анкетных данных, но вопросы, как оказалось, подходили к концу.

– Находились ли ваши родственники в нацистском плену, и сотрудничали ли они с коммунистами?

– Нет! – решительно заявил я.

– Прекрасно! Мистер Вильямс будет рад принять вас. Наша расценка – двести пятьдесят долларов в час.

- Сколько? – у меня перехватило дыхание.
- Двести пятьдесят.
- А в какую сумму обойдется весь процесс?
- Вы имеете ввиду развод?
- Ну да...
- Накладные расходы, звонки, переговоры, присутствие в суде. Если все будет благополучно – около семи тысяч долларов.
- А... Спасибо. Я подумаю.
- Нет, ну почему же. Давайте назначим встречу...
- Благодарю, но я вам перезвоню... – Таких денег у меня не было и в помине.

Во второй по списку конторе повторилась та же история, но стоимость бракоразводного процесса снизилась до шести тысяч. В какой-то момент мне пришло в голову, что адвокаты в телефонной книге расположены в порядке убывания цены, и я позвонил в контору, стоявшую почти что на последней странице. Мои ожидания не оправдались – мистер Борщик, несмотря на то, что обладал столь ласкающей русское ухо фамилией, оказался коренным американцем, брал триста долларов за час и предлагал мне развестись за десять тысяч двести пятнадцать полновесных американских баксов...

Я был изможден, и, пересилив себя, позвонил домой.

- Алло? – голос жены, как мне показалось, был доброжелателен.
- Это я. – Я замолчал.
- Ну что, я внимательно слушаю. И ничего пока не слышу.
- Прости меня. Давай не будем ссориться.
- Так, ты, кажется, получил бумаги от адвоката. На попятный пошел? Я так и знала, что ты приползешь на брюхе как паршивый пес. Наложил уже в штаны, да? Признавайся!
- Прекрати! – Я начал заводиться.
- А что, неправда? Ну конечно, ты такого не ожидал. Теперь ты видишь, что я безбедно проживу и без тебя, и что ты по закону обязан меня обеспечивать. Наконец-то я чувствую себя независимой! Так что слушай: я, так и быть, приму тебя обратно, но на одном единственном условии.

– Это на каком же?

- Ты будешь ниже воды и тише травы, я тебе устрою испытательный срок. Если я услышу от тебя хотя бы одно слово, сказанное повышенным голосом, если ты посмеешь хотя бы одно высказывание в адрес моей мамы, если...
- Ну ничего себе! Это что еще за ультиматум! – Кровь ударила мне в голову.
- Ах вот как, ты еще позволяешь себе кричать на меня? Да ты понимаешь или нет, что теперь полностью от меня зависишь. Ты – ничто, ноль без палочки, полное ничтожество, я тебя в порошок сотру одним движением пальца...
- Ты все-таки просчиталась, дура!
- Не смей меня. Я – просчиталась? В чем, интересно? Моя ситуация беспроектная.
- Твоя мама – редкая сволочь, как и ты. Так что, я с тобой развожусь. Даже на твоих условиях! – Я бросил трубку.

Посмотрев на ненавистные листочки с договором, я поставил на них свою подпись, вложил бумаги в конверт, подписал адрес, яростно нажимая на ручку и разорвав бумагу в нескольких местах и, зажмурившись, бросил письмо в пластмассовый ящик, в котором лежала приготовленная к отправке корреспонденция.

– Пропади все пропадом, – думал я.

Почту забирали обычно часа в три дня, и когда маленький фургончик с коричневым орлом, символизирующим безжалостную точность государственной почты Соединенных Штатов, откатил от компании, я, бесшабашно посвистывая, засунул руки в карманы и позорно дезертировал с работы. Мне предстояло найти себе жилье, впрочем, я еще не был уверен в том, что смогу за него заплатить.

– Свобода! – Я гнал машину по автостраде, испытывая странное, давно забытое чувство скорости, и вспоминая птицу-тройку из обязательной программы школьной литературы. Окно было открыто, и теплый ветер трепал мне волосы, ударяя по покрасневшимся щекам. – Свобода! – kloкотало у меня в груди. Все, я больше никому ничем не обязан, я – хозяин своей жизни и судьбы. Я больше не буду слушать твои вопли, не буду разговаривать с твоими подругами, я смогу курить в квартире и работать вечерами, смотреть фильмы, которые мне нравятся, не выслушивая идиотских комментариев. Я начну слушать музыку, которую я люблю, я не буду часами ждать, пока ты закончишь болтать со своей мамашей, я...

О, как быстро и решительно было подорвано это иллюзорное чувство свободы! Оно бесследно испарилось, когда предательски пристроившаяся сзади полицейская машина включила мигалки и надрывно завывала сиреной.

Чертыхнувшись, я перестроился в правый ряд и съехал на обочину, ожидая самого худшего.

- Вы превысили скорость.
- Извините.
- Водительские права и регистрационный лист. – Полицейский был неприступен.
- Да да, сейчас. – Я полез в карман.
- Выйти из машины! – вдруг зло закричал он. Быстро! Руки за спину. Расставить ноги.
- Да в чем собственно дело.
- Считаю до трех! – Страж порядка решительно потянулся к кобуре.
- Хорошо, хорошо, – я нехотя вышел из машины, и полицейский заломил мне руки за спиной.
- Я ничего не ... – Наручники гадко щелкнули на запястьях.
- Подышите. – Мне под нос подсунули пластиковую трубку.
- Я не пил, честное слово. Я с работы еду.
- Вам придется проехать в участок. – Ниже голову, ударитесь. Вы имеете право нанять адвоката. Вы не обязаны отвечать на заданные вам вопросы...

– И что это они сегодня на адвокатах зациклились? – с тоской думал я. Меня, придерживая за спину, запихнули на заднее сиденье полицейской машины, и, включив мигалку, повезли в неизвестность.

– Вот тебе и свобода, – я чертыхнулся. – Неосознанная необходимость.

В участке было грязно, меня посадили рядом с бездомным, от которого исходила пряная вонь.

– Вот этот, – полицейский, арестовавший меня, сопровождал рослого мужика, несшего пухлый серый дипломат. – Накачался чего-то, похоже, смотри лицо какое красное. Бери экспресс-анализ крови.

– Ах вот оно как, – нелепость происходящего наконец дошла до меня. Мое покрасневшее лицо и возбужденный вид, равно как и факт превышения скорости, вызвали у стража порядка вполне естественное подозрение, что я нанюхался или укололся какой-нибудь дрянью.

– Вы зря смеетесь, – полицейский был невозмутим. – Если мы обнаружим в крови наркотики, вас ожидают крупные неприятности. – С этими словами он снял с меня наручники.

– Левую руку, – мужик с дипломатом был профессионален. Спасибо, – он продезинфицировал укол и удалился.

– Ничего вы не найдете, – я потер затекшие руки. – А что будет с моей машиной?

– Ее отбуксируют на стоянку. А вам придется подождать.

– О-кей, О-кей. Я подожду. – Я вспомнил было, что имею право подать на полицейского в суд, но передумал.

Освободили меня около восьми вечера, извинившись, но все же выписав штраф за превышение скорости. Порядок есть порядок. Даже подвезли на стоянку, куда успели доставить мой брошенный в спешке автомобиль. Более не доверяя обманчивому чувству освобождения, я строго соблюдал правила дорожного движения, так, что сзади то и дело гудели особенно нетерпеливые водители.

– Гудите, гудите изверги, – бормотал я. – И на вас управа найдется.

Мне просто необходимо было выпить, и пришлось остановиться около супермаркета. На какую-то долю секунды я подумал, что тенденция эта становится опасной, и, того и гляди, я и вправду сопьюсь. – Впрочем, – успокоил себя я, – сегодня – день особый. Я пережил нервное потрясение, подписал гадкие бумаги, стал свободен, потерял свободу и снова ее обрел.

Заныло сердце, я почувствовал, что смертельно устал, и, рассудив, что лучше стать алкоголиком, чем умереть от инфаркта, купил самую дорогую бутылку водки, производства завода «Кристалл», и через полчаса уже весело хохотал, рассказывая Мишке о своих злоключениях, и поднимая уже, кажется, третий или четвертый тост за свободу человеческого духа. Но где-то в глубине души я уже понимал, что проклятие старого большевика начало действовать, и от этой суеверной мысли мне становилось жутко.

Глава 8.

С трудом обретенная духовная и физическая свобода была, по сути, виртуальной, и сопровождалась все более углубляющейся несвободой финансового свойства. В этом меня убеждал каждый последующий день, однообразно накатывающий на городок серым валом утреннего океанского тумана.

Я даже начал выводить общий закон сохранения количества несвободы, подобно закону сохранения энергии. Я рассуждал об этом новом явлении природы по утрам, просыпаясь от хриплого писка будильника. Все события современности убеждали в универсальности подмеченного мной принципа жизни. К примеру, многие люди, разбогатев, совершенно утрачивают личную свободу, они связаны тысячами обязанностей и формальностей... – Некоторое время я утешался этой мыслью, но, вспоминая об углубляющейся долговой яме, в которой увязал, каюсь, бывал зачастую готов продать душу дьяволу, лишь бы расплатиться с долгами.

Сгоряча подписав договор о разводе, я обрек себя на медленное вымирание. Примерно так же когда-то вымерли динозавры, уступив место под солнцем наглым, покрытым шерстью, теплокровным млекопитающим. Мне не хватало денег даже на квартиру. Злоупотребив гостеприимством Мишки, и наблюдая столь знакомые мне признаки раздражения на лице его жены, я снял крошечную студию, метров в семь квадратных, служившую мне одновременно и спальней и кухней. Постель в моем жилище раскладывалась из стены, занимая всю комнату. К счастью, студия была мебелированной – кроме постели в ней помещался маленький кухонный стол, прожженный сигаретой неведомого моего предшественника, и два стула. Предыдущий жилец, к тому же, выписывал многочисленные журналы для гомосексуалистов, которые я с отвращением выбрасывал в мусоропровод. Стоило миниатюрное прибежище одиноких душ намного больше той суммы, которая доставалась мне после выплаты алиментов.

Я часто задаюсь вопросом: что нужно человеку для жизни? Мне почему-то незамедлительно понадобилась куча каких-то предметов, о которых я раньше не задумывался. Чайник. Вилки и ложки, тарелки, чашки. Постельное белье, мыло, зубная щетка, полотенце. Даже два полотенца. Шампунь, крем для бритья. И вылетело все это в копеечку.

И вот ведь какая противная человеческая натура – мне все время хотелось есть. Примерно с неделю я питался хлебом и овощами, даже пытался варить рис, но видение зажаренного, сочащегося молодой кровью куска мяса наконец нагнало меня, и устоять не было никаких душевных сил. Кстати, к слову сказать, не представляю, как выживают на этом свете вегетерианцы. Зато, к концу этой недели начал очень хорошо понимать хищников, каких-нибудь там львов или тигров.

Несмотря на самый жесткий режим экономии, дела мои были плохи и становились все хуже. Алименты снимали с зарплаты – бывшая супруга позаботилась об этом, прислав решение суда в компанию. И каждый месяц долг мой возрастал на тысячи долларов.

Да здравствует гениальное изобретение капитализма – кредитные карточки! У меня, к счастью, за время моего непродолжительного, сытного и в меру благополучного обитания в этом славном регионе, их скопилось добрых полтора десятка. Каким только финансовым фокусам я не научился. К примеру: хочешь, не хочешь, а заплати в этом месяце семьсот долларов за растраты Андрея Бородина, еще девятьсот за мою каморку, пятьдесят за воду и свет, двести за еду, сто за бензин. Делается это очень просто: снимаешь пять тысяч долларов с кредитной карточки, кладешь на банковский счет. В следующем месяце к платежам прибавляется еще триста баксов за кредитные деньги. Так выкручиваешься два-три-четыре месяца, а потом снимаешь деньги с другой карточки, покрывая долг с предыдущей.

Даже страшно было задуматься обо всем этом, но жить-то надо... Как и предрекал покойный большевик-беженец, как и предсказывала моя бывшая супруга, я все глубже погружался в болото, почти-что физически ощущая, как зеленоватая, вонючая жижа приближается к губам.

Первые недели я всеми силами отгонял любые мысли о всевозможных последствиях: приезжая с работы, я плавал в бассейне, потом, поднявшись на лифте на пятый этаж, открывал маленький, встроенный в стену холодильник, и доставал из обросшего наростами льда морозильника водку. После первой рюмки, жара, преследовавшая меня весь день, отступала, противореча всем законам природы, и я выходил на балкон, жадно вдыхая постепенно становящийся прохладным воздух, и внимая мерцающим огонькам, покрывавшим далекие горные склоны. Как светлячки, в небе светились десятки самолетов, мне казалось, что они оставляют за собой светящиеся траектории, постепенно заполняющие ночное небо, потом траектории эти бледнели, и в небе торжествовала Большая Медведица, развернутая каким-то неестественным, противным человеческому разуму тупым углом.

Я вспоминал весенние московские вечера, когда еще была жива бабушка. Бедная моя старушка. Спустя двадцать лет я стою на балконе, выпив за твою память очищенную шведскую водку, и все так же смотрю на Большую Медведицу, ныне перевернутую вверх ногами. А где же та пульсирующая звезда, она была рядом, справа... Ах, вот и она, привет, старая знакомая. Теперь ты сверху. Тебе все равно, впрочем, так оно и должно быть. Все в мире относительно и нет ничего нового под луной. Мерцай себе, на здоровье...

– Прекрати нести чепуху. -Я вздрагиваю, и вижу чуть светящуюся фигуру. Я уже привык к подобным видениям, они обычно появляются в тот момент, когда сон уже пришел, а сознание какой-то своей частью продолжает воспринимать окружающее. Тени, возникающие перед глазами, причудливо накладываются на реальность, свет уличного фонаря, играющий на стене, стакан с недопитым соком, одежда, брошенная на стул, и мое воображение смешиваются воедино. Иногда в такие минуты я слышу музыку, она захватывает меня, но, стоит к ней прислушаться, исчезает, растворившись в полумраке.

– Почему чепуху? – Мне нравится разговаривать с бабушкой. – Ты знаешь, я устал от всяческих нравоучений. У меня сын растет. Пушкин в моем возрасте создал все, что мог. Лермонтов погиб. Не говоря уже о Христе.

– Ты бы еще Карла Маркса вспомнил... И потом, мы все устали. Меня до сих пор отчитывают, ты думаешь, мне это нравится? Я иногда даже думаю: зачем все это, если мы так устаем. Или, может быть, мы должны уставать для того, чтобы не уставать от жизни?

– Если кто-то устал, то почему... – Я совсем уже запутался.

– Видишь ли, если все и всегда будет замечательно, примерно как в раю, или при коммунизме, который придумали эти засранцы, то существование станет скучным и потеряет смысл. Ты никогда не замечал, усталость, будь она физическая или умственная, примиряет с жизнью?

– Это как?

– Ну что же ты, все осточертело, а просыпаешься поутру, отдохнувший, и жизнь снова кажется прекрасной. Несмотря на то, что она продолжает оставаться совершенно бессмысленной. – Бабушка рассмеялась.

– Я совсем запутался... И потом, ты противоречишь сама себе.

– Дружок, и это ты мне рассказываешь... Ты же изучал диалектику.

– Не хватало мне философских дискутов спустя двадцать лет, да еще и в Америке. Опомнись! Я уже начинаю лысеть. И полнеть, черт бы все побрал. Я уже стар для всех этих рассуждений. И еще: каким образом ты сюда попала?

– Неважно, – она пожимает плечами. – Ты все равно не поймешь, или не поверишь. Запомни только одно: свободы нет, не было и не будет. За редким исключением. И больше не приставай ко мне. Я и так все правила нарушаю.

– Ну да, свобода – это осознанная необходимость...

*

Господи, какой странный сон. Я просыпаюсь и смотрю на часы. Всего три утра, из раскрытого окна в комнату врывается прохладный воздух. Что день грядущий нам готовит? Нет, лучше не думать. Благословен ты, сон, дающий успокоение человеческим душам.

На следующее утро я проснулся рано, и долго лежал в кровати, пытаюсь отфильтровать сон от реальности. Сделать это мне не удалось, потом я залез в душ, вскипятил чайник и насыпал в чашку несколько ложек растворимого кофе, рекламу которого каждый день крутили по телевизору. Кофе был едким, черная жижа обжигала пищевод, вызывая мгновенный приступ изжоги, и резко контрастировала с идиллическими кадрами рекламного ролика.

Над фермой поднимался розовый восход. Просыпались коровы, жеребята и поросята, а также чем-то похожий на поросят глава семейства с узенькими глазками. Жена фермера, с благодушным лицом вышедшей в отставку тюремной надзирательницы, в ночной рубашке вставала с постели. Старший сын делал зарядку, подтягиваясь на турнике. Младший сын, лежа в постели, протягивал руку к пульту электронной игры, и начинал резаться в рукопашную со страшным, многоруким драконом, изрыгающим пламя из пасти. Наконец, сам глава семейства вставал, напяливал комбинезон, выходил на крыльцо, обозревая туман, стелющийся по полям, озабоченно похлопывал шины трактора. Он возвращался на кухню и тут... Лица присутствующих наполнялись радостью. Еще бы! Растворимый кофе фирмы Фолгерс. Утренняя свежесть. Бодрость на весь день. Озимых теперь хватит на всех.

Я, видимо, не мог вникнуть в какие-то глубинные ценности американского общества. Кофе этот вызывал у меня болезненный спазм во рту, а иногда и рвотную реакцию. С другой стороны, выкинуть целую банку коричневого порошка, за которую я заплатил десять долларов девяносто девять и девять десятых центов, рука как-то не поднималась.

Поборов дурноту, я тупо смотрел на счета, только что извлеченные из почтового ящика. Долг мой возрастал с первой космической скоростью, он обрастал процентами, которые начислялись на проценты, если так пойдет и дальше, то через несколько месяцев мне придет полный и окончательный. Если, конечно, общий кризис капитализма не наступит раньше, в чем я сомневался, несмотря на многолетнее изучение общественно-политических дисциплин. Так что, приходилось признать, что денег остался последний мешок, а жизнь дала трещину, все углубляющуюся и разрастающуюся, примерно как на льдине у полярников.

И тут я вспомнил про новоиспеченного предпринимателя Макса, и поднял телефонную трубку... Лучше бы я этого не делал. Никогда, и ни при каких обстоятельствах.

– Ну надо же, – Максим, казалось, был рад моему звонку. – Это прямо телепатия какая-то, я как раз вчера про тебя вспоминал. А что, случилось что-нибудь? Я несколько раз звонил, а супруга сказала, что ты с ней больше не живешь.

– Понимаешь, я попал в переplet, – посвящать Макса в семейные разборки у меня как-то не было особого желания. – Короче, мне деньги нужны. Если у тебя есть какая-нибудь работа... – «Чего это я унижаюсь?» – подумал я, но было поздно.

– Нет, ну это точно телепатия! – голос Макса стал сладок, как патока. – А как ты думаешь, зачем я тебе звонил? Тут дельце намечается, ты себе даже не представляешь... Уникальный проект предлагают. Это – старые, Российские связи... Знаешь, раз в жизни такое бывает: или пан, или пропал, я ночами не сплю, все думаю, сомневаюсь. Угробят запросто, никому ничего не докажешь. Можешь мне помочь? Естественно, не бесплатно. Да что там, ты можешь столько на этом деле заработать, сколько тебе и не снилось. На два года жизни, или на три, если экономить. На год тебе точно хватит. Даже если в ресторанах будешь с девочками кутить. Ну что, согласен?

– Да, конечно, с удовольствием, если смогу. – Я почувствовал, что сердце мое застучало в груди, как изношенный автомобильный мотор, чихающий и выпускающий облачка едкого дыма в предвкушении свежей смазки,

– Это, – Максим замешкался. – Сделка весьма деликатная. Ты про самолеты почитал? Ну, там, по технике.

– Немного почитал, – соврал я.

– Отлично! Только все строго между нами, если ты в это дело ввязываешься – никому! Ни одного слова. Это в твоих же интересах, понял? Короче, завтра же идешь в самый лучший университет, в библиотеку, и оттуда целый день не вылезает. Вызубри все про самолеты, космические челноки, спутники. От, и до, понял?

– Так про самолеты, или про спутники? – Тоскливо стало мне где-то в области чуть левее и выше желудка.

– И как следует про плитку кафельную все изучи.

– Плитку? Какую еще плитку, – удивился я.

– Ну эту, теплоизоляцию на космических челноках. Она у них обгорает, из-за торможения в атмосфере.

– Слушай, Максим, если вся эта история имеет хоть какое-нибудь отношение к ракетам, оружию и прочей дряни, я...

– Клянусь, исключительно мирные транспортные препараты.

– Что? Лекарства?

– Хмм... А ты не так прост, как я думал. Значит так, – Макс заговорил шепотом, – на следующей неделе встречаемся с одним удивительным человеком, он занимается бизнесом по всему миру, живет в Москве и очень... Очень, – многозначительно повторил Макс, сделал короткую паузу, и все-таки выдал из себя шепотом окончание фразы, – очень разбогател. Я тебя представляю как своего технического директора, ну, ты понимаешь, для солидности. Значит так, это не телефонный разговор. Мы продаем летающие аппараты, в России их лет десять назад разработали. Ты уж обоснуй, не ударь лицом в грязь... В четверг, в семь вечера. Ничего не говори, пока со мной не посоветуешься, лучше всего помалкивай с умным видом. И еще: оденься поприличнее, у тебя костюм с галстуком есть?

– Обижаешь...

– Ну ладно, записывай адрес...

На встречу я приехал заранее, долго кружил по незнакомым улицам, оказался в тупике на лесном склоне, и, разворачиваясь, наконец увидел дом, который был мне нужен.

Улица не освещалась фонарями, к тому же в доме было совершенно темно. Галстук сдавливал горло, было влажно, и, несмотря на холод, воротничок моей рубашки пропотел насквозь. Вся эта история начинала мне не нравиться, я наощупь поднялся по каменным ступенькам, и, поискав звонок, в недоумении подергал за шелковый шнурок, висящий около двери. Где-то в глубине дома мелодично ударил гонг, и в то же мгновение небеса разверзлись сильным, до омерзения холодным ливнем. Как будто потянул я за невидимую небесную нить, подобную той, вполне зримой, металлической цепочке, которая когда-то встречалась в допотопных канализационных бачках. К такому проявлению сил природы я не был готов, и, чертыхаясь, начал торопливо спускаться к машине, подвернул ногу, свалился, и больно ударил коленку, проехавшись по мокрой кирпичной лестнице.

Видит Бог, он меня предупреждал. Вместо того, чтобы немедленно уехать из этого заклятого места, я достал из багажника аптечку, наклеил на колено пластырь, сел в машину и твердо решил дожидаться хозяев. Ничего себе, я ехал на эту явку почти что час и пятнадцать минут, и что же? Все это для того, чтобы постучаться в закрытую дверь?

На улице было тихо, только капли дождя стучали по ветровому стеклу. Я приоткрыл окно, и закурил, засунув в магнитофон кассету Гребенщикова. «Моя смерть ездит в черной

машине, с голубым огоньком» – ласково ворковали динамики... Высшая сила снова предупредила меня, но я был слеп и глух к знамениям судьбы.

И показались вдалеке фары. И погасли, это меня смутило, потом – насторожило. Я даже погасил сигарету, и замер, стараясь не шевелиться. Кадиллак черного цвета остановился метрах в тридцати от дома, в салоне его едва заметно светилась слабенькая лампочка фиолетово-голубого цвета. Вышли из машины два человека в плащах, в темноте их лиц я не смог разглядеть. Так я и думал, они поднялись по той самой крутой кирпичной лестнице, с которой я полчаса назад свалился. Заглянули в окна. Засунули руки в карманы. И ушли, отъехав от дома в полной темноте, даже не включая фар.

Ох, совсем и решительно переставала мне нравиться эта история. Я уже ни с кем не хотел встречаться. Рука тянулась к зажиганию, провидение еще делало робкие попытки достучаться до моего сознания, но человеческие существа упрямы и глупы. Так я и остался сидеть в машине.

Терпение мое было вознаграждено. Минут через десять подкатила к дому вереница автомобилей. Впереди ехал новенький «Ягуар», за ним два «Мерседеса», а завершал процессию скромный джип, принадлежавший Максиму. Увидев Макса, я облегченно вздохнул.

– Знакомьтесь, – Максим суетился, он переходил то на русский, то на английский. – Технический директор нашей компании, доктор наук, профессор, специалист по летательным аппаратам, – он подмигивал мне, словно пытаюсь заручиться моим молчаливым согласием с этой, только что придуманной должностью.

– Здравствуйтесь, – из мерседеса вылез пожилой китаец, как две капли воды похожий на покойного председателя Мао. – Здравствуйтесь, товарищи – неожиданно чисто сказал он по-русски. – Спасибо. Хорошо. Кобелек. Маленький жиолтенький обезьянка!

– Здравствуйтесь, – растерялся я. – Очень приятно.

– У меня была русская подруга, – объяснил двойник председателя Мао, перейдя на английский. – Это она меня научила. – Он радостно захохотал, довольный произведенным эффектом.

– Это господин Шан Вун, – разъяснил Максим. – Знаменитый финансовый делец. Одновременно профессор чего-то там экономического в университете Сан-Франциско. Благодаря своим связям, работает связным между бизнесами в Америке и Тайване, так что через его пальчики миллиарды протекают.

– Ну что, делу – время, потехе-час? Так, что-ли, Максим? – Невысокого роста человек настолько неожиданно возник откуда-то из темноты, что я вздрогнул.

– А это, Иван Ренатович, кхэ. – Максим закашлялся. – Прошу любить и жаловать. – Иван Ренатович, это, так сказать, наш технический директор. Специалист – первоклассный! Доктор наук. Я вам о нем рассказывал.

Иван Ренатович отнюдь не соответствовал моему представлению о новых русских. Не было на нем ни малинового пиджака, ни золотых цепей из многочисленных анекдотов, ни обязательного сотового телефона, все это – неправда. Одет Иван Ренатович был в приличный, хотя и немного помятый серый костюм и в совершенно не подходящую к этому костюму рубашку грязно-зеленого цвета с игривыми розовенькими цветочками. Завершал маскарад темно-синий галстук в полоску с огромными золотыми якорями. Лицо предпринимателя, с широким и плоским лбом, с узко посаженными глазками, было бледного оттенка, и все испещрено морщинами. Под глазами у Ивана Ренатовича набрякли мешки, а окаймляла эту примечательную физиономию остренькая ханская борода, частично прикрывавшая шрам, пересекавший левую скулу.

– Здравствуйтесь, – тихо, почти шепотом сказал Иван Ренатович, и крепко пожал мне руку, пристально глядя в глаза. От этого взгляда мне стало немного не по себе: глаза гражданина с морщинистым лицом не моргали, а зрачки совершенно не двигались. – Ну что

же, переведи этим, чтобы заходили в дом. А то не-по людски как-то. Толкуются здесь под дождем. Поговорить надо.

– Добро пожаловать, заходите, заходите, – Максим начал суетиться. – Сейчас начнется. Ты только ничему не удивляйся, и ни в коем случае ничего не спрашивай, – он обращался ко мне.

– Погоди, да что происходит, ты мне можешь объяснить? – я почувствовал себя неловко.

– Слушай меня внимательно, мы этим чукчам пытаемся продать одну вещь, сверхсекретный русский летательный аппарат, ты, главное, с умным видом говори, что все оно так и есть. Понял? Я тебя для этого и пригласил. Эффект присутствия. Давай, науку привлеки, аэробику.

– Аэробику? – Растерялся я.

– Какая на хрен разница! Тут серьезное дело, а ты с терминами в душу лезешь. Знаешь что, это твоя работа с названиями разбираться... Я же тоже запутаться могу, голова пухнет.

– Чудны дела твои, Господи, – развел я руками. – Да не обижайся ты, мог бы все-таки предупредить, я же думал, что мы... – Фразу я не закончил по одной простой причине: моя брэнная физическая оболочка переступила порог дома, принадлежавшего Ивану Ренатовичу.

Мамочка родная, никогда не бывал в таких домах. Снаружи он вроде бы ничем особенным не выделялся, но изнутри... Ноги мои утонули в медвежьей шкуре, мраморные статуи, хрустальная люстра, которой подстать было бы освещать партер Большого Театра, а более всего поразил мое воображение огромный, подсвеченный разноцветными лампочками аквариум, стеклянный цилиндр, уходящий сквозь отверстия в полу и в потолке куда-то вниз, скорее всего в подвал, и вверх, на высоту трех, или даже четырех этажей. В аквариуме плавали разнообразные рыбины, некоторые угрожающего размера и довольно-таки зловещего вида. Примыкал к аквариуму дубовый стол овальной формы, за который при желании можно было бы посадить человек пятьдесят. Стол был накрыт, но как-то странно: около каждого стула возвышалась бутылка водки, рядом, на салфеточке стоял тяжеловесный квадратной формы хрустальный стакан, и чуть поодаль – вазочка с орехами.

– Это у Ивана Ренатовича выездная резиденция, вообще-то у него дом в Москве, а сам он все время в бизнес-командировках – разъяснил Максим.

– Ни хрена себе, домишко, – я судорожно вращал головой, пытаюсь охватить все особенности открывающейся передо мной архитектурной перспективы.

– Хорошо, товарищ! – Тайваньский бизнесмен Шан Вун тоже одобрял интерьер. Его спутники громко цокали языками и что-то бурно обсуждали между собой.

– Переведи им, – тихо сказал Иван Ренатович, – чтобы прекратили болтать. У меня от этого гвалта голова болеть начинает. Пусть лучше выпьют, я угощаю.

– Садитесь, садитесь, – Максим был дипломатичен. – Мы уже начинаем.

– Скажи им, – Иван Ренатович налил себе в стакан водки, сделал глоток и набрал в ладонь горсть орехов. – Наши аппараты не боятся никаких погодных условий, что им тайфун, что цунами, все едино. Как в русской сказке: в огне не горят, и в воде не тонут. И еще скажи, все эти сказки про инопланетян, про летающие тарелки, так это все наши летчики были, вот фотография! – Он достал из папки черно-белую фотографию. На фотографии десятки людей в белых халатах суетились около классического вида летающей тарелки. Впрочем, тарелка была украшена надписью «СССР» на ее боку, и слегка стилизованными серпом и молотом, что наглядно доказывало ее вполне земное происхождение.

– Летающее блюдце, – глаза председателя Мао вылезли из орбит. – Смотрите, блюдце, – он начал глупо смеяться.

– Переведи ему, что на Луне тоже наши космонавты первыми побывали, на этих самых тарелочках прилетели. Так что их Тайвань, или как его? Тайланд, что-ли? Словом, с такими аппаратами они запросто станут азиатской сверхдержавой. Да чего там азиатской, они и Америку в одно место засунут. Ты, это, в общем, смягчи как-нибудь... – Иван Ренатович сделал большой глоток из стакана.

– Выслушав вольный перевод речи Ивана Ренатовича, приглашенные раскрыли рты, и начали цокать, причмокивать и оживленно щебетать, точь-в-точь как певчие птицы в клетке при виде кормушки с размоченными в воде прошлогодними зернами.

– Ты можешь сделать так, чтобы эти обезьяны заткнулись, сколько можно просить, голова разламывается! – Иван Ренатович с неприязнью посмотрел на своих гостей. «Как Ленин на буржуазию» – подумал я, и с ужасом понял, что Иван Ренатович и вправду чем-то отдаленно напоминает Владимира Ульянова. Та же бородка, тот же хитрый, немного азиатский прищур...

– Так какие будут мнения у уважаемых членов делегации? – Ах, Максим, Максим. Кто бы мог подумать, что у тебя обнаружится талант дипломата...

– Мне представляется, что в сложных климатических условиях, в период дождей, в гористой местности, – рассудительно произнес двойник председателя Мао, – подобный летательный аппарат представляет собой выгодную альтернативу вертолетам. Если же ... Простите, не уверен как называть, блюдца... можно будет использовать для дальних перевозок... Это – очень ценная информация, спасибо господину Фаритову. Скажу сразу, мы – очень заинтересованы.

– Чего он говорит? – поморщился Иван Ренатович.

– Говорит, что они очень заинтересованы. – Максим явно нервничал.

– Ну, так пусть гонят бабки, чего штаны просиживать?

– Еще бы нам хотелось, чтобы та уникальная техническая информация, которой располагает уважаемый хозяин, не попала бы к конкурентам, а также к представителям враждебных нашему государству держав.

– А сейчас чего? Что за люди, сколько можно болтать! Деньги-товар-деньги! – Иван Ренатович явно обучался в советской школе, а может быть, даже и в техникуме.

– Они хотят, чтобы о тарелочках никто больше не узнал, Китай, или еще какие завистники.

– Умные, как глисты в заднице. Теперь я скажу! Переводи! Здесь вопрос простой: если они летательные аппараты хотят, пусть гонят пятьдесят миллионов сразу, на начальные расходы. Если такой разговор пойдет, дело – в шляпе, вся техническая документация – ихняя, отгрохают завод и пушай хоть на луну летают. Прибыль – пополам, это мое жесткое условие.

– А... Одну минутку, – после того, как Макс перевел на английский ультиматум Ивана Ренатовича, лица у гостей вытянулись, и они снова оживленно принялись что-то обсуждать.

– Опять галдят, сволочи! – лицо Ивана Ренатовича исказилось страдальческой гримасой, он налил себе еще водки, и залпом выпил. Ни малейшего признака опьянения не было заметно на его лице, разве что гримаса немного разгладилась.

– Мы, надо сказать, ошарашены предложением нашего уважаемого гостя. – двойник Мао, похоже, был у приглашенных спикером. – Мы пока не готовы ни к каким финансовым сделкам. Хотелось бы ознакомиться с техническими характеристиками, быть может, получить для испытаний хотя бы один подобный аппарат...

– Да не переводи мне, я его и так понял, – Иван Ренатович откинулся в кресле. – Скажи ему, опиши реальную ситуацию. В России производство встало, никаких технических мощностей не осталось. Армия и КГБ рассредоточены... Мне нужно завод построить. Аппарат – дадим, но деньги – вперед! Можно частями. И еще, спроси у них, чего они мелочатся? У них же денег до хрена и больше, на золотых мешках сидят. А тут миллиардами

пахнет. Да хотя бы наркотики из Тайланда переправлять, их же не одно ПВО не возьмет, вертикальный взлет, за пять минут куда угодно доберутся с грузом. Я же им подарок дарю, если задуматься. А если не хотят – пожалуйста, у меня завтра встреча с делегацией банкиров Индонезии.

Макс перевел этот монолог Ивана Ренатовича дословно, и гости на минуту задумались.

– Хотелось бы узнать, каково мнение технического директора, – сидящие за столом с интересом уставились на меня.

– Одну секундочку, – Макс умоляюще посмотрел на меня, и вскочил со своего стула. – Разрешите мне познакомить вас с некоторыми фактами из биографии нашего уважаемого директора...

Уши и щеки мои зарделись ярким цветом. Макс умудрился за пару минут наплести такого, что мне решительно захотелось провалиться сквозь землю. По его словам выходило, что я с детства был гением, получил все возможные и невозможные научные степени, разрабатывал советские сверхзвуковые истребители, космические корабли, а также являюсь экспертом по аэробии... намике (к счастью, английский у гостей прихрамывал), был избран членом Академии Наук, но уехал, предпочтя должность технического директора во вновь созданной компании, возглавляемой Иваном Ренатовичем и Максимом.

– У, – уважительно завывали гости и начали причмокивать, отчего я себя почувствовал преотвратным образом.

– Дело в том, что создание и разработка такого летательного аппарата – чрезвычайно сложное, трудоемкое и дорогое дело, – начал я, проклиная себя, Максима и бывшую свою супругу. – На грани технических возможностей человечества... – Я вспомнил про счета, которые грудой лежали на моем столе, и вдохновение неожиданно спустилось на меня с небес. – Гироскопический двигатель, ультралегкие и тугоплавкие материалы, используемые для покрытия корпуса. Не забывайте и о тепловой изоляции, вы же наверняка слышали про то, какие проблемы у Американцев вызывает облицовка космического челнока термостойкими плитками! Сложнейшая гидродинамика! Ламинарный поток. А топливо? Тончайший химический процесс! Перегонка! Так что начальные инвестиции неизбежны! Иначе покрытие отслоится.

Говорил я минут пятнадцать, и речь явно произвела впечатление на присутствующих. Довольно улыбался двойник председателя Мао, оживленно чирикали начинающие хмелеть гости, даже рыбы в аквариуме начали как угорелые носиться по кругу, и, готов поклясться, что рыбины побольше при этих маневрах невзначай заглотили нескольких сожителей, не вышедших габаритами.

– Ну ты даешь, – Макс едва заметно подмигнул мне. – Молодчина!

– Ты мне объясни ради Бога, что происходит! Это же афера какая-то. Или что, наши действительно летающие тарелки сделали?

– Насколько я знаю от Ивана Ренатовича, такие работы велись. И тарелки тоже были разработаны, даже летали, но сейчас финансирование прекращено. Все это пока неважно, надо контракт заключить, а там разберемся!

– Знаешь, за такие дела в тюрьму как нечего делать упекут! – мне стало не по себе. – Я выхожу из игры!

– Ну и дурак, ты слышал, о каких деньгах речь идет? Сейчас самое главное, к этому денежному потоку присосаться, не пожалеешь! И Иван Ренатович, кажется, доволен, посмотри!

Иван Ренатович неподвижным взглядом посмотрел на меня и поманил нас с Максимом властным движением указательного пальца.

– Ты хорошо сказал. Я не очень понял, что именно, но хорошо, вон они как засутились. Я такие вещи чувствую. В долгу не останусь, понятно?

– А... – прохрипел я что-то невразумительное. – Спасибо.

Несмотря на страдания Ивана Ренатовича, шум в комнате продолжался еще несколько минут, а потом стало неожиданно тихо.

– Мы готовы заключить предварительное соглашение о намерениях. – председатель Мао был бледен. – Господин Фаритов, если вас устроят пять миллионов, в обмен на предварительную техническую документацию и договор о намерениях и соблюдении коммерческой тайны...

– Нет, ну ни хрена себе, вы слышали? Я же им русским языком сказал, пятьдесят миллионов, а они... Блин, все время приходится в убыток себе работать.

– Так вы согласны? – лицо Шан Вуна выразило надежду.

– А, хрен с вами, – Иван Ренатович всеми силами изобразил разочарование, хотя я мог поклясться, что на самом деле он был рад такому исходу дела. – Но учтите, это только за фотографии и технические данные. К тому же вы должны подписать бизнес-план. Полная документация будет стоить пятьдесят. Реализация проекта – пол-миллиарда. И тут вы уж не открутитесь!

– Ты – мой друг, и я – твой брат, – провозгласил загадочный китаец с круглым лицом, и тут же произошло братание народов, сопровождаемое безудержным распитием крепких напитков. Учитывая загадочный блеск богатства, освещавшего ночь, комнату и подсвеченный разноцветными лампочками аквариум, зрелище это носило весьма сюрреалистический характер.

Гости, разгоряченные совершенной сделкой и водкой, разъезжались. Впрочем, в воздухе, как мне казалось, физически была разлита напряженность, как бывает душным днем перед грозой. Иван Ренатович, как ни удивительно, остался совершенно трезвым и на прощание долго жал руки каждому из приглашенных, смотря перед собой неподвижным взглядом. А Максиму сунул какую-то бумажку в руку и ласково потрепал его по щеке. А вашему покорному слуге хитро подмигнул и поднял вверх средний палец на правой руке. А потом опустил вниз большой палец той же руки, так что я во всей этой символике совершенно запутался.

*

– Все, ты – кремень! – Максим глупо хихикал.

– Ты чего? – Я был растерян.

– Чего, чего, ты знаешь, сколько эта сделка стоит? Нам обломится десять процентов комиссионных, как в аптеке. Пол-миллиона зеленых. Ну, конечно, придется еще поработать, документацию на английский перевести. Поможешь? Вот такие пироги. А все Иван Ренатович... Удивительный человек, честный, порядочный, таких в бизнесе теперь почти не осталось. Мда... – Максим на секунду задумался. – Значит так, тебе – пятьдесят тысяч, если, конечно, все выгорит. Согласен? Ни хрена себе, почти что годовая зарплата за один вечер, правда же? И никаких обид. Ведь это я все устроил, так что... К тому же, смотри, я тебе даю десять процентов. А сам получаю тоже десять, да какой там десять, меньше...

– Да нет, Максим, конечно, о чем ты. – Сердце мое застучало. Неужели, неужели вот так вот, в одно мгновение, можно расплатиться с кредиторами и почувствовать себя свободным? – А когда деньги будут? Видишь ли, у меня платежи просрочены, может быть дашь в долг тыщонку-другую?

– Да понимаешь, у меня ведь все вложено в разные бизнесы. Снимать их сейчас не могу. Знаешь что, дай-ка мне расписку, что получил пятьсот тысяч...

– Что? – Я потерял дар речи. – Ты с ума сошел? С какой это стати? Я еще ничего не получал. И почему пятьсот? Это же пол-миллиона.

– Нет, ну ты все-таки ни хрена не понимаешь, – Максим обиделся. – Это же бизнес, черт возьми. Во-первых, даже миллион для бизнеса – деньги мизерные. Сам посуди, дажк

купить трехкомнатный домик в хорошем районе не хватит. Во-вторых, мне эта расписка нужна только для налоговой службы. Смотри сам, у тебя доход чепуховый, так? Значит и налогов с тебя слупят меньше. А мне это невыгодно, зачем платить всяким чиновничкам? Ты согласен? Мы же дурака не валяем, люди честные. Все доходы декларируем государству, ну а маленькие хитрости – это уж извини, иначе совсем без штанов останешься.

– Ну, я понимаю, – замялся я, вспомнив мытарства в квартирном комплексе и осточертевших соседей.

– Я знал, что ты мужик умный. Короче, если ты мне расписку даешь, твоя доля – сто тысяч вместо пятидесяти. И тебе выгодно, и мне хорошо. Правильно? Заплатишь налога тысяч сто пятьдесят, я тебе их дам... А Иван Ренатович отдаст тебе пол-миллиона, но наше с тобой условие: деньги мы делим как три к одному, тебе – треть, мне – две трети... Подписывай, я тебе говорю!

– Ну ладно, ладно! – Я ничего уже не понимал в этой многотысячной арифметике. Голова у меня закружилась, во рту пересохло. Какие там счета за электричество, здесь разговор шел куда более солидный.

Призрак трехзначной денежной суммы тем вечером носился по моей комнатке, оседая на старом синтетическом ковре с жирными пятнами едва заметной золотой пылью. Но какое-то смутное беспокойство поселилось в душе и не желало уходить. Так будущее отбрасывает зловещую тень на прошлое, что бы ни говорили Эйнштейн и прочие столпы современного естествознания.

Глава 9.

– Такие сволочи, наглые, ты себе представить не можешь. – очкастая девушка Рита, с которой я познакомился на очередном пикнике, суетилась на кухне. После внезапного приступа страсти, обуявшего нас на лесной тропинке, и победно завершившегося в моей комнатухе, выяснилось, что Рита замужем. Меня по этому поводу до сих пор мучали легкие укоры совести, но человек слаб, и Рита продолжала появляться у меня дома...

Греховная радость познания еще время от времени манила меня, но неумолимо отступала, сдавая позиции запаху дешевого дезодоранта, застиранному белью, и морщинам, проступавшим под глазами. С каждым посещением Риты тайн между нами оставалось все меньше, и хотелось зевнуть, и вспоминалась песня про то, «Как хорошо проснуться одному»...

– Тебе кофе покрепче, или как обычно?

– Сделай покрепче. А это ты на кого ругаешься? – я загипнотизированным взглядом провожал колеблющуюся на ее груди надпись, выполненную стилизованным шрифтом на футболке: «Работник корпорации! Помни: твою зарплату выплачивают удовлетворенные тобой заказчики!».

– Нет, ты понимаешь, мы для них – низший класс. А эта китайская чукча, которая и по-английски-то говорить как следует не научилась, еще смеет мне указывать.

– Какая разница, китайская, корейская, японская. Мы здесь все на одном и том же положении, в том и сила этой страны. – Я сам удивился неожиданному приступу интернационализма.

– Да пошли они куда подальше, идиоты, задолбали уже. Ты не видел, куда я засунула очки? – Рита начала близоруко ощупывать стол.

– Вот они, около кровати, – я, пошарив рукой, подцепил очки за дужку.

– Спасибо, – в очках она сразу почувствовала себя увереннее. – Куда ты опять кофе дел? Я же тебя просила, ставь банку на полочку, справа от плиты, неужели так трудно запомнить? Я ненавижу, когда все приходится подолгу искать.

– Я сейчас, покурю, – накинув на себя простыню, я вышел на балкон. Интересно, кем я казался редким прохожим, случайно устремившим той ночью взгляд ввысь? Римским патрицием? Ангелом, спустившимся с небес? Городским сумасшедшим, которых в этом местечке более чем достаточно? Да и прохожих-то на улице не было, лишь иногда проезжали редкие в этот час машины, фырча и подмигивая желтыми глазками фар.

Где-то там, в этом облачке огоньков спит мой ребенок. Детеныш мой, прости меня, если сможешь. Когда ты родился, ты кривил свою маленькую мордочку, пуская слюни, смеялся, когда я строил тебе рожи, склонившись над кроваткой, брал мои пальцы в свои маленькие ладошки. Потом ты начал иронично улыбаться, когда я совал тебе в рот фруктовое пюре. Ты горько плакал, когда на улице была гроза, или случался салют.

Салют ты особенно не любил. Грохот пушек, прославляющих распадавшуюся советскую империю, и, как назло, расположенных неподалеку от нашего дома, разноцветные вспышки фейерверков в окне, подрывали в тебе уверенность в устойчивости и разумности мира. Я носил тебя на руках, пытаюсь успокоить, похлопывая тебя по плечу, и ты запомнил этот жест. Как символ любви и привязанности, сохранившейся между человеческими существами несмотря на государства, границы и социальные системы. Невзирая на фейерверк, ты дружески пошлепывал меня ладошкой, на секунду приобретая уверенность в устойчивости бытия, от осознания этого иллюзорного счастья радостно улыбаясь, и мне становилось тепло. В конце концов, какого черта! Пусть падут все империи и государства, на закате жизни и цивилизации останемся лишь мы с тобой. Такие, какие мы есть.

А теперь ты подрост, и обожаешь эти жуткие игры, залы игровых автоматов, забитые шпаной и дегенеративного вида взрослыми, с безумным оскалом на физиономиях. Они судорожно бьют по пластмассовым кнопкам. Каким образом ты полюбил виртуальные драки на цветном экране, когда твоего многорукого противника, вооруженного ножами, сетями и копьями, ударяют палицей по голове, раскалывающейся на мелкие кусочки. Неужели тебе не становится дурно от этих луж крови на асфальте, пусть нарисованных, но неужели тебе все равно? Убедить тебя в том, что это страшно – невозможно, – ты в ожесточении стучишь по кнопкам, подогнув ноги в коленях, и устраиваешь безобразные скандалы, когда я пытаюсь увести тебя домой. И опять у меня нет денег, ты не можешь понять, что потратить пять долларов на игровые автоматы, а потом еще четыре на твой любимый «Бургер Кинг» мне сложно, и обижаешься.

Кто же из тебя вырастет? Каким образом тебя так успела испортить эта страна, ведь ты прожил здесь всего три года. Неужели это что-то, носящееся в воздухе, таинственные излучения, исходящие от земли, почему, почему? Как все это сочетается с тем, что тебе не продадут сигареты и вино, пока тебе не исполнится двадцать один год? Почему тебя на неделю лишили игры в баскетбол и школьных обедов, когда ты встал на шаг дальше, чем положено, на школьной линейке? Почему вызвали родителей в школу после того, как ты принес в класс плюшевого медвежонка? Почему выгнали с занятий когда ты подрался с одноклассником, оскорбившим тебя на глазах у друзей? И почему при всем этом зубодробительном режиме, в старших классах половина учеников уже сидит на наркотиках, и с трудом может написать свое имя без ошибок?

Вы заучиваете наизусть стихотворения про Джорджа Вашингтона. Когда Вашингтон был маленьким, он тоже бегал в валенках по горке ледяной. А Томас Джефферсон родился в апреле, когда расцветает весна, хотя и был самым бессовестным плантатором, и открыто призывал к использованию рабского труда. И как это сочетается с тем, что с утра вы должны распевать гимн? А особенно с тем, что Том Сойер теперь не рекомендован к изучению в школьной программе – книжка эта была написана с расистских позиций. Она нехорошо изображает черное население, как иначе объяснить то, что негр, который жил в какой-то там пещере был бандитом, а бледнолицый Том Сойер – хорошим...

Хорошо, хорошо, мир сошел с ума. Я достаточно мудр, чтобы это понимать, но чего вы хотите от детей?

*

– Держи свой кофе, – Рита была недовольна. – Опять ты где-то на седьмом небе витаешь. Смотри, крылышки не обожги... Ну ладно, мне пора.

Правильно. Я не выразил достаточного сочувствия ей, бездетной, живущей с нелюбимым и не хватающим звезд с неба мужем, угнетаемой работодателями азиатского происхождения, потерявшей свою замечательную работу, карьеру, величественный город на Неве, решетки Летнего сада, ради этого вселенского разочарования в десяти тысячах километрах от дома.

– Спасибо, – прихлебывая отдающую рвотой жижу, в глубине души я мечтал о том моменте, когда она наконец уйдет, и я останусь один. Я даже укорял себя за эту эгоистичную мечту, поскольку приходила она обычно после порывов страсти. Но стоило Рите открыть свой рот, а в такие минуты на нее почему-то нападала повышенная говорливость, как мне хотелось провалиться сквозь землю. Спаситься от этой напасти можно было единственным способом, к которому я и прибегнул, стиснув зубы и прикрыв веки. Теперь, медленно дыша, надо сосчитать до десяти.

– Что с тобой? Я тебе надоела? Ты меня еще любишь?

– Безумно, – я закончил медитировать и прикурил сигарету.

– Слушай, я пойду, – она испуганно посмотрела на часы. – Я завтра не смогу заехать, а то он меня подозревать начнет. Не обижайся, ладно?

– Не буду, не буду, – Я почувствовал облегчение. – Ты не волнуйся, приезжай, когда сможешь.

– А ты меня не ревнуешь? – Глаза ее, увеличенные очками, виновато моргнули.

– Да нет, что ты... – Я с досадой почувствовал, что просто так она не уйдет.

– Правда? Нет, скажи, правда?

– Да, конечно. С чего это мне тебя ревновать?

– А тебе что, совершенно все равно, что я... Ну, живу с ним. Ложусь в постель? Или, может быть, у тебя есть кто-нибудь еще?

– Никого у меня нет, Рита. Я просто устал.

– Тебе на меня наплевать! – Она начала всхлипывать. Нет, скажи, ты меня совершенно не ревнуешь? Ты себе представь, я приезжаю домой, и я ведь должна, чтобы не вызывать подозрений...

– Прекрати! – Я начал злиться.

– Ты разлюбил меня, – Рита наконец начала рыдать. – Но я же не могу вот так вот его бросить. Он такой хороший человек... Нет, ты только пойми меня правильно, я впервые в жизни почувствовала себя...

– Еще чего не хватало, – испугался я. – Ни в коем случае не бросай.

– Мерзавец, скотина бесчувственная, – она запустила в меня ложкой.

– Рита, не валяй дурака, – я снова закурил.

– Сколько раз тебя просили не курить в квартире! Тебе наплевать на меня, ты же знаешь, что я не выношу сигаретного дыма.

– Послушай, – Я начал заводиться. – Делай что угодно, но вот только пожалуйста, не ори на меня! Я сижу в полном дерьме именно из-за того, что на меня так же кричали. Я устал от всего этого. Ради Бога, не прикидывайся невинной. Ты нужна мне не более, чем я тебе. И не надо соплей, давай оставим все как есть.

– Ах вот ты как заговорил? После всего, что между нами было. Ты – жестокий. Бессердечный. Скотина!

– Не надо изливать в пространство этот стандартный набор штампов. И прекрати реветь, а то ты приедешь домой с красными, набрякшими веками, и муж тебя все-таки засечет.

– Черт бы тебя побрал, – она как по-волшебству прекратила плакать, решительно поднялась из-за стола, сорвала с себя футболку с надписью, напоминавшей плакаты времен гражданской войны, и начала одеваться. – Не смотри!

«Работник корпорации!» – гадкая надпись поплыла змейкой, будто анаконда в тропическом болоте, среди неизвестно откуда взявшихся кувшинок. «Помни: твою зарплату выплачивают удовлетворенные тобой заказчики!».

– Да не смотрю я.

– Все, все кончено, слышишь! Все! Окончательно! Какая же я дура! – Рита продолжала еще что-то кричать, потом, наконец, ушла.

Как тихо... Как хорошо... В последнее время я полюбил одиночество. Быть может, я схожу с ума, или мне просто не повезло, но я все чаще ловлю себя на мысли о том, что оставаясь один, наконец-то становлюсь самим собой. Это, наверняка, зловещий симптом: признак эгоизма, возможно, шизофрении, мизантропии, результат все усугбляющегося стресса, вызванного моим финансовым банкротством и полным непониманием того, как жить дальше. Как будто что-то подталкивает меня, и никого не хочется видеть. Даже женщин, несмотря на периодически ударяющий в голову первобытный инстинкт продолжения рода.

Вот если бы они рождались глухонемыми. Или, хотя бы, умными. Пусть даже будут самыми отпетыми стервами, пусть ругаются, швыряются тарелками, дерутся, но пусть с ними хотя бы изредка, скажем, раз в неделю, будет интересно разговаривать!

И хватит корить себя за эту дурацкую историю. А, может быть, я не прав? Кто знает, может быть я показался этой очкастой Рите таким же спасением от опостылевшей жизни, как и она мне в тот, первый вечер? Разве я виноват, что ничего из этого не получилось?

Телефон. Как я тебя не люблю, бездушный пластиковый аппарат. Что ты принесешь мне на этот раз? Наверняка это звонит Рита, остановилась у какого-нибудь супермаркета, или на заправке. У нее запоздалое раскаяние, или, еще хуже: сейчас она выскажет мне все, что обо мне думает. Я сломал ее жизнь. Разрушил загнивший семейный рай. Не оправдал надежд, оказался самовлюбленным эгоистом. И буду за это в аду вариться в кипящей смоле. Может быть, не брать трубку?

– Привет... – Я ошибся в своих прогнозах, звонил Максим. – Слушай, тут у меня крупные неприятности с бизнесом, я уезжаю, по крайней мере недели на две. – Он тяжело дышал, как будто запыхался от бега.

– А... – протянул я. – Привет. Слушай, Максим, ты случайно не знаешь, когда мы получим деньги? Как там Иван Ренатович?

– Мне сейчас не до того. А насчет денег ты сам ему позвони, ладно? Запиши телефон...

– Записываю, – меня неприятно поразило то обстоятельство, что Макс слегка попискивал, как будто рядом с трубкой скулил обиженный щенок.

– Так что стряслось, если не секрет?

– Долго рассказывать. Ладно, если я вернусь, дам тебе знать. – Максим взвизгнул, и мне показалось, что он до смерти чем-то напуган. – Может быть, недели через две– три. Не знаю...

Черт побери! Исчезновение Макса было мне весьма некстати. Я как-то наивно надеялся, что все дела с Иваном Ренатовичем он закончит сам, а мне лишь останется получить деньги на тарелочке с голубой каемочкой. Но, видимо, не тут-то было... Ну, что же поделывать, главное в нашей жизни – иметь хоть какую-нибудь надежду на лучшее. Смущала лишь расписка на космическую сумму, неосмотрительно выданная партнеру.

Телефон Ивана Ренатовича не отвечал. Вернее, телефона этого более не существовало в природе – механический голос автоответчика объяснял мне, что номер отключен. Максим исчез основательно, самое забавное, что его телефон тоже был на днях выключен телефонной компанией.

В ближайшее воскресенье я решил подъехать к дому, в котором Макс хранил сушеных осьминогов. Еще свернув с центральной улицы, я почувствовал неприятный укол в сердце: казалось, мой маршрут был размечен воткнутыми в землю плакатиками со стрелками. На плакатиках было написано: «Дом на Продажу». Ну, правильно, вот здесь надо свернуть направо. А вот и тупик, в котором...

Из дома, который еще недавно принадлежал Максиму, вышел какой-то совершенно незнакомый мне человек в костюме с галстуком.

– Вы по объявлению? – сухо обратился он ко мне. Затем он торжественно воткнул в Максову лужайку плакат с гордой красной надписью наискосок: «Продано».

– А где бывший хозяин? – испуганно спросил я.

– Уехал куда-то в Латинскую Америку, кажется. – агент лениво зевнул. – Так что, извините, вы опоздали. Знаете, рынок сумасшедший, стоит только дать объявление, в тот же день выхватывают из рук, да еще торгуются. Гонконгская волна, что поделывать.

– Какая волна? – Я ничего не понимал.

– Гонк... Конг. – Агент зевнул. – Их недавно к Китаю присоединили, вот те кто мог и рванули на Запад. А денег выше крыши, там однокомнатная квартира стоила почти миллион,

так что местные цены кажутся им смешными. Вот и с этим домом та же история: за четыре часа сто с лишним предложений поступило, продали на триста тысяч дороже, чем объявили. Несмотря на вонь.

– Какую вонь?

– А черт его знает, сгнила какая-то дрянь, кальмары, что-ли, так что запах до сих пор не выветрился. Но дом неплохой, крепкий. Лет пять-шесть еще простоит, а может быть и больше. Кстати, вот вам моя визитная карточка, надумаете покупать – звоните.

– Спасибо, – я понял, что мне пора сматываться.

Господи, что же это такое, чтостряслось? Наверняка Макс запутался в своих куплях и продажах, недоплатил налоги, и решил забрать все что есть и уносить ноги подобру-поздорову. А вдруг... – Страшная эта мысль пронзила мое сознание – вдруг он забрал и мои деньги? Ну да, взял все, что оставалось, и концы в воду. Черт побери!

И решил я заехать домой к Ивану Ренатовичу и дожждаться его, хотя и боязно мне было соваться во все эти дела.

Дом стоял все на том же месте, и, какая удача, по лестнице как раз спускалась энергичная дама на каблучках.

– Простите, – я не знал, на каком языке к ней обращаться.

– Да? – женщина явно была коренной американкой.

– Я разыскиваю хозяина этого дома. Вы не могли бы подсказать...

– Артур, – дама подозрительно посмотрела на меня. – Артур, к тебе пришли.

– Слушаю вас, – молодежавый, спортивного вида джентельмен выглянул на улицу.

– А... Извините, я ошибся. А где господин Фаритов?

– Вы имеете в виду русского, который у нас снимал дом?

– Да, вероятно, – я почувствовал себя круглым дураком.

– Он еще пару недель назад уехал. Видите-ли, мы провели несколько месяцев в Европе, а этот господин предложил неплохие деньги...

– Извините, – руки у меня начали дрожать. – Это какое-то недоразумение, извините еще раз.

Ну, вот и все. Так мне и надо. Все крупные современные состояния нажиты нечестным трудом. Ну и слава Богу, теперь я предоставлен только сам себе. – У меня начался приступ истерического смеха, и не прекращался минут сорок, пока я ехал по автостраде. Потом меня охватило отчаяние.

Я с трудом доехал домой, сел на кровать, и тупо уставился в пол. На улице светило солнце, там ездили машины, ходили студенты в шортах, цвели деревья. Через пару месяцев у меня закончатся все возможные и невозможные кредиты, и придется объявлять себя банкротом. Если доживу, не сопьюсь, не потеряю работу и не заболею. Тогда будет совсем хана.

Зачем я живу? Зачем цепляюсь за мучительное каждодневное существование, с трудом просыпаюсь по утрам, бреюсь затупившимся лезвием, разбираю конверты с бесконечными счетами, которых за неделю накапливается столько, что они не помещаются в маленькую плетеную корзинку, типа тех, с которыми когда-то ходили за грибами? Плоды жизни, эти отвратительные бумажки с фиолетовыми цифрами, накручивающие цифры будто сломавшийся счетчик такси. Минута, еще минута, и крутятся центы, отсчитывая доллары. Одна ночь, бессонная, прерываемая кошмарами, обходится в пятнадцать монет. День, проведенный на работе – еще в пятнадцать. За сутки набегает еще тридцать долларов за проценты, растраченные на проживание по кредиткам. Вечером мне хочется есть. Ботинок мой начал рваться по шву, машина, как назло, то и дело пугает меня не обещающим ничего хорошего скрежетом. Два раза в неделю я вынужден заправлять ее бензином. Финансы мои напоминают сорванный бачок унитаза, в который впадает ржавая струйка воды, тем

временем, как сквозь разорванную резиновую помпу несется бурный поток, исчезающий в канализации. Неужели жизнь моя закончена, отныне и навсегда?

Ну что же, завтра все-таки на работу. Так больше жить нельзя... Я стал бояться темноты и одиночества, нервы мои расстроены. Может быть плюнуть на все и вернуться в Россию? Уехать куда-нибудь в глухомань, поселиться в избушке... И приснились мне прохлада, звенящий осенний воздух с сиреневыми паутинками, лесная опушка, прелые осенние листья, торчащие из-под них чернушки...

Задребезжал телефон. Как-то гадко, нехорошо он звонил.

Звонки бывают разными. Мягкими, словно чуть-чуть сонными. Резкими, будто ругань начальства. Режущими слух, как нелепая история, рассказанная предающей тебя женщиной. Беззвучными, как те звонки, совершаемые уставшими служащими различных банков, задача которых – протараторить в течение тридцати секунд рекламу очередных жульнических услуг, и повесить трубку.

Этот звонок был неприятным. Я не знал, как описать это ощущение, но от пластиковой трубки распространялись липкие, фиолетового оттенка миазмы.

– Алло? – Я испуганно поднял трубку.

– Саша? – Заговорили со мной по-русски, это уже само по себе не предвещало ничего хорошего. Голос звонившего, судя по всему, довольно молодой, был мне незнаком.

– Да. – В горле у меня пересохло.

– Значит так. Мы с тобой, сука, долго разбираться не будем.

– Что? – От неожиданности я потерял дар речи.

– Что слышал. У тебя два выхода: или возвращаешь нам тридцать тысяч, или мы тебя уьем.

– Уьем? Какие тридцать тысяч? Чего? Кому? – прохрипел я.

– С тебя тридцать штук, так что гони долг, иначе тебе будет плохо.

– Да вы что, с ума сошли? Какой долг? Я ни у кого ничего...

– Меня не колышет. С тебя налог причитается.

– Какой налог?

– Отстегивать надо! Как хочешь, мы шутить не будем. Деньги – через неделю.

– Алло? Алло? – Руки мои похолодели, а легкие сдавило спазмом. Судя по ужасу, охватившему мое тело, казавшаяся столь заманчивой всего несколько минут назад мысль о смерти, отнюдь не устраивала мою слабую плоть. Напротив, побеление кожи сменилось резким ее покраснением, перешедшим в противную нервную дрожь.

– О Боже, да что же это за бред такой, – сна как не бывало. Я вскочил с

постели, метаясь по комнате, потом вспомнил, что если набрать специальный номер, то телефонная компания сообщит о том, кто мне звонил...

Куда же он делся, этот желтый, неподъемный телефонный справочник. Черт, где же эта страница? Все что угодно и на все случаи жизни. Первая помощь при укусе ядовитой змеи. Что делать, если вас изнасиловали. Куда обращаться при отравлении наркотиками. Все то же самое на китайском. На испанском. Ах, ну да, вот же оно: да здравствует цивилизация, телефонные компании. Так, звездочка, шесть, девять, три...

– Алло! Алло! Спасите наши души...

– Добро пожаловать в телефонную компанию. – Жизнерадостный и размеренный голос автоответчика не то успокоил, не то вывел меня из себя. – Сотрудники нашей компании всеми силами стремятся помочь вам в разрешении ваших проблем. Только в прошлом году намного возрос объем запросов по установке новых средств связи, улучшилось обслуживание абонентов...

– Ну скорей же ты, – зубы у меня стучали.

– Пожалуйста, прослушайте следующее сообщение и сделайте ваш выбор. Если ваша телефонная линия не работает, нажмите кнопку «один». Если на ваш номер поступают звонки, предназначенные посторонним людям, нажмите «два»... Если вы хотите сообщить о злоупотреблениях, несанкционированных счетах, либо звонках, совершенных с вашего номера, нажмите «три». Если на ваш телефонный адрес поступают звонки угрожающего содержания, нажмите «четыре»...

– Ну, наконец-то, – я нажал на кнопку.

– Пожалуйста, ждите. – Голос сменился на женский, и в трубке заиграла радостная, совершенно неуместная в подобной ситуации, музыка. Мелодия была знакомой, я слышал ее в детстве и в юности. Этими радостными, жизнеутверждающими и одновременно тревожными аккордами, начиналась в Брежневские времена, ровно в девять часов вечера программа «Время». Георгий Свиридов, или как его, незаметно проник на Американский континент, убеждая меня в справедливости теории конвергенции, раскритикованной советскими философами.

Я терпеливо ждал.

– Извините за задержку. Наша телефонная станция испытывает необычно высокий объем звонков от абонентов. Спасибо за вашу выдержку и терпение, еще немного, и наш оператор соединится с вами. – В трубке снова заиграла музыка.

– Время, вперед... Какой еще, к дьяволу, объем звонков в три утра! – чертыхнулся я, полностью потеряв ориентацию во времени и в пространстве.

– Вы не знаете, как расплатиться с долгами? – мужской голос произнес эту фразу неповторимым, проникновенным баритоном. – Обратитесь к финансовым специалистам фирмы «Маркс энд Кауфман». К вашим услугам будут предоставлены десятки профессиональных консультантов, которые...

О, Господи, Маркс был плодовит. Маркс и Спенсер, знаменитые европейские магазины. Теперь еще Маркс и Кауфман. Счастье какое-то, что не Каутский, а то бы совсем можно было сойти с ума.

В трубке щелкнуло.

– Наш оператор соединится с вами через несколько секунд. В целях повышения качества обслуживания, Ваш разговор может быть записан на пленку...

– Ну, ну... – я нетерпеливо заходил по комнате.

– Фирма «Маркс энд Кауфман» поможет вам расплатиться с долга...

В трубке что-то захрипело.

– Спасибо за звонок, – это был уже третий или четвертый автоответчик, на этот раз разговаривающий голосом пожилой, и явно недоброй женщины. – Наш офис закрыт. Мы работаем с понедельника по пятницу, с девяти утра до пяти тридцати вечера. Ваш звонок чрезвычайно важен для нас. Пожалуйста, перезвоните в рабочие часы. В случае экстренной необходимости, связанной с угрозой для жизни, звоните по телефону девять-один-один...

– Господа Бога Душу Мать! – выругался я в сердцах, услышав частые гудки.

В полицию, конечно, звонить было бесполезно, в лучшем случае надо мной бы просто посмеялись. Спать я уже не мог, куря сигарету за сигаретой и судорожно пытаюсь осмыслить происшедшее. Что за бред? А может быть, это – ошибка? Ну да, ошиблись номером. Впрочем, какова вероятность того, что в самом сердце Калифорнии мне вот так вот запросто позвонят, разговаривая на чистом русском языке, правильно назовут мое имя... А что? Жил же я в квартире, в которой до нас тоже жил русский, и тоже Саша? Да Сашей всяких в России было видимо-невидимо. Нет, все-таки, непохоже.

Хорошо. Кому-то захотелось надо мной подшутить. Кому и зачем? Неужели... – Я подумал о Ритином муже. – Элементарно, конечно, даже наверняка. Мы с ней поругались, она приехала домой, случилась семейная сцена, пошло-поехало... Сам виноват, когда я узнал, что она замужем, надо было сразу послать ее куда подальше. Слаб человек, вот она,

расплата за грехи... Нет, как-то уж слишком изощренно. При чем здесь деньги? Вызвал бы меня на дуэль, несмотря на то, что я его никогда в жизни не видел и видеть не хочу. Или, может быть, он решил взять меня на пушку: припугнуть, а заодно, кто знает, вдруг получится, и я деньги достану. Гадость какая. И черт меня угораздил влипнуть в эту историю...

Хотя, – я вспомнил про Макса, проданный дом, китайцев, черный кадиллак с погашенными фарами, Ивана Ренатовича, и тут испугался окончательно. – Черт! – Лоб мой покрылся холодным потом. – Наверняка, кто-то прознал про летающие тарелки, и вот вам результат... Налог, только не государству, а мафии. И что же я теперь буду делать? Денег у меня нет. И уже не будет. У друзей занять? Они сами все голодранцы, ну, может быть, пару тысяч наберу. И что дальше? Корабль мой идет ко дну. Прощайте друзья, перед дальней дорогой! Пусть перекатывающаяся валами стихия поглотит меня, я ничего уже не боюсь. Я бросаю вызов судьбе! Кто-то из нас двоих победит, причем фортуна явно не на моей стороне. Ну что же, – я поравнялся с зеркалом, увидел свои покрасневшие, надутые щеки, и стал смешон и противен самому себе.

– А, идите вы все к черту, я хочу спать!

На всякий случай проверив замок на входной двери, я положил на пол около кровати кухонный нож из нержавеющей стали с лазерной заточкой, и отключился.

Глава 10.

– Ну что, попал в переплет?

Я вздрогнул и проснулся.

– Да не хватайся ты за свой дурацкий ножичек. – Бабушка, раздраженно светясь, ходила по комнате.

– Ах, это опять ты мне снишься. Светящееся облако в юбке.

– Ну, не в штанах же, слава Богу! Я Маяковского всю жизнь терпеть не могла, приспособленца проклятого. А ты решил, что тебя убивать пришли? Стыдно. Посмотри, на кого ты похож!

– Ну вот, опять нотации начались. Нет, слушай, я очень рад тебя увидеть, но все-таки, честное слово, хватит меня воспитывать. Я же тебе говорил: я давно повзрослел, живу далеко, а тебя вообще нет. И спать хочется. Должен я хоть когда-нибудь, хоть немного отдохнуть, или нет?

– И ты называешь это отдыхом? Пьешь, прелюбодействуешь, валяешь дурака! Мало этого, так еще связался с какими-то бандитами.

– Пью я не так уж и много. А насчет чужой жены, так откуда же я знал, что она замужем, да и в конце концов, ее никто не принуждал. Мы же взрослые люди.

– Все равно! В наше время, да я бы со стыда умерла! И дед твой тоже, и прадед.

– Они и так умерли, как естественным, так и насильственным путем. И еще, пожалуйста. Не рассказывай мне, какие вы все были целомудренные и морально устойчивые. – Мне стало смешно. – Перечитай русских классиков, если у вас, там, конечно, есть библиотека.

– Есть у нас библиотека, не беспокойся. И неплохая. Ну да ладно, не будем об этом.

– Ну хорошо, хорошо, не обижайся. – Я, кажется, уел ее.

– Ты поддался судьбе и поплыл по течению. Все твои несчастья – от этого, жизнь не любит слабых, она мстит им.

– Опять нотации пошли. Ну и что ты мне теперь посоветуешь?

– Не знаю. Если бы я знала, сказала бы, уж поверь.

– Прелестно, – я зевнул. – Я ведь тоже вот так могу, сам с собой ругаться: Ах ты, такой-сякой, как тебе не стыдно. Придумай что-нибудь, возмись за ум. Не пей, не кури. А что толку? Что мне остается? Разве что, ограбить банк.

– Глупости какие! Немедленно прекрати!

– Прости. Я и сам не знаю, как мне теперь быть. Еще эти угрозы...

– А, не обращай внимания. Обойдется, скорее всего. Просто ты взрослеешь.

– Опять двадцать пять. Я для тебя, похоже, остаюсь ребенком. При чем здесь взросление?

– Ну, как тебе это объяснить... У тебя, в общем-то, до сих пор в жизни не было особенно сильного страха. А у каждого предыдущего поколения – был. Страх перед Богом, перед завоевателями, перед чумой. Нам вообще досталось за несколько поколений: то одна война, то другая, то свой собственный народ готов тебя распять и подвесить на фонарях, то немцы. А то и хуже: эти мерзавцы придут ночью, да мы же много лет не спали, прислушивались. Машина к подъезду подъедет, двигатель не глушат – все. За кем-то пришли. И гадаешь: за тобой, или нет. Прощаешься с мужем, целуешь детей. Молишься. На лестнице шага... Разве можно это сравнить с твоими переживаниями? Смешно, да и только.

– Я все понимаю. Но все-таки, мне не смешно.

– Упрямый, как баран... Ну ладно, Бог тебе судья. Мне-то уже пора, а то неприятности будут. – Бабушка помрачнела. – Ни здесь, ни там никакого покоя нет!

– Ну, теперь совсем тошно станет. Я-то думал, в крайнем случае, пришьют, или сигану с балкона, и – тишина. А там, получается, пионерский лагерь, или казарма. Увольнительные, дисциплинка, словом, приятнейшая перспектива. Вас там как, по звуку горна выстраивают? Взвейтесь кострами, какие-то там ночи, мы – пионеры, дети рабочих?

– А что делать... – Бабушка пожала плечами. – Жить в обществе, и быть свободным от общества – нельзя.

– У вас на том свете коммунизм? – С ужасом спросил я. – Нет, не отвечай. Не хочу.

– Ах... Да если бы это был коммунизм...

– Это ты о чем?

– Да ну тебя, пока сам на своей шкуре не испытаешь, все равно не поймешь...

– Нет уж, давай, раскалывайся, выдавай секреты.

– Нет, ты расстроишься. И потом, это – дико.

– Ну почему же, идея переселения душ мне была органически близка с самого детства. Это как у бабочек...

– Все бессмысленно, – бабушка тускнела на глазах. – Но всему свое время.

– Какая странная штука жизнь, – я приготовился к пространному философскому обобщению, но тут что-то будто толкнуло меня изнутри...

Я открыл глаза. Конечно же, никого в комнате не было. Вот ведь какие сны приснятся. Что она там говорила про страх? Недобрал я его, видимо. А вот аборигены живут себе, и ничего. Десять лет, двадцать, тридцать, сорок, и все те же асфальтовые автострады, океанский берег, тепло, девочки в купальниках, никаких тебе войн, самое страшное – раз в десять лет землетрясение. Или торнадо. Как в компенсацию за прочие удовольствия жизни в Калифорнии. А в какой-нибудь Миннесоте и землетрясений нет. Только, что зимой холодно.

И стало мне вдруг по-настоящему страшно. Из коридора пробивалась под дверь полоска желтого света, и что-то шуршало, казалось, я даже слышал раздающееся оттуда тяжелое дыхание. Ну да, там кто-то стоит, будь они все неладны. Тихо. Еще минуту, еще пять. И снова этот вздох. Или это сквозняк? И остается мне только положиться на судьбу... Вот уже светает, ездит вниз и вверх лифт, и, наконец, я засыпаю.

Из-за всех моих ночных переживаний я опоздал на работу. Такого со мной не случалось уже давно. Нет, никто не смотрел на часы, никто укоризненно не покачивал головой. Самое в этом неприятное, что с утра должен был я отчитываться перед начальником своего начальника. Не то, чтобы в этом отчете был какой-то глубокий смысл, все знали, что работу свою я делаю нормально, но правила есть правила. Каждый квартал, каждый работник, получающий зарплату от удовлетворенных клиентов, должен отчитаться и представить планы на то, как еще лучше и полнее всех удовлетворить.

Где же ты, Академия Наук. Куда делись вы, люди, бродящие в коридорах? Получающие скудную зарплату от разваливающегося государства. Работающие ради интереса. В Америке вы вымерли как класс. Страшный, звериный оскал капиталистического предпринимательства, причудливо скрестившийся с социалистическим способом ведения народного хозяйства, особенно в средних и крупных компаниях, уничтожил вас, как пролетариат уничтожил буржуазию. В результате, в последнем мировом оплоте науки и технологии, будущее создается в огромных, похожих на ангарах залах, разгороженных на сотни клетушек-кубиков, в которых душно зимой и холодно летом. Как в застоявшемся пруду, в кубиках вяло течет жизнь. Пытаясь глотнуть кислорода, устало шевелят жабрами пожилые, рыхлые караси с облезшими плавниками. Суется мальки, приехавшие из бесчисленных перенаселенных стран Азии. Кверху брюхом с отслаивающейся чешуей всплывают особи не выдержавшие гонки, а в проходах патрулируют остроносые щуки, презрительно скривив пасть и время от времени показывая окружающим свои острые зубы.

– В чем дело? Куда вы пропали?

Это мой начальник. Он находится в разряде старших окуньков. Родился во Вьетнаме, был мальком, постепенно подрос, сожрал нескольких нерасторопных карасиков, и приобрел полоски на спине и знаки отличия: красноватые плавнички. Я его хорошо изучил. « В чем дело» в действительности переводится «Какого дьявола!»

– Извините, машина сломалась.

– Вы должны были позвонить! В любом случае! Мы с Эдвардом прождали вас в кабинете почти полчаса.

Эдвард – из породы щук. Младших, которых в моей прошлой жизни называли щукариками. Чем старше щука, тем больше она, и, как известно, большие щуки зачастую сжирают маленьких. А уж об окуньках, даже старших, говорить нечего.

– Извините. Встала на светофоре, телефона рядом нет. Пока разобрался, звонил в страховку, – я судорожно придумывал алиби.

– Алекс, терпение администрации не безгранично. Мы знаем, что у вас возникли семейные проблемы. Но ваше поведение в последнее время...

– А в чем дело? – насторожился я. – Проект сдан вовремя, даже на несколько дней раньше.

– Дело в том, – окунек расправил жабры, которые внезапно приобрели ярко-красную расцветку. – На вас жалуются сотрудники. Вы ведете себя некорректно, даже приходите на работу в нетрезвом виде.

– Этого не может быть!

– Не хочу вас расстраивать, но на прошлой неделе в дирекцию поступила жалоба от весьма уважаемого работника нашей компании.

– Ерунда какая-то! Если у вас есть претензии ко мне...

– Нет, что Вы. Вы – очень ценный сотрудник. Но я вас прошу... – Желтые губки окунька посерели. – Начальство очень раздражено.

Мне стало противно. Работать не хотелось, я тупо посмотрел на переливающийся запутанными водопроводными трубами экран компьютера, пощелкал клавишами, потом разозлился, и демонстративно покинул свое рабочее место. Побродив между кубиками, я понял, что делать ничего не в состоянии, посвистывая вышел на улицу и позорно дезертировал.

– Возьму выходной, – утешал я себя. Жутко хотелось есть, я заехал в супермаркет, схватил жареного цыпленка в пластиковой коробке, но неудачи преследовали меня. Коробка предательски раскрылась, облив последние мои приличные брюки горячим жиром. Цыпленок вылетел на пол, подпрыгнул как мячик, будто совершая свой первый и одновременно последний в жизни полет, напоминая пируэты фигуристов на чемпионате мира, и, перевернувшись пару раз, замер навеки.

Проклиная все на свете, я вдруг испытал угрызения совести, и, проведя полчаса за рулем, вернулся на работу. Это решение, напомиравшее мне старые школьные годы, когда, удрав с урока, вдруг возвращаешься в пятиэтажное блочное здание и нарываешься на завуча, было в корне ошибочным. Будто повторяя унижения детства, я наткнулся на щуку-Эдварда, с поджатыми губами совершавшего обход кубиков.

– Как дела? – радостно-фальшиво приветствовал он меня.

– Спасибо, как у вас? – я протянул ему руку, ошпаренную роковым цыпленком.

– Как нельзя лучше... – хищник замялся, шевеля жабрами и в недоумении ощупывая свою ладонь. – Что это за странный запах? Курица?

– Извините, во время обеда... Неудачно... – не буду же я ему описывать, как жареная птица, вырвавшаяся из пластиковой упаковки, безрассудно исполнила половецкий танец смерти...

– Вы позволяете себе приходить на работу в таком виде.. – брюки мои оставляли желать лучшего.

– Извините...

– Да, да, конечно – он как-то странно посмотрел на меня.

Извещение об увольнении я обнаружил на своем столе на следующее же утро. Рядом с извещением недовольно переминалась с ноги на ногу начавшая увядать дама из отдела кадров, а в коридоре, с беспечным видом засунув руки в карманы, прогуливался охранник в серо-голубой рубашке.

– Распишитесь, – недовольно буркнула дама. – Здесь и вот здесь. И здесь. Ваш пропуск, – и она ловким движением вытащила у меня из потрепанную кармана пластиковую карточку, на которой физиономия моя была еще вполне жизнерадостной. – Сорок минут на сборы личных вещей, сотрудник отдела безопасности вам поможет.

– Как, что, почему? – Вопросы эти застряли у меня в горле, и я только и смог, что кисло улыбнуться проплывавшему мимо Эдварду, который приветливо, будто ничего не случилось, помахал мне рукой и радостно проскандировал привычное: «Как дела». Я что-то прохрипел в ответ, Эдвард с энтузиазмом ответил «Прекрасно», и исчез в коридоре. Несмотря на то, что к выходу меня сопровождал скучающий охранник, я совершенно не представлял себе, как жить дальше. «Мы пойдем другим путем» – навязчиво повторял картавый голос Ленина и хрипел, будто проигрывали в голове заезженную пластинку.

Глава 11.

Ну, вот и все. Я предоставлен сам себе, и могу остаться наедине со страхами. В моей ситуации сейчас – это самое паршивое из всего, что могло случиться. Деньги закончились, нервы расстроены, и каждый шорох за дверью, каждый телефонный звонок вызывает сердцебиение и противное онемение в области солнечного сплетения. Так, того глядишь, и неврастеником станешь. Работа, самая тупая и однообразная, в подобной ситуации все-таки отвлекает. С утра надо куда-то торопиться, с кем-то разговаривать... Да в прошлом это все, в прошлом.

Если серьезно, мне страшно. Особенно страшно засыпать, потому что сплю я обычно крепко. Сон подобен смерти, он сковывает нас своими цепями, успокаивает душу... Никогда еще я с такой пронзительной остротой не осознавал двусмысленность и потайную мудрость, вложенную в эти слова классиками русской и европейской литературы.

В который уже раз в своей жизни я ощущал себя униженным и раздавленным судьбой. Мне просто не везло. И надо же было влипнуть в эту гадостную историю. За что?

Надо что-то делать. Искать работу, например. – При мысли об этом у меня возникла зевота, и захотелось повеситься. Слишком хорошо представлял я себе, что за этим последует: бесконечные интервью, унижения, деловые встречи с попугаями в белых рубашках и, в лучшем случае, тесный кубик с экраном компьютера и тусклым освещением. Нет, на поиски работы у меня в конкретный исторический момент решительно не было никаких моральных сил.

Ну хорошо, сколько я могу прожить без денег? Месяц, пожалуй, протяну, пока очередные счета не подвалют. А, может быть, найти себе все-таки спокойную и простую работу, раскладывать овощи в супермаркете, например? Почему бы и нет, это – настоящий отдых для моих измочаленных нервов.

На что я гожусь? За время своей прошлой жизни я, пожалуй, понял только то, что окружающие меня ни хрена не понимают, а те немногие, которые все же обладают знанием, тщательно его скрывают и затуманивают, пользуясь репутацией гуру и безнаказанностью приближенных к божеству жрецов. Смешно... Взять бы, да и вывести всю эту шарашку на чистую воду. Написать книгу в стиле этой идиотской серии «Компьютеры для домохозяек» с отвратительным, скорчившим гримасу человечком на желтой обложке.

Черт побери, а в этом что-то есть!

Возбужденный, я вскочил с кровати. Я, все-таки, на что-то еще гожусь. Да, конечно. Все решено! Я напишу книгу. Простую книгу, в которой все будет понятно. Я объясню все тайны мадридского двора так, что они станут очевидными любому вьетнамскому эмигранту. Я...

О, горе мне, знание – сила. Прости, Господи, – мой мозг – это единственная, и, кажется, последняя моя возможность хоть что-нибудь заработать. Я знаю, это неправильно. Люди, работающие головой, никогда не становятся богатыми. Так было в Союзе Советских Социалистических Республик, в Европе, и даже в Америке. Так было и будет во веки веков. Это наши родители потеряли всякую историческую и нравственную ориентацию, пытаются дать нам образование.

Бедные вы наши, зачем? Гораздо выгоднее торговать куриным дерьмом, списанными пароходами, собранными на Тайване компьютерами. Давать деньги в долг, покупать землю. Неужели вас ничему не научила история человечества? Великие гении всех времен и народов были несчастны. Моцарта похоронили в общей могиле. Блок умер от недоедания. Бах закончил свою жизнь в нищете. Зато торговцы недвижимостью, предприниматели, жили и живут в свое удовольствие. И здесь, в Америке, все то же самое, так и должно быть. Да здравствует устойчивость человеческого общества и бытия!

А я, простите, все-таки попытаюсь показать вам кукиш. Маленький такой, выпущенный из ослабшего кулака. Пусть это сумасшествие, но, как говорится, считайте меня коммунистом. Вернее, считайте этот мой вызов последним писком умирающей цивилизации. Я буду делать то, что умею. Я не умею торговать. Стыдно... Не умею, и все тут. Не умею давать деньги в долг. Нет их у меня. Мне становится противно от деловых встреч с предпринимателями. Я ненавижу Макса, Ивана Ренатовича, не верю в летающие тарелки. Я навсегда испорчен исчезнувшим с лица земли социализмом, туда ему и дорога.

Итак... Святые угодники, архангел Гавриил, мой любимый преподаватель физики, ироничный и очкастый Владимир Александрович Рассушин, помогите мне! Поддержите меня в воздухе, дайте мне сил отвлечься от житейских невзгод.

Завтра мне впервые за много лет не надо идти на работу. Я все время вкалывал как ежик, не брал отпусков, делал по выходным что-то такое, как потом оказывалось, совершенно бессмысленное, делал, делал, делал. Ну что же, я оказался у разбитого корыта. Теперь настанет мое время, пусть две недели, пусть месяц, но я отдохну. Я буду работать по ночам, это же моя детская мечта. Ночами все затихает, даже автострада, а на небе появляются звезды. Как все ничтожно по сравнению с ними. Засыпать я буду под утро, игнорируя истерические крики птиц. Вставать около полудня, жарить яичницу на старенькой, прогоревшей сковородке. Это – если на яйца денег хватит, но не надо об этом думать. Я смогу прожить еще месяца полтора, по меньшей мере, если меня за это время не убьют.

Я – мыслю, следовательно, я – существую. Для счастья мне требуется совсем немного. Крыша над головой пока-что имеется. Сигарет осталось три пачки. И еще: нормальный кофе. Почему в Америке невозможно найти нормальный кофе? Даже нормальный кофе в зернах? Нет, возможно, но в очень специальных магазинах, а пилить сорок миль в один конец ради пакетика зерен мне не хочется. Край непуганных идиотов, ну что еще тут можно сказать... Придется съездить.

А прежде всего, мне нужен компьютер. Просто необходим. Иначе я никогда ничего не напишу. Как я завидую этим туповатым белокрысым школьникам, режущимся в смертельные схватки, которые разворачиваются на экране. Они даже не представляют себе, что если бы процентов десять тех средств, которые человечество тратит на оживление прыгающих на экране фигурок, направить на медицинские исследования, возможно, рак и СПИД были бы уже побеждены. Нет, куда там. Гораздо важнее удовлетворить присущий нам инстинкт разрушения.

И опять я устал. Поздно уже, фонари зажглись. Главы ненаписанной книги лезут в голову, не дают заснуть. Все просто, – уравнения выстраиваются в сознании и маршируют на игрушечном Бородинском поле, как бумажные солдатики. Ну конечно, если сократить вот этот член... Господи, как же они до сих пор этого не понимали. Или, предположим, качнем вот с этой стороны. Половинка усатого полковника с саблей сокращается, какая красота! И они меня уверяли, что нельзя разделить амплитудную и фазовую составляющие? Ерунда, полная и бездарная ерунда. Когда б вы знали, из какого сора...

И снова зазвонил телефон...

– Алло? – я еще был где-то далеко, воодушевленный своими маленькими научными открытиями.

– Ну чего, про должок не забыл? Смотри, в пятницу к тебе придем, а не то, извини...

– Кто, кто это говорит? – Голос мой осип.

– А какая, на хрен, разница. Ты, главное, не забывай, откуда ноги растут. В пятницу будь дома, с бабками и без дураков.

И запищал гудок, а я понял, что несмотря ни на что, я сейчас поеду покупать себе компьютер. Пахнувший свежей пластмассой убийца человеческого духа, неодушевленный аппарат, позволяющий рисовать на экране графики, решать дифференциальные уравнения и писать заушные тексты.

Я проснулся в одиннадцать утра, поехал в магазин, протянул кассиру очередную кредитную карточку, и вернулся домой с огромными картонными коробками и значительно возросшим долгом. В коробках лежало мое будущее. И, распаковав его, я начал работать.

Да здравствует изобретение человеческого гения: клавиатура, жужжащий ящик, и монитор, на котором строчка за строчкой возникает мое послание человечеству. Оно рождается из пустоты, секунду назад еще ничего не было, и, о чудо, вот уже сам собой образовался текст, в котором так легко узнать меня, мои страдания, мысли и бесчисленные опечатки. Ума не приложу, каким образом вкрадываются десятки ошибок в несколько страниц текста. Но этот мучительный процесс – впереди. Он только начинается, и я уже оказался в кювете.

Я сразу же сделал стратегическую ошибку, непростительную человеку моего возраста и житейского опыта: ваш покорный слуга начал писать предисловие, изливая потоки желчи, накопившиеся в нем за последние месяцы. Проведя за этим занятием пару часов, я обнаружил, что предисловие растянулось на десять страниц, и напоминает жалобу старого склочника в Контрольную Комиссию ЦК КПСС. Пришлось безжалостно стереть многочисленные лирические отступления, и я почувствовал, что устал и позорно хочу есть.

– Ну, ничего, дальше пойдет как по-маслу, – утешал я себя, толкая перед собой тележку в супермаркете. Хлеб сегодня дорогой, зараза. Мясо и того хуже. А, черт с ним, все равно живу в долг. Мозгу необходимо питание.

Вернувшись домой, я бросил обрезки говядины на сковородку, обильно посыпав их перцем, и, даже не дождавшись, пока они прожарятся, накинулся на адскую, шипящую смесь, насытился и через несколько минут почувствовал, что хочу спать.

Момент был критическим. Если я сдамся сейчас, засну, не начав писать первую, самую сложную главу, все мои последующие замыслы пойдут прахом.

Глава упорно не желала начинаться. В десятый раз перечитывал я предисловие, все более убеждаясь в собственной бездарности. И, каюсь, заснул. Во сне все вырисовалось передо мной с чрезвычайной ясностью. Барьеры были сняты. Все очень просто, даже очевидно. Люди не понимают, или не задумываются над очевидными вещами. Итак: – Я проснулся, кинулся к клавиатуре и радостно отступил параграф.

И полилось, и покатилося, само собой, безо всякого усилия. Картинки и графики, дайте мне рычаг, и я переверну Землю! Поле распространяется в пространстве, где мой курс электричества Калашникова? Какой он был симпатичный и интеллигентный человек, мне довелось слушать его лекции, работать с ним, даже хоронить его в актовом зале нашего института. Господи, законы твои незамысловаты, по крайней мере, их внешняя оболочка. Если осознать то, что усвоено на лекциях в полукруглой аудитории, в которой деревянные скамьи изрезаны античными иероглифами, символизирующими взаимоотношения полов, значит удастся выжить в этом мире.

Глава была закончена, я с легким ужасом посмотрел на двадцать полновесных страниц и скопировал творение рук моих на диск...

Ах, какой прекрасной была эта неделя. Я спал, когда мне хотелось, вставал иногда днем, как маньяк подходил к своему, с жуткой скоростью начинающему устаревать компьютеру, и писал, писал. Дня через два мне пришлось вылезти за пропитанием в магазин. Меня тогда поразил яркий солнечный свет, режущий глаза, и зеленая листва, распустившаяся на деревьях.

К концу недели были написаны три главы. Они являли неблагодарному человечеству маленький шедевр. И навалилась роковая пятница. Проснувшись в три часа ночи, я почему-то подумал, что если меня убьют – будет обидно.

Я сидел около телефона, напряженный как струна, и обдумывал, что скажу им, какое вселенское презрение я вложу в свои, давно заготовленные слова. Телефон молчал. А, может быть, они придут, позвонят в дверь, и, поняв, что денег нет, застрелят меня? Главное, чтобы не мучили, не резали тело ножом, это, должно быть, очень страшно. Мне кажется, что

если я осознаю, что через секунду это гадкое лезвие воткнется мне в сердце, в живот, перережет горло, я просто сойду с ума...

И телефон все-таки зазвонил.

– Алло? – Я вздрогнул. На улице уже светило солнце, видимо, я заснул в кресле.

– Папа? – Это звонил мой сын.

– Да, малыш, что?

– Почему ты не приехал? Я тебя жду. Мама уже ругается. Ты же обещал пойти со мной сегодня в зал игровых автоматов.

– Какие еще игровые автоматы, – рассердился я. – Ты о чем?

– Сегодня же суббота. Ты меня всегда по субботам забираешь, ты что, забыл?

– Как это, суббота? – Я ничего не понимал.

– Сейчас, я маму позову, – в трубке зашуршало.

– погоди, – я в недоумении посмотрел на часы.

– Ты что же, совсем совесть потерял? Ребенок тебя с утра ждет, нервничает, около окна стоит, канючит, идиот: «Папа, папочка.» А папашка его дрыхнет с похмелья!

Как я был рад услышать этот истерический голос. Сейчас начнется: я переехал ее паровым катком, уничтожил, сломал всю жизнь... Просто праздник какой-то...

– погоди, сегодня же пятница.

– Так... Совсем мозги пропил? Уже дни недели перепутал? Приезжай немедленно, я тебя ждать не собираюсь!

– Сейчас, уже выхожу, – пьянящее счастье овладело мной. – Буду, через двадцать минут.

– И чтобы без проволочек. И если ты не появишься через...

– Появлюсь, – я бросил трубку.

Ах, как я был нежен в этот день, непутевый мой малыш. Предчувствие вселенских катастроф заставляет забыть невзгоды, нищету, обреченность. Ты три часа играл на игровых автоматах, это обошлось мне в пятнадцать долларов и вызвало легкое нервное расстройство, неизбежно сопровождающее любого нормального человека при посещении подобного заведения.. Вы скажете, что я меркантилен. Нет, Боже упаси. Просто мне становится плохо от запаха пота, горелой кукурузы, и от мигающих разноцветными огоньками игровых автоматов.

Потом мы пошли в кино, такого маразма я не видел уже давно, но тебе, почему-то, происходящее на экране нравилось. Выйдя из темного зала кинотеатра, ты захотел есть. И я тоже был голоден. Мак-Дональдс, суррогат местной жизни, сдобренный ядовитым кетчупом. В который раз я сделал эту ошибку. После съедения этого символа Американской цивилизации, у меня начинаются жесточайшая отрыжка и икота. Будто, проведя всю свою юность в синагогах, проглотил католическую облатку. И Господь, хрен его разберет чей и какой, покарал тебя за вероотступничество.

Кстати, интересно, как поступал Боженька с католиками и протестантами, гугенотами и православными, лютеранами и пацифистами? Или, скажем, крестовые походы, они, вроде бы, были задуманы для его прославления, а закончились вселенским бардаком.

Ну вот, ребенок, уставший, и, под конец заснувший на заднем сидении моего Фордика, сдан законной мамаше. Я возвращаюсь в свою каморку.

Глава 12.

Ах, опять звонит этот телефон. Который час? Три утра. Черт возьми, – я потянулся к трубке, уронив ее спросонья.

– Ну что, заждался небось. Слышишь меня?

О Боги! Опять этот голос.

Страх мгновенно возвращается ко мне, пронизывает все тело. Это мне только казалось, что он был придуманным, что этот звонок мне приснился, – я даже ущипнул себя за руку, чтобы убедиться, в том, что не сплю.

– Ну, я надеюсь, ты деньги приготовил. Они же не дороже тебе собственной жизни?

– А... Конечно нет. Презренные бумажки. – Я неожиданно почувствовал спокойствие.

– Вот и прекрасно. Значит тридцать тысяч, наличными, и без дураков. Мы запоздали немного, уж извини. Один клиент попался несговорчивый.

– Да не за что, ребята, запоздали и будет... Вы бы еще немного отдохнули, чего там.

– Пришлось его, понимаешь, пытаться. – мой собеседник зевнул. – Ненавижу это занятие, но что делать. Омерзительное зрелище. Не для слабаков...

– Угу. – Я почувствовал, что в животе у меня противно екнуло. – Только слушайте, мужики, денег у меня нет, я их в глаза не видел.

– Какой ты все-таки неразумный чувак. Ну зачем тебе это надо? Слушай, давай по хорошему, и безо всей этой херни, ладно? Обещаешь? Не жадничай. У меня голова пухнет, мне что, больше всех надо?

– Ну, я не знаю, – я растерялся. – Но...

– Никаких но! И не вздумай никому ничего рассказывать. Иначе тебе крышка, даже если деньги вернешь. Ты меня пойми правильно, мне-то до фени, не мои деньги. Работа у меня такая, понимаешь? Ну, будет, я чего-то устал сегодня. Значит понял?

Понял, – вздохнул я.

– Ну вот и договорились. Деньги приготовь, мы заедем, заберем и дело в шляпе. Может быть, на следующей неделе. У нас еще один козел на очереди. Разберемся с ним, и сразу к тебе.

О, Господи! Разве могу я заснуть после такого звонка? Нет, только и остается, что выпить кофе и работать, работать и ... Опять-таки, работать, потому что учиться мне надоело. А я еще ничтоже сумняшеся смущался, что обругал авторитеты? Да пошли вы к чертовой, если большего не сказать, матери. О чем там эта следующая глава? Страница за страницей, вот глава и готова. Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Ну и врезал я им всем. Теперь меня уже точно никуда на работу не возьмут... Ба, да на улице уже полдень, – я отодвинул плотную занавеску и прищурился от яркого солнечного света. Все, спать хочу...

Заснешь тут, как же... Что же я делаю, иду на поводу судьбы, как агнец на заклание. Нет, я в корне неправ. Я позвоню в телефонную компанию, я должен узнать, кто звонит мне ночами. Я – круглый дурак, коробочка, определяющая номер, стоит всего двадцать долларов. Правда, номер можно и заблокировать, ну что же, для этого и существует тот самый отдел, в который я так и не дозвонился неделю назад.

Номер был занят, раз за разом, я набирал его, и, наконец, прорвался через многочисленные сообщения автоответчиков.

– Бюро по угрожающим и несанкционированным звонкам, – устало сообщил мне женский голос. – Чем мы можем вам помочь?

-Мне поступают звонки угрожающего содержания... Я бы хотел определить номер, с которого мне звонят.

- Мы можем установить специальную аппаратуру, но только после разрешения из полиции. Вам уже присвоили номер уголовного дела ?

- Нет еще.

- Заведите дело, и после этого обращайтесь к нам.

- Алло? – в трубке раздались гудки.

Ну хорошо, в полицию, так в полицию. Моя милиция меня бережет.

Открыв телефонный справочник, я нашел номер ближайшего к моему месту жительства отделения.

- Добро пожаловать! – бодрый голос автоответчика не предвещал ничего хорошего. – Вы соединились с отделением полиции города Пало Альто. Наш город предлагает свои услуги туристам. В субботу вечером в ресторане «У трех Пальм» состоится концерт Элтона Джона. Билеты стоят восемьсот долларов, причем половина этой суммы пойдет в фонд помощи обездоленным детям черных кварталов. Если вы хотите заказать билет, пожалуйста приготовьте вашу кредитную карточку и нажмите «ноль»... Если вы желаете связаться с полицейским отделением, ждите ответа...

- Жду, жду, – ругнулся я. Я любил сэра Элтона Джона, но не в таких обстоятельствах, и не за такие деньги. В трубке захрипело и надрывно закашляло, как будто кто-то умирал от чохотки.

- Пожалуйста, прослушайте и выберите подходящий вам номер. Если на вас совершено нападение с целью убийства или насилия, с применением огнестрельного оружия, нажмите или скажите «один». Если на вас совершено нападение с целью убийства или насилия, с применением холодного оружия, нажмите или скажите «два». Если на вас совершено нападение с целью ограбления с применением огнестрельного оружия, нажмите или скажите «три». Если на вас...

- Ууууу – завыл я, смеясь, и почему-то вслед за этим заплакал, вернее зарыдал. Мне стало обидно и за человечество, и за державу, и за всех тех, кого грабили, убивали и насиловали одновременно.

- Если вы хотите сообщить о нарушении правопорядка или автодорожном происшествии, нажмите или скажите «девять». Если вы хотите прослушать это сообщение еще раз, нажмите или скажите «ноль».

Меня грабили, хотели убить. Скорее всего, меня насиловали, и, осознав это прискорбное обстоятельство, я нажал на кнопку «один».

- Спасибо за ваш выбор... Ввиду большого количества звонков, мы не можем ответить вам немедленно. Мы понимаем ситуацию и сочувствуем вам. Ваш звонок очень важен для нас...

- Ааааа.. – я зарыдал, не в силах сдержаться. – А если бы меня действительно убивали? Конечно, остается еще «Телефон полиции 911», они работают быстрее...

- Алло? – задержка в отделении полиции была все-таки недолгой, трех минут не прошло.

- Вы знаете, меня хотят убить. Тут сложная история.

- Я не поняла, – девушка мгновенно начала раздражаться. – Вас хотят убить, или убивают?

- Если бы меня убивали, то успели бы десять раз, пока я до вас дозвонился.

- Так зачем же вы звоните? Не задерживайте нас.

Господи, наверное я все-таки сошел с ума. Или, быть может, эта девушка обладает тонким чувством юмора, присущим британцам, пронизательностью Шерлока Холмса, и,

вычислив мою ситуацию, ожидает вежливого смешка, столь уместного в кругу джентельменов. Я так и сделал, но смешок получился нервным.

– Я бы на вашем месте не смеялась, у меня уже четыре звонка в очереди. Вас хотят убить? Откуда вы звоните?

Нет, я ошибся. И поделом мне. Такова будничная реальность этих телефонных ангелов, никаких шуток. Пациент или жив, или мертв...

– Нет, меня не сейчас убивают, еще не убивают, мне угрожают.

– Так бы сразу и сказали, соединяю с отделом угроз...

– Хэлло, – на этот раз мне отвечал мужчина, и голос его излучал оптимизм. – Как дела?

Я всегда теряюсь, когда американцы спрашивают меня о делах. «О Кей,» – отвечаю я. – «Никогда не было лучше». – это еще один стандартный, оптимистичный вариант, совершенно ничего не означающий.

– Прекрасно, – по инерции ответил я. – Меня хотят убить.

– Замечательно! Чем могу помочь?

– Меня хотят убить. – Я смутился.

– Потрясающе! – жизнерадостный мой собеседник внушал оптимизм. – И давно?

– Ну, – я замялся, – примерно с неделю.

– Удивительно! – ваше имя.

– Да, да, – Ты, как Том, Эй как Алекс...

– Записал. Ваш адрес?

– Улица Форда... Как автомобиль, – Я смутился.

– Прекрасно!

– Ну, и что же я теперь должен делать?

– Расслабьтесь, но будьте осторожны. Мы сделать ничего не можем, по крайней мере, пока вас не убьют.

– Меня это не устраивает! Послушайте, вы полиция, или нет? В конце концов, я плачу почти что сорок процентов от своей зарплаты налоговой ведомству. Меня хотят убить, вы понимаете или нет?

– Мистер, вам присвоен идентификационный номер, запомните его: один один три, шестнадцать, восемнадцать, восемьдесят пять. Желаем успеха.

– А, будь ты проклят, – я еще раз набрал номер телефонной компании. Номер был занят, я набирал его снова и снова, впрочем, без особого успеха.

О, Господи. До чего же я, оказывается, наивен. Я-то думал, что если полицейский патруль обязательно поймает тебя при любом, даже самом невинном превышении скорости, это автоматически означает, что мы проживаем в правовом обществе и государстве. А все на самом деле совсем не так. Похоже, и я убеждаюсь в этой истине все больше, я нахожусь на диком западе. Да, стоит вспомнить фильмы про индейцев и ковбоев, перестрелки и грабежи почтовых поездов. Каждый сам за себя, – так говорил шакал Табаки в сказке про Маугли. И, как это не грустно, я тоже должен быть «сам за себя».

Денег у меня, конечно, нет, но я еще на что-то способен. Самое страшное в моем положении – это спать. Человек спящий – человек беспомощный. А сплю я крепко, не слышу ничего, и меня можно брать голыми руками.

Проведя пару бессонных ночей, прислушиваясь к звукам лифта, и вскакивая при каждом шорохе, я понял, что больше так не могу.

Зря я, что-ли, живу в центре электронной цивилизации? В огромном, уходящем за горизонт магазине, я нашел наконец стеллаж с системами охраны жилища. Два датчика. Один на входную дверь, один на балкон. Кто знает, быть может мои потенциальные убийцы

по совместительству освоили скалолазание. Два детектора движения. Пульт с антенной. Если охрана срабатывает, коробочка эта начинает голосить таким диким голосом, что и мертвец проснется.

Работала система прекрасно, мне, правда, пришлось потратить целый день на изучение инструкции. Инструкция не помогла, и, разозлившись, я разорвал ее на мелкие клочки и выбросил в мусор. Я всегда поступал так с техническими руководствами, программами телевидения, картами местности и банковскими счетами. С точки зрения аборигенов, это было преступлением и безусловным подтверждением моего безумия.

Ну что же, пусть я безумен, но я не могу заставить себя прочесть написанную кретинами книжечку с бездарными картинками на испанском языке. Инструкция эта часто не только не переведена на английский, но и сами картинки иногда не имеют вообще ничего общего с товаром, к которому эта книжечка прилагается. Левая и правая сторона перепутаны, винтиков в пластиковом пакете не хватает, словом – если хотите остаться в здравом уме и рассудке, никогда не пользуйтесь инструкциями!

Памятуя об этом правиле, я прибегнул к экспериментированию, основанному на здравом смысле и осознании неизбежно-ограниченных умственных способностей инженеров фирмы с неповторимо-Британским названием «Мой дом – моя крепость». Фирма эта располагалась в Индонезии.

Всего через полчаса моя студия была защищена от любых посягательств. Да здравствуют Британцы! При появлении в поле зрения датчика тепловизионного тела, при открывании двери, у меня под ухом истошно голосила сирена и мигала лампочка. Более того, черная коробочка, заведующая всеми этими датчиками, звонила на любой телефонный номер, например – в полицию.

Вообще, эти электронные магазины – сплошной грабеж. Например, внимание мое привлекла замечательная машинка, предназначенная для записи телефонных разговоров. Поднимаешь трубку – кассета начинает крутиться. Пришлось потратить сорок баксов. И еще я купил совершенно не приспособленную для целей самообороны систему, состоящую из маленькой камеры и телевизора. Первоначально эта замечательная камера предназначалась для наблюдения за спящим младенцем, но, как известно, цель оправдывает средства...

До полуночи я приделывал всяческие датчики, и, чертыхаясь, прокладывал удлинители к электрическим розеткам. Светился черно-белый экран телевизора, бледно-зеленый индикатор мобильного телефона, красные лампочки охранного пульта...

Почувствовав себя в относительной безопасности, я задремал, но моя замечательная система вдруг сработала. Загудела сирена, замигала мне в глаза лампа и я, безобразно нагой, вскочил с постели, судорожно соображая, что же делать дальше. Кухонный нож лежал у изголовья, вооружившись им и недопитой бутылкой пива, я осторожно приблизился к двери.

На экране маленького телевизора топталась толстая девица с какими-то бумажками, зажатыми в руках. В недоумении я приоткрыл дверь.

– Подайте христианской церкви адвентистов... А!! – У девушки были рыжие веснушки, и она с ужасом смотрела на... Каюсь, сквозь дверную щель был виден не только длинный нож, но и некоторые физиологические особенности, свидетельствующие о моей принадлежности к мужскому полу.

– Я – иудей. – Злобная, обычно не свойственная мне ненависть захлестнула меня с головы до ног. – Я пью кровь христианских младенцев. К тому же, я буддист, гомосексуалист, и одновременно – маньяк. И если кто-нибудь еще раз разбудит меня ночью, я выгоню торговцев из храма, и вообще, устрою пролетарскую революцию. А ты, ржеволосяя, тупая девка, будешь гореть в адском огне! – Я кровожадно оскалился.

– Мапочка! – На чистом английском языке всхлипнула девица, и кинулась к лифту.

– Религия – опиум для народа! Работа – проклятие пьющего класса, – из хулиганства продолжил я, вспомнив этот нехитрый капиталистическо-марксистский лозунг, выгравированный на стене одного из местных ресторанов.

– Уууу, – послышалось из коридора, и мне стало неловко за собственную грубость.

И понял я, что все это чепуха. Все эти хлебные ножи, хитроумные системы охраны. Мне необходимо оружие, настоящее, смертельное, позволяющее хоть как-то постоять за себя. Вот и дожились, в благополучной Калифорнии, вдали от родины...

Да здравствует дикий Запад! Да здравствуют члены лиги в поддержку оружия. Граждане имеют право на самооборону, особенно, принимая во внимание шустрость полиции. Каждому – по пистолету, автоматической винтовке. Готов к труду и обороне, – этот призыв как нельзя более подходит к нашей жизни. ГТО. Что тут еще можно сказать...

Мрачный магазин, содрогающийся от пулеметных очередей примыкал к тиру, в котором за умеренную плату тренировались в стрельбе боевыми патронами патриоты американского образа жизни. Магазин этот был расположен в двухстах метрах от штаб-квартиры знаменитой компании, выпускающей процессоры для персональных компьютеров. Словно в качестве напоминания об этом факте современности, в очереди передо мной стоял пожилой, худощавый мужчина с нервным выражением лица. В правой руке его находился длинноствольный кольт, которым господин этот то и дело производил действия, напоминающие игру в русскую рулетку, а в левой зажата была книжка в глянцевой обложке с тревожным названием «Выживают только параноики». Прочтя название этой книжки, я почувствовал себя неуютно, но, тут же прочел шрифт помельче, убедившись, что книжку эту написал основатель и президент той самой знаменитой компании, и как-то сам-собой успокоился.

Я никогда не перестану поражаться профессиональной памяти иных торговцев. Даже торговцев оружием. Сонный, рыжеватый парень выстрелил своими зелеными глазами в мою сторону и помахал мне рукой, как старому и хорошему приятелю.

– Кого я вижу! Я же тебе говорил в прошлом году, что ты еще к нам вернешься. У меня глаз наметанный.

– И вы не ошиблись, – я себя чувствовал неловко. – Вы что, действительно меня запомнили?

– Конечно, ты купил спортивный револьвер с холостыми патронами. Ты – русский, правильно?

– Черт побери, – я с восхищением посмотрел на продавца.

– Мы должны защищать себя и нормальных людей, верно? Если не мы, то кто же? Вот тебе анкета, номер водительского удостоверения, адрес. Нужно еще подтверждение того, что ты прожил в Калифорнии три месяца – счета за свет и за телефон. Принесешь их через две недели. Раньше все равно продать ничего не смогу – таковы правила.

– Как, целых две недели? – Я пришел в ужас. – Почему?

– Твои бумажки пойдут в полицию, обычная бюрократия. Если за две недели они на тебя не найдут компромата, покупай что хочешь, и будь счастлив... Да, кстати, экзамен придется сдать. Ты когда-нибудь стрелял из боевого оружия?

– Даже автомат Калашникова с закрытыми глазами собирал.

– Тогда с тобой проблем не будет. Вот тебе список вопросов. Если несовершеннолетний ребенок нашел заряженный револьвер, что нужно сделать?

– Не понял?

– Чего тут понимать? У тебя всего три варианта ответов: Предложить ему выстрелить в воздух, выстрелить в соседскую собаку, или попытаться уговорить положить оружие на землю, отойти от него на три фута, и вызвать полицию.

– Попытаться уговорить... – сделал я свой выбор.

– Правильно... Теперь ответь на следующий вопрос: тебя останавливает полицейский. Твои действия: выхватить пистолет, направив его на офицера, но не сняв предохранитель, снять предохранитель и принять угрожающий вид, либо поднять руки, ...

– Поднять руки! – В правильности своего ответа я был уверен..

– Поздравляю. Экзамен на право ношения огнестрельного оружия сдан, с тебя двадцать пять долларов.

– А по кредитке можно заплатить?

– Конечно. Рекомендую последнюю модель автоматической винтовки с оптическим прицелом. Потрясающая машина. Бьет издалека, точно...

– Мне бы чего-нибудь поменьше.

– Как и год назад, рекомендую «Беретту». Чудо техники, прекрасный баланс.

– Ага, – я неуверенно разглядывал металлические поверхности пистолетов, скрытые стеклянной витриной. – А сколько это чудо техники стоит?

– У нас сейчас распродажа, для тебя – восемьсот.

– Восемьсот... долларов? – Я ужаснулся.

– Ну, не рублей же...

– Нет, я не могу. Не хочу.

– Ну хорошо, сколько ты готов потратить?

– Я толком не знаю. Ну, положим, сто. Сто пятьдесят.

– Не смей меня! За эти деньги иы сможешь купить только пистолет Макарова. Ты вспомнишь о своем скупидомстве, когда в дверь твоей квартиры постучится убийца.

Провидцем, знатоком человеческих душ и экстрасенсом был этот парень. От слов его мне стало не по себе.

– Ну хорошо, самое дешевое и надежное. Посоветуйте.

– Смит и Вессон. Револьвер. Тридцать восьмого калибра. Принят на вооружение в полиции. Простейшая и надежная конструкция. Убойная сила. -----Триста долларов.

– Беру... Беру!

Мог ли я подумать, сидя на занятиях по начальной военной подготовке и посмеиваясь над нашим лысым военруком, что спустя много лет все так закончится? Чудны и неисповедимы пути Господни!

Я знаю только одно: я постою за себя. Пусть это смешно, нелепо, напыщенно, мне наплевать. Не делай другому того, чего не пожелаешь себе. Вы этого наверняка не ожидали, неизвестные мне сборщики податей. Ну что же, добро пожаловать! Заряженный револьвер лежит у изголовья постели. План действий давно уже созрел у меня в голове: револьвер справа, патроны в ящичке, бросок на пол, за книжной полкой ни хрена не видно, но коридор простреливается отменно. К тому же, датчик движения автоматически включает свет, бьющий прямо в лицо вошедшему. Я тренируюсь ночами, вскакивая с кровати при подозрительном скрипе в коридоре, упирая руку об полку, и целясь в дверной проем.

Господи, дай мне мудрости не пристрелить какую-нибудь очередную дуру, собирающую деньги в пользу голодающих, на новую рясу местного религиозного деятеля, или в защиту малолетних преступников. Все-таки, Америка – неплохая страна. Только дикая немножко. По крайней мере, закон на моей стороне. Если я пристрелю кого-нибудь, просочившегося на территорию моей комнатухи против моего желания, меня, скорее всего, оправдают. Единственная проблема – я не имею права носить заряженное оружие. В багажнике и разряженное – это пожалуйста.

Наиболее уязвим я на улице. На парковке. За рулем автомобиля. Ну что же, я спускаюсь в гараж, держа палец на курке. И только когда убеждаюсь в том, что меня никто не ждет, разряжаю револьвер.

На обратном пути я виляю туда и сюда, тщательно выискивая в зеркальце заднего вида подозрительные машины. Перед приездом домой, каждый раз в другом месте: в соседнем переулке, на парковке около магазина, у прачечной, я вдруг лезу в багажник и со скучающим видом произвожу наполнение револьвера пулями. Домой! Домой! Щелкает охрана, я еще некоторое время держу револьвер на вытянутой руке, потом опускаю дуло и понимаю, что остался жить.

Быть может, все это глупо, но я уверен, что братки-мытари не ожидают, что их жертва готова к обороне. Пусть это окажется для них приятным сюрпризом. Конечно, если они вдруг окажутся профессионалами, мне скорее всего придется плохо. Хотя, куда там, девять шансов из десяти, что мои преследователи не отличаются профессионализмом, а тем более, глубиной интеллекта, и, следовательно, у меня есть неплохой шанс на выживание.

Выживают только параноики... Как это ни грустно. Ну все-таки, ребята, вы меня, по большому счету, все-таки недооцениваете. Я, хотя и типичный гнилой и даже перегнивший интеллигент, но все-таки на своей шкуре знаю, как чувствует себя человек, когда с неба падают ракеты. Я знаю, на что похож звук осколка, пробивающего потолок, и как хрустят под ногами оконные стекла, выбитые ударной волной. Я знаю, что думают люди, ожидающие невидимых газов или бактерий, вползающих в комнату через щель под дверью, через вентиляцию. Я знаю, как это ощущается холодной полоской где-то между спиной и животом, когда в тебя стреляют. В долгу не останусь, не на того напали.

Грустно все это. Господи, как же я всю жизнь ненавидел оружие! Не дай мне им воспользоваться, прошу тебя! Пусть мои преследователи умрут мирным путем, по пьяни вывернув машину на встречную полосу, или наглотавшись неправильных таблеток. А я обещаю тебе, что, как умею, обязательно помолюсь за их души.

Глава 13.

Никогда не привыкну к утренним телефонным звонкам! Все мои неприятности в последние месяцы происходят от телефона. Быть может, его лучше просто отключать во избежание истощения нервной системы? Ну, ничего, замечательная система автоматической записи телефонных разговоров готова к действию. Стоит только снять трубку, с утра, вечером, ночью, как начинает крутиться кассета. Контора – пишет.

– Хэлло, как дела?... – Голос гаденький, но принадлежит аборигену. Я облегченно вздыхаю: от аборигенов, за редким исключением, гадостей ожидать не приходится. Первая, самая страшная и жестокая фаза накопления капитала, у них закончилась лет сто назад. Вслед за ней начались углубляющиеся и усиливающиеся общие кризисы капитализма, примерно как схватки у беременной женщины. И, вместо ребенка, наружу выглядывает... Правильно. Мурло мещанина. Нет, никогда мне, видимо, не избавиться от тяжелого наследия прошлого.

– Прекрасно, – с отвращением вздыхаю я. Они мне осточертели, эти кредитные компании, банки, агенты по продаже недвижимости, пылесосов, круизов на Багамы. – Я очень занят, всего доброго.

– Подождите. Вы наверняка не знаете, какие выгодные условия...

– О вашей программе я прекрасно осведомлен. Но не хочу. Извините.

Сейчас начнется: Спасибо за ваше участие. Если будут какие-либо вопросы, позвоните по телефону...

– Какой программе? – мой собеседник растерялся, и я понял, что инстинкт подвел меня.

– Ну как же, какой у вас там процент по кредиту? Он для меня слишком высок! – Это я огрызнулся. Если на всех этих агентов не рывкнуть после первых же фраз, они не отстанут уже никогда. Благодаря своей мягкости, я был против желания подписан на бесконечные программы страховок, попал в клуб добровольных помощников пожарной дружины и даже в общество защиты животных, используемых для лабораторных опытов. Каждое из этих обществ умудрялось требовать с меня от двадцати до пятидесяти долларов. Они были настолько навязчивыми, что отдать деньги оказывалось гораздо более простым делом, чем отбиться от их домогательств.

– У нас высокий процент, – смутился мой собеседник.

– Послушайте, что я вам скажу. Если предложите пять с половиной процентов кредита, перевожу на вашу карточку... – я на секунду задумался. – Ну, тридцать тысяч для начала вас устроит?

– Тридцать? Нет, это слишком много.

– Всего доброго, – я приготовился повесить трубку.

– Нет, вы меня не поняли. Девяносто семь процентов моих клиентов находят работу с повышением оклада на десять-пятнадцать процентов. Это – не учитывая акций и ежегодных премий.

– Не надо ничего повышать на десять процентов, – я еще наполовину спал, но каким-то краешком сознания уже начинал понимать, что происходящее несколько нарушает мои устоявшиеся стереотипы американского образа жизни.

– Тридцать тысяч обещать не могу, но о восьми-десяти можем разговаривать ... – голос в телефонной трубке подернулся каким-то бархатистым оттенком. – Даже о двенадцати с половиной... – в трубке всхлипнуло, потом громко чихнуло.

– Будьте здоровы! – По-английски это звучало втройне фальшиво, Да благословит тебя Господь... – Погодите, – я все-таки проснулся. – О чем идет речь?

– Алекс, ну как же... Би- Си- Бай – прекрасная, агрессивная, растущая корпорация. Ей нужен приток новой крови, свежая струя, так сказать. Вы ведь хороший специалист, мы про вас все знаем.

– Да откуда вы узнали, что я больше не работаю?

– Новости в нашей долине распространяются быстро... Итак, вас интересует предложение? Зарплату повышают на пятнадцать процентов. Премия за переход к нам – восемь тысяч долларов.

– Угх, – задохнулся я на секунду, вычислив, что после выплат налогов и алиментов, мне достанется примерно треть, если не четверть от этой суммы. Ну что же, это почти что два месяца жизни.

– Я понимаю... Ничего пока обещать не могу, но думаю, что для вас дотянем премию до... – он начал что-то неразборчиво пришептывать.

– Алло? – я почувствовал себя неловко.

– Ну, скажем, двенадцать тысяч вас устроят?

– Угх. – Ставки росли.

– Ну, может быть, пятнадцать.

– Подходит, – я понял, что больше тринадцати с половиной мне не дадут ни при каких обстоятельствах.

– Так вас интересует наше предложение? – с надеждой спросил незнакомец.

– Думаю, что да.

– Прекрасно! Замечательно. Вот только одна формальность, придется пройти небольшое интервью. Как у вас со временем, скажем, в конце недели?

– Одну минутку, – я вспомнил про кредиторов, и замялся. – Мое расписание довольно-таки сложно предсказать заранее. Но думаю, что смогу выкроить пару часов.

– Прекрасно! Я вам перезвоню через полчаса. – Голос агента заметно потеплел.

Мной овладевали противоречивые чувства. С одной стороны, зарплата, тем более с повышением и премией, давала мне возможность протянуть время, отодвигая неминуемый крах, с другой... Тридцать тысяч своим кредиторам я все равно не соберу. И книжка незакончена, мне потребуется по крайней мере еще месяц... А то и два. Если не пришьют.

Отказываться от работы в сложившейся ситуации было бы с моей стороны по меньшей мере глупо, и на интервью я явился. Все шло как по маслу, вначале меня заставили заполнить анкету в отделе кадров, потом водили по коридорам, сдавая с рук на руки, задавали дурацкие вопросы. Я к этой процедуре был уже привычен, главное изображать уверенность в себе и широко улыбаться. В улыбке этой наиболее важны зубы, испорченные советскими врачами, но за годы моей жизни в Америке частично исправленные местными дантистами. Нет, неправдоподобно белоснежной челюсти у меня не получилось, но регулярные ультразвуковые чистки позволяли мне уверенно демонстрировать клыки и резцы, вселяющие в сотрудников корпорации подсознательную мысль о моей врожденной агрессивности, творческой энергии и, следовательно, в меру активной жизненной позиции.

На этом интервью меня поразил лишь один досадный инцидент. Уже к вечеру меня предупредили, что сейчас отведут к крайне уважаемому специалисту, почетному изобретателю, почетному вице президенту, а также местному герою капиталистического труда, внедрившему на производстве что-то очень революционное. Что именно изобрел этот древний патриарх, как две капли воды напоминавший доброго дедушку Хо с клинообразной бородкой, руководившего Компартией Северного Вьетнама перед поражением Америки во Вьетнамской войне, я понял не до конца. Что-то вроде стахановского метода работы в четыре международных смены.

Дело в том, что у нанимавшей меня на работу компании имелись бесчисленные филиалы во всех концах Земного шара, заводы в Азии, инженерные отделы в Европе, и синхронизировать функционирование такого громадного организма было весьма непросто. Метод, который прочие сотрудники с уважительным придыханием называли методом Гуо, был прост, как и все гениальное. Функции компании распределялись между руководством и исполнением в соответствии с направлением и скоростью вращения планеты Земля.

День начинался, как положено, в стране восходящего солнца. По мере вращения Земли, информация, обсуждаемая на утренних руководящих совещаниях в Японии, передавалась в прочие государства Азии, отстающих на один-два часа.. Производственные проблемы накапливались как снежный ком, оператор третьего конвейера в Индонезии сообщал, что у него не светится экран компьютера, и по цепочке начинал активно трудиться индийский филиал компании. Он проводил предварительный анализ проблемы, пересылая свои умозаключения на Ближний Восток. Там снова крутились станки, и аналитическая сводка дня шла по спутниковым каналам связи в Европу. На Европейские отделы выпадала основная нагрузка: они являлись своеобразным буфером, переваривая информацию, полученную с Ближнего и Дальнего Востока. В это время японцы уже пили sake, индонезийцы и сингапурцы уходили с работы. Постепенно приходила очередь и европейцев: они пересылали результаты анализа в филиал компании, расположенный на Восточном берегу Соединенных штатов. Там как раз рассветало и начинала работать третья производственная линия. Ровно в полдень по Восточному времени, в девять утра по Калифорнийскому, то есть к началу рабочего дня, в штаб-квартире компании, на столах высшего эшелона корпорации, лежала сводка трудовой активности масс за прошедшие восемнадцать часов. Именно здесь принимались стратегические решения, подписывались приказы, и, поскольку Земля неумолимо вращалась вокруг собственной оси, круговорот начинался заново.

Метод Гуо заставил меня задуматься о многовековой восточной мудрости. Действительно, идея синхронизации вращения Земли с трудовой деятельностью своими корнями вытекала из древней философии. Белый человек сделал бы все наоборот: решения бы принимал в Калифорнийской штаб-квартире, оттуда посылал их против часовой стрелки, в результате чего деятельность корпорации неизбежно приобрела бы непредсказуемый и хаотический характер.

Итак, легендарный зав. отделом международной синхронизации расспросил меня о здоровье, потом поинтересовался профессиональным прошлым, приставил ладонь к уху, и мудро покачивая головой, почти-что мгновенно заснул. Нет, Гуо не погрузился в секундный сон, уронив голову на грудь и тут же стыдливо проснувшись, что было бы весьма простительно человеку его возраста и положения. Он захрапел, раскатисто и решительно, а я смущенно замолк, чувствуя себя полным идиотом. Как впоследствии оказалось, молчание и внимание храпу гуру местного значения были признаками хорошего тона. Храп рационализатора был бесстыдным и навязчивым, он продолжался до тех пор, пока миниатюрная секретарша, напоминавшая красотку с разноцветных японских календарей, не увела меня из просторного кабинета, привычным движением приложив палец к губам и погасив свет.

Я получил работу. Я узнал об этом через несколько дней, заканчивая очередную главу своей книги. Ну что же. На работу как на праздник.

– Когда и куда мне приходиться? – С притворным энтузиазмом спросил я невидимую девушку, позвонившую мне из отдела кадров.

– В первый понедельник месяца... – девушка зашуршала невидимыми бумажными страницами, – сегодня одиннадцатое. Минутку. Конечно, седьмого числа следующего месяца.

– Но, простите, это же почти целый месяц. Нельзя ли побыстрее?

– Я очень сожалею. Вы не имеете права приступить к работе, не пройдя курсы ориентации «Добро пожаловать в Би-Си-Бай, или Сливаемся воедино». А ближайшие курсы у нас только через две с половиной недели.

– «Сливаемся?» – ошарашенно переспросил я. – Да погодите вы, какие еще курсы? Давайте, я начну со следующей недели, а сольюсь чуть попозже.

– Извините, у нашей корпорации весьма строгая политика по этому вопросу. Вам придется подождать.

Нельзя, так нельзя. Ну что же, больше времени останется на книжку. Я, вообще-то, даю прикурить. Так волнуюсь, переживаю, счета пытаюсь заплатить, как будто-бы не все равно. Вот придут работники ножа и кинжала, там уже не до счетов будет. А их все нет и нет, напрасно я тратился на чудеса электронной техники и патроны...

Больше всего на свете я ненавижу ожидание. Тем более, вот такое, противно-вялое ожидание, которое может означать все, что угодно. Уж лучше сразу, лицом к лицу, в открытом бою, когда не остается времени на душевные копания и муки совести... Черт бы их побрал, ну куда же они все делись?

Вот и месяц прошел, а Германа все нет. «Добро пожаловать в Би-Си-Бай». Вначале рассказывают то, что я и так знаю. Про уникальную позицию компании на рынке. Про международные филиалы. Про гордость рядового сотрудника продукцией компании, вносящей свою скромную лепту в прогресс человечества. Про то, что от работы каждого зависит наше общее благосостояние.

По-настоящему интересно стало после обеда. Как когда-то, в старые добрые времена, собравшихся в актовом зале новых сотрудников предупредили, что все последующее строго конфиденциально.

Добро пожаловать, – на трибуну выскочил вертлявый молодой человек в накрахмаленной белой рубашке. У него была безукоризненно белая челюсть. И резцы, и клыки. Он кровожадно оскалится, и я вспомнил своих предыдущих работодателей. Если те напоминали мне окуньков и щук, обитателей прудов, рек и заливов, то этот, или эти, были хищниками из отряда млекопитающих, ближе всего к саблезубым тиграм. Я совершил колоссальный скачок по эволюционному дереву, перепрыгнув от рыб, через земноводных, сумчатых, динозавров, и приземлившись сразу где-то в палеолите. Ах, какая белоснежная у него улыбка. Какое пещерное сознание.

Итак. – Молодой человек, казалось, сейчас разорвет конкурентов в клочки. – Мы сейчас будем изучать двенадцать целей и восемь принципов нашей корпорации. Прошу Вас отнестись к этому серьезно. Цели и принципы нашей компании засекречены согласно решению совета директоров нашей компании от двенадцатого первого девяносто пятого.

Черт возьми, млекопитающие, пусть даже примитивные, мне все-таки ближе, чем земноводные, а тем более, чем хищные рыбки.

– Первый принцип: Тот, кто хорошо работает – хорошо живет!

Так, это понятно, кто не работает – тот не ест! Кто работает, тот ест.

– Второй принцип: Вкладывай свой труд в общую копилку «Би-Си-Бай», и «Би-Си-Бай» поможет тебе.

Это мне тоже хорошо знакомо. От каждого – по способностям, каждому – по потребностям. Только зачем это засекречивать?

– Третий принцип. Помни, твоя зарплата...

Это я знаю. Она выплачивается нашими заказчиками. У Риты была майка с похожим лозунгом. Следовательно, заказчика надо удовлетворять, иначе он эту самую зарплату выплачивать перестанет.

– Четвертый принцип...

Тут я уже отключился, погрузившись в болезненные воспоминания юности.

– Третья стратегия... – голос выступавшего разбудил меня, за время сна мальчик в белой рубашке исчез. Он только на принципы и годился, а вот стратегия – это серьезно. Теперь нами руководил солидный мужчина с землистым цветом лица, в дорогом костюме. Адвокат, скорее всего. – Третья стратегия – уничтожить наших конкурентов. Уничтожить всеми возможными и невозможными способами. К примеру, если вы встретите конкурента в ресторане, в холле лифта, что вы должны сделать? Поактивнее, поактивнее.

– Добавит «товарищи», или не добавит? – Я начал просыпаться.

– Поактивнее, друзья.

– Ну да, друзья, по-английски, friends, это почти что comrades, а последнее, как известно, означает «товарищи». Так что все в порядке, все на месте, все так и должно быть. Программа-минимум, программа-максимум. В ресторане врагу подсыпать яд, в лифте просто задушить или ударить по голове молотком. Вот оно, наяву, передо мной, в этом костюме – звериное лицо капитализма. Я с ним теперь один на один...

– А теперь я проведу маленький, импровизированный экзамен. – Джинжи Линь...Мяо... Каков двенадцатый принцип нашей компании?

– Двенадцатый принцип гласит: «Не разглашать секреты, технологии, финансовые отчеты, соблюдать правила, сообщать начальству обо всех замеченных нарушениях существующего порядка» – вроде она и по английски это сказала, но впечатление такое, что я в Поднебесной империи лет эдак тридцать тому назад.

– Чудесно! Замечательно! – землистого цвета чиновник близоруко уставился на лежавшие перед ним листы бумаги. – Алекс,

– Это Вы ко мне обращаетесь? – Я вдруг ощутил страх, сравнимый лишь с ощущениями тревожной школьной молодости, когда не выучил урок обществоведения.

– К вам, у нас всего один Алекс. Итак, какова вторая стратегия нашей компании?

– Аааа. Сейчас. Одну секундочку. Дайте подумать.

– Конечно...

Господи, спаси меня. Мне нужна эта работа. Я понятия не имею, какова именно их вторая стратегия. Боги, классики, помогите мне! Молчите, паскуды, так я и знал. Ну хорошо, давайте рассуждать логически. Первые стратегии я проспал, зато проснулся на третьей. Третья – уничтожить конкурентов. Значит, в первых двух речь обязательно шла о конкурентах.

Итак, давайте вспомним наше детство и юность. Что мы должны были сделать с капитализмом? Догнать и перегнать. А потом – уничтожить. Действительно, все совершенно логично. Программа-минимум. Принятая, кстати, на втором съезде РСДРП. По минимуму все бы получилось совсем не так плохо. Ну, конечно, по максимуму...

Итак, все сходится. Первая стратегия – минимум – догнать конкурентов. Может быть не дословно, зачем догонять того, кого опережаешь. Мягче, сдержанней, конечно же, улучшить показатели, увеличить выпуск. Усовершенствовать технологию.

Вторая программа – программа-максимум. Перегнать. Выдать на гора больше продукции, лучшего качества, с меньшими затратами.

– Алекс, ну, так какая по вашему мнению, стратегия номер два нашей компании?

– Делать наши продукты все более конкурентноспособными, опережать технические показатели наших конкурентов, повышать производительность труда...

– Прекрасно, вы правильно схватили суть происходящих событий и их подоплеку... Конечно, точная формулировка несколько отличается от ваших слов, она была составлена лично нашим президентом, Джоном Мурганом... – Лектор уважительно замолк. – Кстати, рекомендую всем вам почаще читать его книги. Полное собрание сочинений Джона распространяется среди сотрудников бесплатно.

Ах, ну никогда мне не достаются лавры за гениальные всплески импровизации. Ну, да и черт с ним. Я снова задремал, прислушиваясь к ласковой английской речи выступавшего. Нет, что-то здесь не так, в последний раз такой, обволакивающий душу и сознание сон, безмятежный и глубокий, овладевал мной только на лекциях по общественно-политическим дисциплинам. Я то открывал глаза, то снова клевал носом, чувствуя, что не поддающаяся мне темная волна накатывает из просторного актового зала, выключая сознание. Ничего не помогало, я бессильно уронил голову на грудь, и...

Как болезненно это пробуждение, вызванное дребезжащей, бравурной музыкой, несущейся из громкоговорителей.

– Всем, всем всем! Через пять минут состоится прямая трансляция выступления Президента Би-Си-Бай на съезде кандидатов от республиканской партии в поддержку Христианской Америки. Всем сотрудникам рекомендуется пройти в актовое зал. Напоминаем, что выступление Джона Мургона конфиденциально. При входе в зал вас встретят сотрудники службы безопасности...

– Занятия прерываются, – белозубый парень, за время моего сна снова возникший на трибуне, с многозначительным видом начал складывать разноцветные прозрачки. – Мистер Джон Мурган, и его сын, Иона Мурган, вывели нашу компанию на верный путь. До них, в до-Мургановские времена, делами заведовали обычные инженеры, еще немного, и всех нас ждала бы неминуемая катастрофа! Только они спасли нас! Специалисты по маркетингу, знатоки финансового рынка. Мы все должны молиться на них!

Господи, я и на тебя-то не молюсь, еще не хватало воздать хвалу небесную этой семейке Мурганов. Но это – между нами. Мне чрезвычайно желательно продержаться здесь еще несколько месяцев, так что не закладывай меня.

Перед входом в зал, в который мерно вливался людской поток, я с удивлением увидел длинную доску почета, вполне в старосоветском стиле, с начальством наверху, их фотографии были побольше размером. Снизу вперемежку шли заслуженные изобретатели, местные начальники производственных участков, и просто скромные труженики. Вместо красного знамени, серпа и молота, доску увенчивал гадкого вида когтистый орел и стилизованный флаг Соединенных Штатов.

– Господи, или я сплю? – В какой-то момент мне показалось, что ничего не было, ни моей жизни здесь, ни угрожающих звонков, ни нищеты, а тем более, не было этой компании, двенадцати стратегий и неисчислимого количества принципов. Равно как и не было моей юности, философского минимума и государственного экзамена по научному коммунизму. Нет, я наверняка спокойно лежу себе в своей комнатке, быть может, меня уже убили, и я восхожу в какие-то другие, астральные сферы.

– Друзья мои, – я стоял в затемненном зале с огромным экраном во всю стену, прислушиваясь к спертому дыханию людей различных национальностей, жадно всматривающихся в экран. Президент отнюдь не соответствовал моему представлению о высшем обществе, потомках англосаксов, или на худой конец первых пилигримов, выживших вследствие природной смекалки. У Лондона это хорошо когда-то было описано, когда золотоискатели застряли на Клондайке, выжили те из них, кому хватило смекалки припрятать под полом картошку.

– Когда я пришел в эту компанию несколько лет назад, – президент решительно стукнул кулаком по трибуне, и я обнаружил, что на его правой руке не хватало двух пальцев, – я обнаружил, что фирма, равно как и дорогие мне идеалы благополучия, благосостояния, капитализма... – Он сделал многозначительную паузу. – Находятся под угрозой.

Тра-та-ра-ра, – раздалась дробь, выбиваемая обезображенной рукой.

– И я понял, что все наши беды вызваны бездарным руководством, засильем инженеров и прочих, так называемых технических специалистов, которые, разобравшись в инженерных проблемах, возомнили себя гениальными бизнесменами. Нужны ли нам эти

высоколобые паразиты, просиживающие свои штаны в шикарных кабинетах, не верящие в... – Христа! – Джон снова хряснул кулаком по трибуне. – Моральные устои нашего общества разрушаются именно благодаря им. Словом, компания находилась на грани краха. Представьте себе... Представьте на секунду, что могло произойти, если бы эти люди и сегодня руководили вами? Катастрофа! Рядовых сотрудников, получающих свою скромную, но заработанную честным трудом зарплату, могли бы выкинуть на улицу. Как бы я посмотрел потом в глаза этим людям, которых выселяют из собственных домов, их женам и детям? Нет! К счастью, Господь послал меня заблудшим душам.

Джон задел кулаком по микрофону, громкоговорители захрипели, а по экрану пробежали искорки.

– Многие осуждали меня. Говорили, что я подрываю моральные устои, увольняя этих, так называемых инженеров. Но я знал, что делал! Наши акционеры – лучший индикатор здорового экономического роста, устойчивости. За последний квартал производительность труда в нашей компании возрасла на одиннадцать и семь десятых процента. Это – рекордный показатель по Соединенным Штатам. И это – наглядное доказательство того, что может сделать свободная конкуренция, наши христианские принципы, переданные нам отцами-пилигримами, наша христианская молодежь... Мой сын, Иона Мурган, доктор права, с дипломом Гарвардского университета, мой первый заместитель...

– Простите, мне срочно необходимо ... – Дурнота, скопившаяся во мне, требовала незамедлительного выхода.

– Направо, по коридору, – охранник брезгливо посмотрел на меня.

– Ну что же, – успокаивал я себя, сдержанно перемещая содержимое желудка в белый, безукоризненно чистый унитаз, – это скорее исключение, чем правило. Все не так страшно. «Би-Си-Бай» – это совсем не конец света, мне на это наплевать. Мне нужны деньги, а на Джона и Иону Мурганов, двенадцать стратегий и прочее, мне глубочайшим образом наплевать.

Все-таки следует признать, что западный сортир отличается от старого советского туалета застойных времен чистотой и неизменным наличием туалетной бумаги. Только это обстоятельство примиряет меня с действительностью в тяжелые минуты. Если задуматься, все хорошо не бывает, никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах.

– Алекс, – вот вы где! – Это белозубый мальчик в белой рубашке, похоже, он сегодня преследует меня. – Ну как, понравилось выступление Джона?

– Хмм...Ух, бл... Брум...Кхээ.

– Чудесно, чудесно. А теперь – добро пожаловать, у нас еще три часа занятий осталось. Мы сейчас будем кораблики клеить.

– Какие еще кораблики? – с ужасом выдавил я из себя.

– Это такие занятия, по выработке производственной дисциплины. Всем новеньким ставят печати с порядковым номером на руки, разбивают на группы, и дают задание собрать как можно больше корабликов из фольги. Команда, которая соберет больше всех корабликов с наименьшим процентом брака, получит почетное звание победителя корпоративной стратегии Джона Мургана...

– Ааа, – непреодолимая судорога снова овладела моей душой, и, как мне тогда показалось, навсегда испортила не только белоснежную рубашку идеологического наставника, но и любые мои шансы на какое-либо продвижение по служебной лестнице в славной компании «Би-Си-Бай».

Глава 14.

Первый раз – в первый класс. Как я любил начало нового учебного года, первое сентября, неуловимо-осенний свет. Наконец-то, в этом году я возьмусь за ум, буду вовремя выполнять домашние задания, делать уроки, стану отличником, победителем районных и городских олимпиад, ворошиловским стрелком, и будет жизнь долгой, осмысленной и радостной.

С каждым прошедшим годом ощущение праздника постепенно развеивалось, оно еще как-то тихонько суетилось где-то в уголке души, когда я наконец закончил школу и поступил в институт, окончательно исчезло после начала работы и сменилось тоскливыми мыслями о неизбежности социальной революции, всеобщей анархии и даже грядущем конце света. Апокалиптические предчувствия все усиливались, по мере моего передвижения с Востока на Запад по Американскому континенту. Или, быть может, все это было следствием усталости и накопленного жизненного опыта.

Словом, подъезжая к зданию новой компании в первый рабочий день, и, даже заставив открыться полосатый шлагбаум одним движением новенькой пластиковой карточки с черной магнитной полоской, я не испытал никакой радости, вдохновения или даже волнения. Стоило вспомнить про Джона и Иону Мурганов, как во рту появлялся кисловатый привкус. Иногда я даже начинал думать, что серьезно болен расстройством вкусового, а более всего зрительного и слухового нервов.

Утешало только то, что я получил должность в отделе того самого, древнего вьетнамского гуру, который сладко заснул при моем появлении. Интуиция подсказывала мне, что если товарищу Гуо не противоречить, то он довольно быстро погрузится в сон. И, если не пробуждать его от приятных сновидений, то следует ожидать прибавки к зарплате. Впрочем, мне, как пролетарию в периоды социальных революций, терять было нечего.

«Би-Си-Бай», под руководством Джона и Ионы Мурганов отгрохали себе шикарное здание. Если бы лет семь назад я увидел это футуристическое строение, выпирающее в небо неестественными, острыми стеклянными конструкциями, в голову полезли бы романтические мысли: здесь работают творцы новой цивилизации, свободные и раскрепощенные, не ценящие своей свободы, своего благосостояния, и всякая прочая прекрасная чушь...

Запарковав машину, я зашагал по цементированной дорожке, вдоль которой были установлены цементные плиты с бьющими во все стороны фонтанчиками, мозаикой и разноцветными цветами. Красные, фиолетовые, оранжевые, эти цветочные композиции складывались перед глазами в бегущие строки печатных английских фраз. Окна РОСТА по-новому, по-нашему, по-капиталистическому.

– Мы любим Христа и наших заказчиков, – с ужасом прочел я сплетающийся в слова цветочный орнамент, и в тот же момент случился сильный удар, пришедшийся мне по лбу.

– О, Господи, – я все-таки удержал равновесие, схватившись за голову. – Неужели они меня подстерегли здесь, на закрытой от посторонних глаз территории...

Потирая лоб, и с досадой убеждаясь, что ладонь испачкана в крови, я огляделся по сторонам. Цементированная дорожка была пуста, а перед глазами раскачивалась толстая ветка неизвестного мне растения. Болталась она как раз на уровне глаз, так что оставалось непонятным, каким образом сотрудники «Би-Си-Бай» избегали производственных травм.

– Наклоняться надо, – странного вида господин, словно подслушав мои мысли, нырнул под окровавленную ветку и, ловко проведя своей карточкой по замку, исчез в пирамиде зеркального стекла.

Войдя в здание, я первым делом бросился в туалет, с досадой обнаружив, что лоб разбит основательно, промыл рану, приложил к голове бумажную салфетку, и начал судорожно бегать по коридорам в поисках аптечки. В отличие от моего предыдущего

работодателя, снабжавшего сотрудников бесплатными таблетками от головной боли, бинтами и пластырями, «Би-Си-Бай» подошла к делу серьезно. На курсах «Добро пожаловать» нас подробно инструктировали о правилах безопасности, о том, что делать, если подозрительный или несанкционированный посетитель проникнет в компанию, а также упомянули об автомате, продававшем медицинские принадлежности. Располагался этот автомат, насколько я помнил, непосредственно в отделе безопасности. Последний находился на первом этаже, о чем свидетельствовала массивная железная дверь с соответствующей надписью, и огромная красная кнопка, напоминающая увеличенный в десять раз дверной замок.

«Для открывания двери – нажать» – было написано рядом. Рассуждать было некогда, я стукнул кулаком, утопив красный поршень в стене, и дверь открылась, как волшебный Сезам в сказках про Синбада-морехода.

Я оказался в маленьком, тускло освещенном закутке. Размером он более всего напоминал глухо замурованную хрущевскую шестиметровую кухню, вдоль одной стены которой стояла скамейка. Напротив скамейки находилось окно со звоночком, за окошком располагалась точная копия кухоньки, с той разницей, что в ней была дверь, маленький столик и высокий стул-вертушка, типа тех, на которых исполняют фортепианные произведения ученики музыкальных школ. Никакого автомата с дезинфицирующими салфетками, пластырем и таблетками от головной боли, в комнатухе не обнаружилось.

– Что за бред, – выругался я, бросившись к входной двери, но с ужасом обнаружил, что она с металлическим клацанием закрылась. Более того, дверь эта решительно не желала открываться. Подобный прием очень любили всяческие Голливудские режиссеры, постановщики детских фильмов про тайны Египетских пирамид и гробницы фараонов.

Я нажал на звоночек. Это не возымело никакого эффекта, волшебная дверь в стене за стеклом не приоткрылась, и я впервые за много лет почувствовал панический приступ клаустрофобии.

– Пустите, пустите меня, – я в ярости бил ногами по входной двери, звонил в звонок, и, наконец, изможденный, сдался.

– Чем могу помочь, – о чудо, за стеклом появился парнишка в голубовато-серой рубашке.

– Мне необходим пластырь.

– Что? – Он непонимающе посмотрел на меня.

– Я разбил лоб, вы не видите? Я только сегодня начал работать, представитель службы безопасности сказал нам, что у вас есть аптечка.

– А... Да, была, кажется, но медицинская компания ее забрала. Прибыль слишком маленькая, торговый автомат себя не оправдывал.

– Ну тогда хотя бы выпустите меня отсюда. Почему у вас двери не открываются?

– Вы на красную кнопку нажимали?

– Нажимал, конечно. Как вы думаете, каким образом я иначе сюда попал?

– Хорошо, я вас выпущу, но я должен следовать инструкциям. Ваша идентификационная карточка при вас?

– Да, да, – Я протянул ему пластиковый квадратик с собственной, еще тогда улыбавшейся физиономией.

– Теперь заполните анкету. – он протянул мне бумажку, испещренную вопросами.

– Да почему же! Я на совещание опаздываю, я только пластырь купить хотел.

– Извините, я все понимаю, но у нас территория одностороннего входа.

– Ууууу, – взвыл я. Все не складывалось в моей жизни. Ведь мой первый трудовой день начинался с какого-то важного совещания, прибыл я на работу заранее, дав себе

пятнадцать лишних минут, и вот, извините, застрял в ихнем эквиваленте первого отдела. Такое и в кошмарном сне не приснится.

Заполнив анкету, и выскочив в коридор, я вспомнил, что в машине у меня лежала походная аптечка, выскочил на улицу, и кое-как заклеил лоб пластырем. Я опоздывал на совещание уже почти на пять минут, и, бросившись по цементированной дорожке в компанию, ловко пригнулся, проскочив под роковой веткой. «Наклоняться надо» – вспомнил я язвительное замечание неведомого работника корпорации, и принялся искать комнату, в которой было назначено совещание.

Коридоры в компании были бесконечными, украшенными бегущими электронными строками: «Догоним и перегоним наших конкурентов. Акции нашего главного конкурента сегодня упали на полтора процента. Сплотимся вокруг основополагающих принципов стратегии Би-Си-Бай. Под руководством Мурмана – к новым высотам. По сообщениям Wall-Street Journal Би-Си-Бай закончила третий квартал скорее лучше, чем хуже, чем ожидалось».

Опоздание мое усугублялось, я был почти уверен, что за разгильдяйство буду отчислен на следующий же день, я опаздывал уже на двадцать минут. Наконец, интуиция подсказала мне, что я на месте. Иначе как бы в этой комнате оказался заместитель моего нового начальника.

– Ээ – проблеял я.

– Добро пожаловать, и поздравляем с началом работы в «Би-Си-Бай». Ждем вас, ждем.

– Извините, я опоздал, никак комнату не мог найти.

– Не расстраивайтесь, я тоже здесь теряюсь время от времени. Тем более, что кроме нас с вами на совещание еще пока никто не пришел. А что это у вас с головой? – заместитель моего вьетнамского патриарха с ужасом посмотрел на мой разбитый лоб, заклеенный наискосок пластырем. – Нет, только не объясняйте мне. И ни в коем случае не жалуйтесь, лучше молчите! Вы налетели на дерево, я угадал?

– Да, – мрачно подтвердил я его гипотезу. – А почему, собственно, эту чертову ветку нельзя спилить?

– Молчите, я вас прошу, – заместитель испуганно огляделся по сторонам. – Вы здесь многое еще не понимаете. Ну, как вам объяснить. У всего этого весьма сложная историческая подоплека. Видите-ли, в прошлом году сам Джон Мурман разбил себе лоб точно таким же образом. Хмм, гордитесь, если не сказать большего. В результате вышеупомянутого столкновения начальственная голова неожиданным образом прояснилась, а сам Джон внезапно понял особую важность дела охраны окружающей среды, экологии и неустанной переработки всяческих отходов. Так что спилить эту, можно сказать, историческую ветку, теперь не представляется никакой возможности. Вы же понимаете? Вы уже читали меморандум дирекции?

– Нет, – признался я.

– Ну как же вы могли, – с ловкостью фокусника он извлек из-под стола пачку бумажек. – Вот.. В целях улучшения экологии... То же, кстати, касается и елок. Вы покупаете рождественские елки?

– Простите? Какие еще елки?

– Ну, так вот, слушайте, – лицо моего собеседника просветлело, и даже загорелось каким-то дьявольским, издевательским огнем запретного вдохновения. «Сотрудникам компании Би-Си-Бай рекомендуется использование исключительно пластиковых елок. Современной технология позволяет достичь высокой степени идентичности последних с натуральными деревьями. В то же время, это начинание позволяет сэкономить десятки тысяч деревьев в год.»

– А... Я, кажется, понял. – У меня снова возник рвотный позыв.

– Вот и чудесно, – заместитель начальника почему-то подмигивал правым глазом. Лицо его при этом оставалось абсолютно серьезным, нет, впрочем, выдавало его тонкое, едва заметное дрожание уголков губ. Кто знает, еще несколько минут, и мы бы наговорили друг другу множество комплиментов, но в комнате появился тяжело дышащий мужчина неопределенной этнической принадлежности, вытер пот со лба, вытащил из кармана промасленный сверток бумаги с завернутым в него гамбургером, и начал аккуратно его поглощать, время от времени яростно ковыряя в носу. Запахло подгоревшим жиром и кетчупом. А вскоре началось и совещание, на котором я ничего не понял. Казалось, сотрудники Би-Си-Бай говорили на каком-то неизвестном языке.

– Как дела в отделе плотности? – спрашивал заместитель начальника.

– Гамлета надо ускорить. – вяло отвечал полный мужчина, дожевывая гамбургер и продолжая ковырять в носу.

– А что у нас с отделом рыб?

– Барракуда запаздывает. Но Ромео и Джульетта будут готовы вовремя.

– А у Ромео вывод укоротили?

– Да третий отдел затягивает, им питания не хватает. Ромео не оправдывает ожиданий, они его уже третий день гоняют под напряжением...

Минут через десять я решил, что все-таки схожу с ума, но списал свое непонимание на перенесенную мной травму головы и решил промолчать. Как выяснилось впоследствии, решение это было благоразумным, ибо и акулы и барракуды, и Гамлет, принц Датский, и даже Ромео с Джульеттой были просто кодовыми названиями различных компонентов электронных схем, выпускаемых знаменитой компанией Би-Си-Бай.

– А теперь о самой главной нашей проблеме, – откашлялся заместитель. – Прошу вас иметь в виду, что информация эта строго секретна. Производство в Индонезии практически парализовано. Мы всего месяц назад закупили несколько сот цифровых осциллографов последней модели. И, представьте себе, какой-то умник вычислил, что если нажать на две кнопки одновременно, на экране появляется игра «Тетрис». Конвейер практически стоит, рабочие, и даже инженеры, все поголовно играют.

Страшная догадка пронзила мое сознание. – Я знаю, я почти уверен, что знаю, кто это сделал! – хотел было крикнуть я, но сдержался. Похоже, даже почти наверняка, Андрей Бородин успел пару недель проработать в славной компании, выпускающей те самые цифровые осциллографы.

Вот так я и начал свою непродолжительную, но запоминающуюся карьеру в компании «Би-Си-Бай».

Глава 15.

Finita la comedia... Труд мой был закончен, а я истощен. Я посмотрел на часы, убедившись, что скоро начнет светать, перечитал последнюю главу, поставил самую последнюю точку, и вышел на балкон. Прислушиваясь к пению птиц, вдыхая аромат цветущих деревьев я вдруг понял, что сделал что-то чрезвычайно важное, и на секунду почувствовал удовлетворение, да что там удовлетворение, восторг, поднимающийся в душе. Я изложил на бумаге... То есть, простите, на экране, все, что знал.

Работа закончена. Имею я право выпить пива? В маленьком, покрытом наростами льда холодильнике, еще стоит пара бутылок... Итак, последний всплеск усталого сознания, залитого желтоватой жидкостью, пузырящейся в стакане. Как же хочется спать... Я когда-то читал про человека, который мог не спать аж несколько лет. Я ему завидую, но каждой ночью, особенно, когда рассвет позолотит верхушки деревьев, я выключаюсь. Быть может, это атавизм. Очередной гормон, выделяемый организмом в темноте, инстинкт, унаследованный от миллионов поколений, начиная с простейших организмов и земноводных.

За вершинами гор привычно розовел рассвет, птицы начали истерически орать, потом в симфонию жизни вступили коты, потом неизвестно откуда взявшийся в промышленной долине петух, и, наконец, покатали по улицам машины. А я упал на кровать и заснул.

К сожалению, сон мой был непродолжительным, так как по злой иронии судьбы именно на это утро было назначено производственное совещание нашего отдела. Всяческого рода совещания и митинги, вообще были присущи ежедневному распорядку компании «Би-Си-Бай». Куда там пионерским, комсомольским и профсоюзным собраниям из прошлой жизни до монотонных, изматывающих душу и усыпляющих сознание многочасовых совещаний, которыми начинался, продолжался, плавно перетекал в ланч, послеобеденную дрему, а затем и заканчивался день трудовой единицы капиталистической корпорации. Поначалу я недоумевал, даже злился, потом даже начал задумываться о том, когда же окружающие меня сотрудники находят время для работы, но постепенно смирился. Теперь я тоже превратился в похожего на окружающих меня суетливых людей, выбегающих из дверей какой-нибудь очередной комнаты для конференций только для того, чтобы вытащить из кармана распечатку предстоящих им на сегодня совещаний, и торопливо броситься в объятия другого, как две капли воды похожего на предыдущее, полутемного пространства.

Более всего меня поражало то, что эти бесконечные встречи, совещания и митинги возбуждали в участниках чувство причастности к делам компании, времени, потраченного с толком. На лицах у них появлялось серьезное, наполовину осмысленное выражение, как две капли воды похожее на выражение лиц рабочих токарного производства, выходявших вечером с закрытого партийного собрания на заводе, на котором я в давние годы проходил производственную практику.

Надрывный звонок будильника был беспощаден. Я попытался прибить его рукой как надоедливый комар, но потуги мои были напрасными: ложась спать, я предусмотрительно поставил пластмассовую коробочку на кухонный стол. Покряхтывая, я сполз с кровати, тут же налетел ногой на стул, взвыл от боли, начал материться и все-таки проснулся. Только воспоминание о законченной книге примирило меня с действительностью.

– Мы на горе всем буржуйам, пурум-пум-фырк, мировой пожар раздуем, – миролюбиво бормотал я, наслаждаясь горячим душем, потом растерся махровым полотенцем, вытряхнул полную окурков пепельницу в пакет для мусора, поставил на плиту чайник, и неожиданно для себя самого почувствовал прилив сил.

– Итак, – я посмотрел на себя в зеркало. Если бы не покрасневшие глаза, ничто не выдавало бы бессонной ночи. – Нам предстоят великие дела.

Вдруг что-то кольнуло в груди.

– Я чувствую, что сегодня случится что-то очень важное. Что-то важное и нехорошее одновременно. – Произнеся это вслух, я изумился и одновременно испугался своего невольного пророчества. Стараясь более не смотреться в зеркало, я привычным движением взял револьвер, засунул его в кожаную сумку, и, посвистывая, спустился в гараж.

Нет, предчувствия обманули меня. Никто не прятался за обшарпанными цементными колоннами, никто не накидывался на меня с ножом, не стрелял, и, выехав из дома, я повилал по переулкам, тщетно убеждая Всевышнего в иллюзорной случайности избранного мной пути. Как того и следовало ожидать, вскоре мой запутанный путь слился с автострадой, и на территории любимой компании я появился за пять минут до начала очередного совещания.

Надо сказать, что совещание это было действительно из ряда вон выходящим. Совещание совещанию – рознь. Ходили даже слухи, что на него может приехать сам Джон Мурган-старший. Конечно, это никому не было точно известно, но всем предполагаемым участникам был разослан совершенно секретный меморандум. «Если Джон приедет на совещание, – гласил меморандум, – проникнитесь чувством ответственности за дела компании. Тщательно выбейтесь, пользуйтесь дезодорантом фирмы «Жилетт», модель «Голубая Волна». Ни в коем случае не используйте жевательную резинку, – Джон этого не любит. В том случае, если вас преследует неприятный запах изо рта, прополощите зубы раствором «Листерин», желательно голубого цвета. В туалете компании будет организована специальная служба, «Листерин» и пластиковые одноразовые стаканчики предоставляются сотрудникам бесплатно, по предъявлении удостоверения. Учтите, что Джон любит и ценит юмор, но не злоупотребляйте его вниманием. В том случае, если у вас потеют ладони, заранее приготовьте бумажные салфетки, тщательно вытирайте руки перед рукопожатием...»

Нет, страхи оказались преувеличенными. Никакого Джона Мургана на совещании не оказалось, вместо него на председательском месте господствовал столь ненавидимый мной в дальнейшем плюшевый Санта-Клаус, из которого торчал провод, заканчивавшийся вилкой, воткнутой в розетку. Розовощекий Дед-Мороз улыбался, с жужжанием двигал головой и руками, затем поднимал в воздух миниатюрную электронную плату, последний плод «Би-Си-Бай», подвывал рождественской мелодией, описывал платой сложный пируэт в воздухе, и водружал ее в рождественский мешок, окаймленный красной ленточкой. Такие ленточки в моем детстве родственники покойного прицепляли к венкам. Специалистам компании «Би-Си-Бай» эта ассоциация даже не приходила в голову: Санта, садистски улыбаясь, извлекал электронную плату из мешка, и снова совершал свои замысловатые пируэты.

– Что это? – испуганно спросил я.

– Это – новейший демонстратор отдела электроники «Би Си Бай», модель один дробь А.

– А зачем, кому?

– Ну как же, согласно программе культурной дивергенции и укрепления роли маркетинга в странах третьего мира путем донесения культурных ценностей Западной цивилизации... – отвечающий мне вдруг запнулся.

– По-моему, это бред! – тот факт, что книжка моя была завершена, заставил меня потерять осторожность.

– Тише, умоляю, – мой собеседник схватил меня за руку. – Молчите!

– Да нет, я чего-то не понимаю. Этот Санта-Клаус, он что, достоин того, чтобы ради него собирать совещания? Если продукция фирмы... – Я запнулся, неожиданно увидев оказавшегося рядом старичка в черном костюме, с припорошенным перхотью воротничком. Откуда он появился, по сей день осталось непонятным.

– Говорите, говорите, молодой человек, мнение молодежи нам очень важно, – он протянул мне руку, изъеденную вздутыми голубыми венами.

«Джон Мурган» – с ужасом осознал я, и, судорожно проведя ладонью по рубашке, протянул ему руку.

– Вы, – старичок начал хихикать, – вы мне напоминаете молодость. Такой же нигилизм, такая же влажная, прохладная ладонь, такая же жажда жизни.. Мдаа... Все мы когда-нибудь умрем. И потом, о чем это я, ну да, вы совершенно правы, без идеологии наш Санта-Клаус мертв!

– А-аа, – неуверенно протянул я.

– Санта-Клаус мертв, а я – еще жив, – игриво сказал старичок, и ухватил меня за рукав. – А работники, обладающие чувством реальности, нам архиважны. Поверьте моей интуиции.

– Спасибо, – я старался держаться с достоинством.

– Вот такие кадры нам сейчас необходимы, – Джон замолчал и уставился мне в глаза, будто удав, гипнотизирующий кролика. Вначале мне стало неловко, потом неприятно. Зрочки президента компании заглядывали в самую душу. Чем-то они даже напоминали предпринимателя Ивана Ренатовича. Я почувствовал, что сознанием моим овладела приятная слабость.

– Жри меня, жри зараза, – я ожидал уже, что тонкая, с острым кадыком шея основателя компании, обовьется вокруг меня, что затрещат ребра и зловонный раздвоенный язык задрожит в предвкушении своей добычи, но нет...

– Кстати, – Джон, поняв, что жертва уже наполовину задушена, отвлекся. – Этот Санта-Клаус – замечательное начинание. Премировать разработчика!

– Будет сделано, – радостно подпрыгнул заместитель Гуо Хиня.

– А где же наш великий Гуо? – Джон Мурган неожиданно стал ироничен. – Он что, никак не придет в себя после перелета через Тихий Океан?

– Дело в том, – заместитель Гуо Хиня побледнел. – Он заболел, уже вторую неделю не может восстановиться.

– Мдаа... Работнички. Теорию синхронизации предлагают, а сами никак в нормальное время войти не в состоянии... Вот этот, как вас?

– Алекс, – смутившись подсказал я.

– Да, вот возьмите Клауса, – берите с него пример. Он не боится начальства, не стесняется высказать свое мнение. Он активно участвует в жизни компании. Мой приказ: Клауса послать в Азию, пусть обеспечивает синхронизацию. И имя у него подходящее.

– Меня зовут Алекс... – робко напомнил я.

– Ну да, неважно. Пусть там синхронизирует, обязательно выписать ему командировочные, и Санту упаковать в багаж. Сегодня же. Мдаа, в багаж... О чем это я? Ах, да, все-таки символ нашей, Западной цивилизации. И займитесь делом, Алекс на следующей же неделе вылетает в Японию, в Сингапур, Малазию, Индонезию, Лаос, Тайланд, словом... По всем филиалам, взад и вперед. И наш, Санта, как монах-миссионер, обращающий дикие народы к ценностям христианской религии... Вы, надеюсь, христианин? – Джон Мурган обращался ко мне.

– Я вообще-то стихийный, – ответил я, из осторожности опустив окончание фразы. Оно было крамольным, ибо состояло из одного слова: «материалист».

– Вот и прекрасно. Лучше и не придумаешь. Возражения, замечания имеются?

– Нет, что Вы. – Я судорожно вычислял все «за» и «против». На следующей неделе меня как раз собирались в очередной раз окончательно попытаться разорить на тридцать тысяч долларов, а в случае неуплаты последних – пришить. Ну что же, кругосветное путешествие, да еще столь запутанное, давало мне редкую возможность выспаться и ускользнуть от преследования. Вот только книжка, что же с ней делать? Даже в местных капиталистических джунглях напечатать ее за неделю скорее всего не удастся.

– Значит – исполнять. И Санту в багаж! – Джон Мурган ослабил хватку, пристально посмотрел мне в глаза, причем в его старческом взгляде я прочел подозрительное недоверие, и исчез, оставив меня один на один со всеми предстоящими мне проблемами.

Вспоминая эту последнюю неделю, я до сих пор горжусь собой. Начал я с того, что позвонил Лева Робинзону, с которым когда-то познакомился на дружеской вечеринке. Тогда во дворике частного владения жарили шашлыки, пили «Перцовку», запивали ее красным вином. Анекдоты не иссякали, женщины были пьяны, а Лева, закусив в зубах шампур, исполнял танец дикаря из племени Мумбо-Юмбо.

Лева проживал в благодатной долине уже лет пятнадцать, знал всех и вся, а главное, работал художником-дизайнером, разрабатывающим рекламные эскизы для бесчисленных фирм. Видеоплаты для персональных компьютеров, звуковые системы, модемы, – вся эта электронная дрянь, устаревающая через несколько месяцев после выпуска, перед продажей упаковывалась в глянцевые коробки, украшенные сюрреалистичными пирамидами, разноцветными шарами и масонскими глазами без ресниц, созданными Левиным воображением и невинно смотревшими в души наивных потенциальных покупателей. В прошлой жизни Лев Робинзон был известным художником-мультипликатором на «Ленфильме».

Лева снимал маленький оффис в трехэтажном здании, на двери висела внушающая уважение табличка «Графический дизайн Робинзона». Впрочем, история настоящего Робинзона и его друга Пятницы была знакома только выходцам из России, поэтому Левина фамилия не вызывала у аборигенов совершенно никаких эмоций. Лишь однажды ему позвонили из магазинчика, распродававшего еврейские книги, и то потому, что они обзванивали всех абонентов, фамилия которых заканчивалась на «зон» и «штейн» : Гершензонов, Левинзонов, Рубинзонов, Левинштейнов, Рубинштейнов, и прочих.

Оффис был наполовину пустым, если не считать сваленных в углу пустых коробок – бывших Левиных творений. В другом углу сидела в клетке громадная игуана, напротив которой висела точная ее копия, достоверно запечатленная во время ночной попойки на упругом листе ватмана.

Игуана обладала весьма раздражительным характером, окрашенным безошибочной сексуальной ориентацией. Более того, жизненный цикл ящерицы проистекал без изменений: ночью, когда художественное изображение соперника исчезало ящерица засыпала. Днем она фыркала, пузырилась, наливалась красными пупырышками и всячески дразнила свой портрет, порой доходя до истерики.

Когда я позвонил Лева, он, несмотря на ранний час, был пьян, а может быть просто находился в творческой прострации. К его чести, из прострации он вышел, и мы договорились, что встретимся через пару часов. Закурив сигарету, Лева вдохновенно передвигал курсор по экрану, и через час с небольшим обложка моей книги была готова.

– Ну что, какую цену назначишь?

– Пятьдесят долларов, – зажмурился я.

– Ты с ума сошел, себя не ценишь, – Лева уронил недокурный бычок на пол и раздавил его ногой. – Клади сразу сто зеленых, это же профессиональная книжка, для инженеров. Они не из своего кармана платят, фирма все компенсирует. Учись у меня, если назначишь столик, они только с большей охотой будут брать.

– Да нет, слишком дорого. – При мысли о книжке за сто долларов мне стало не по себе.

– Ну хрен с тобой, я ставлю на обложку семьдесят пять. – Лева откупорил банку с пивом и пару раз щелкнул клавишами. – Все будет нормально, вот увидишь.

Еще через час он позвонил своему старому знакомому, иранскому эмигранту, содержавшему маленькую типографию. Всю ночь я торчал в копировальном центре, распечатывая страницу за страницей своего произведения. Я посидел за эту ночь. Благодаря многочисленным ошибкам в программе, созданной той самой фирмой, в которой теперь работал, а может быть уже не работал Андрей Бородин, все, что выглядело на экране

компьютера вполне прилично, при печати приобретало совершенно непотребный вид: иллюстрации скакали взад и вперед, заслоняя текст, страницы рвались совершенно непредсказуемым образом. Но к утру текст был готов. Я разбивал его на маленькие кусочки, склеивал страницы, и, покачиваясь от усталости, отвез пачку листов в типографию. Из страниц делали фотошаблоны, которые затем шли в производство.

Стоило это предприятие пятнадцать тысяч долларов за полторы тысячи экземпляров. Деньги я занял у Левы. Вернее, таких денег и у него самого не было, он как-то договорился со своим приятелем, пообещав, что отдаст их потом, когда и если книжка будет продана.

Теперь от меня мало что зависело, я с испугом подумал о бесчисленных ошибках и опечатках, вкравшихся в текст, но дело было сделано. Через три дня, если все будет в порядке, в сорока пяти картонных коробках меня будет ждать полуторатысячный тираж американского самиздата.

Выйдя на улицу из стучащего металлическими зубьями печатных машин типографского ангара, я посмотрел на голубое небо, и с испугом понял, что начинаю терять сознание. Ноги стали ватными, они тут и там начали колотиться мелкими иголочками, дыхание остановилось, и мне на секунду показалось, что я умираю. Я присел на металлическую тележку, наполовину загруженную пустыми картонными коробками, прислушался к мерному шуму автострады, и отключился от внешних раздражителей.

– Эй, мистер, – меня трясла за плечо двухметрового роста жена хозяина типографии. – А мы-то смотрим, кто это у нас на тележке заснул. Все в порядке?

– Да, да, – я дрожал от холода. Каким-то образом, на небе уже появились звезды.

– Ну не переживайте вы так, напечатаем мы вашу книжку. Послезавтра приходите.

– Спасибо, – я, покачиваясь, с трудом нашел на стоянке свою машину. Болела голова, и жутко хотелось есть. Я уже не помнил, сколько времени прошло с того момента, как. Ну да, было совещание, потом я сидел слевой...

Крутились перед глазами искривленные разъезды на автострадах, стучал разбитый асфальт под колесами. Подъехав к дому, я по привычке остановился в соседнем дворе, зарядил револьвер, нажал на кнопку дистанционного открывания гаража, и, ожидая самого худшего, поднялся в свою квартиру.

Как я ненавидел эту каморку. На моем телефоне мигала красным светом цифра «Два». Два сообщения были оставлены мне, пока я спал на металлической тележке.

– Папа, – это звонил мой сын. – Я тебя люблю. Обещай мне, что в субботу мы пойдем в зал аттракционов. И еще, если ты меня любишь – купи мне игровой автомат. Помни, – голос его стал как две капли воды похожим на рекламного агента, – покупая своему ребенку игровую систему «Нинтендо -64», ты обеспечиваешь свою старость.

– Ну что, образумился наконец? Дома не ночуешь? Во вторник к тебе придем: тридцать штук, и на этот раз без разговоров. Если слиняешь – хана. – Это вступили в игру мои невидимые кредиторы.

– Ууу, все, я больше не могу. Я хочу выспаться, пропадите вы все пропадом. А во вторник меня здесь не будет, обманули дурака...

Глава 16.

Летим, ребята! Несмотря на все авиационные катастрофы последних месяцев, воздушные ямы, турбулентность, наемных убийц и общий кризис капитализма. Вот так оно всегда и бывает: начнет трясти в воздухе, отберут на таможне сигареты, потянет прохладой, возникнет перед глазами видение достойной человека жизни, рассыпется на разноцветные мозаичные стеклышки, запутается и исчезнет.

Но вначале я получу из типографии свою книгу, пахнущую свежей краской. Как это я ее написал, самому теперь непонятно. Я куплю в оптовом магазине коробку с конвертами и разошлю два десятка авторских экземпляров местной инженерной элите, благо у меня дома валялся список адресов участников недавнего технического семинара. Я укажу Мишкин адрес и телефон, затащу коробки в его гараж. Быть может, я сошел с ума, но, даже если это так, я сделал все что мог. Я позвоню сыну, пообещаю ему, что куплю игровую приставку к телевизору, когда вернусь из командировки, засуну револьвер в багажник под запасное колесо, и поеду в аэропорт.

«Би-Си-Бай» наверняка не оплатит мне длительную стоянку в аэропорту, ну что же, пусть будет так. Гуд-Бай Америка. Прощай навсегда, кто знает, не затеряюсь ли я где-нибудь в джунглях Юго-Восточной Азии?

И когда земля Калифорнийских Соединенных Штатов, временно не сотрясаемая землетрясениями, начнет уменьшаться, превратившись в мутно-зеленое пятнышко, расположенное где-то между океаном и пустыней, и, наконец, исчезнет в облаках, я облегченно вздохну и в который раз повторю:

Я ненавижу и люблю тебя, Америка, край вечно непуганых идиотов.

– Может быть хотите чего-нибудь выпить? – стюардесса совсем устала. Ее, когда-то бывшая белоснежной блузочка, покрыта бурными пятнами, не то томатного сока, не то венозной крови. Наши глаза встречаются, мы каким-то шестым чувством понимаем друг друга, и женщина горько улыбается. Братство усталых людей и душ, они находят друг друга на этой планете, на земле, на воде, под водой, и, как я только что установил, в воздухе.

– Водку, если осталась. – Я, кажется, заговорил с ней по-русски.

– К сожалению, сейчас мы можем предложить только безалкогольные напитки. Как насчет Пепси?

«Новое поколение выбирает Пепси». Мое поколение, последнее поколение российских технических и научных интеллигентов, заставшее те времена, когда в Академии Наук платили зарплату и научные звания считались престижными, сделало свой выбор. Не знаю, как там про «Пепси», а один из моих знакомых просто-таки помешался на Кока-коле. Пил ее литрами, каждый раз, когда он доставал из холодильника запотевшие пластиковые бутылки, глаза его увлажнялись, в них появлялось какое-то заторможенное выражение. Как-то раз он мне признался, что была у него дурацкая детская мечта – чтобы дома всегда было полно Кока-колы, и можно было ее пить сколько хочешь. Ну что же, он – счастливый человек, мечты вообще-то редко осуществляются... Правда, до сих пор не понимаю, как можно пить эту приторную, шипучую гадость.

– Спасибо, Пепси не надо. – Я страдальчески скривился.

– Я ее тоже терпеть не могу... – Стюардесса подмигнула мне. – Я вам сейчас все-таки принесу бутылочку «Смирновской». Смешаю с томатным соком.

– Только не кладите льда, мой добрый ангел.

Почему стоит оторваться от Земли, как все до единой женщины становятся беспредельно привлекательными? Каждая морщинка на их плоском, зачастую прыщавом

лобике, чуть стертая губная помада, складочка на юбке, пластырь на пятке, аккуратно подогнутый под лакированную туфельку, расплзающиеся по шву колготки и парализующий сознание аромат духов... Интересно, чувствуют ли самки что-нибудь подобное по отношению к мужскому полу? Наверняка... По моему глубокому убеждению, это прямое проявление первобытного инстинкта, продиктованного примитивной частью нашего мозга, приказывающего тварям божьим размножаться и воспроизводиться в период угрозы существованию особи...

ТЬфу, да ну к черту богословов вместе с Дарвинистами... Да здравствует взаимопонимание душ! Я уже почти влюбился в эту уставшую женщину, хотя прекрасно понимаю, что более близкое знакомство с ней сулит мне лишь разочарование. Есть незримая грань между поэзией и реальностью. И ее нельзя переступать, проникновение на чужую территорию – смертельно.

Вот бы послать все к чертовой матери и перенестись высшей волей из этой трясущейся на воздушных ухабах консервной банки в весенний лес... Как это бывает в конце марта? Уже забывать начал. Вдохнуть прохладный, влажный воздух, какой бывает только в это время года. Закурить сигарету.

– Мистер! Мистер!

Черт бы ее побрал. Или его. Пойди их, разбери. Буддийского вида старушка с голым черепом, а может быть, старичок. Бесполое это существо, даже не подозревающее о существовании весеннего леса, к тому же обладающее весьма недобрыми глазами, недовольно толкает меня в бок, одновременно пытаюсь ущипнуть за ногу. Приспичило, видимо. Вот такая грустная жизнь.

-Доброе утро! Капитан Кларк и Северо-западные авиалинии приветствуют вас на борту нашего самолета. Мы проводим полет на высоте десяти тысяч футов. Сегодня двадцатое июля, семь утра по местному времени. Через три часа мы должны прибыть в столицу Объединенной Исламской республики. Температура за бортом...

Человек должен жить на Земле, это мое глубокое убеждение. Более того, желательно, чтобы он незначительно отдалялся от места и времени своего рождения, по крайней мере, не более, чем на один-два часовых пояса. Иначе одна за другой начинаются проблемы: мизантропия, десинхронизация, потеря моральных ценностей, и неизбежная при таком раскладе всеобщая дезориентация.

Ой, мамочка, ну и тряска. Милая, слава Богу, ты не знаешь, что твой сын хватается за подлокотники где-то над экватором, посередине между Сингапуром и Камбоджей. Сколько мне еще предстоит этих взлетов и посадок? Три или четыре? Нет, четыре. И опять одинаковые, пропахшие сигаретным дымом корридоры, таможня, влажный воздух, врывающийся через стеклянные двери в зал аэропорта, обмен денег. Диктаторы одного полуострова с мудрым, хищным полуоскалом челюсти, безжалостно заменяются на соседних диктаторов. Неведомые мне иероглифы становятся обреченным на вымирание гибридом последних с арабской вязью. Исламско-Буддистская республика, чего уж тут поделаешь...

В прошлом году в этой республике погиб Патрик, мой приятель и вообще один из немногих нормальных представителей Западной цивилизации. Его съела акула во время урока плавания с аквалангом. И инструктора тоже съела. Акулы, они вообще не отличаются разборчивостью, им что американский гражданин, что мякотельный русский эмигрант, даже мускулистый исламский инструктор-абориген – все едино.

Ни за что бы не полез плавать в эти коралловые рифы. Силен еще детский, атавистический страх, возникший при погружении в мутный пруд неподалеку от дачи. Взрослые, наивно уверенные в том, что в этом пруду водятся лишь бычки да карасики, радостно окунали детей в начинающую зацветать воду, и, услышав детский визг, старая, выдавшая виды щука, пережившая царский режим, большевиков, Сталинистов и Хрущева, в

негодования скрывалась на дне. Да, родители были правы. В отличие от их детей, благодаря инстинкту сохранивших первобытный ужас по отношению к обитателям морей и океанов.

Ну что же, посмотрю немного видеопрограмму. Меня всегда поражает, как люди, какого бы происхождения или расы они не были, в любой ситуации пытаются устроить вокруг себя пародию на безмятежную, комфортабельную, привычную жизнь. Даже в бомбоубежище. Снять туфли, завернуть ноги в одеяло, помолиться одному из богов, поковырять во рту зубочисткой. Почитать журнал. Вот японец в соседнем кресле: снял ботинки, выпил свою бутылку пива и отдыхает с довольной физиономией. Очень заразительно смеется, смотря на экран с картинкой, искаженной плохо сведенными лучами видеопроектора. Конечно, со мной, с ним, с нами все будет хорошо. Как всегда. Не может же быть, что если что-то произойдет, то это случится именно сейчас, в этот раз. Нет, это невероятно.

Да, отдохнешь тут, как же. Фильм они показывают просто-таки леденящий душу. Про Боинг, потерявший управление. Пилоты убиты, террористы держат пассажиров на мушке. Турбулентность. Колеса уже отвалились. Компьютер отказал, сраженный очередью из автомата. Кабина разгерметизирована. Нет, не сядут.. Черт бы их побрал, уж лучше показали бы что-нибудь про Бэтмана. У того хотя бы крылья за спиной, ему один хрен, что в воздухе, что на земле.

Кстати, про Боинг. Я работал с толстяком Марком, который когда-то проектировал семьсот сорок седьмой. Так он мне рассказывал, что корпус собирали чуть-ли не вручную. Каждый самолет – уникальная машина, там треснуло, тут вибрации начались, здесь прочности не хватило. Да они все в заплатках. Лучше все-таки об этом не думать. Слишком много знать – вредно.

Что-то нервы у меня начали сдавать. Надо полечиться. Или просто отдохнуть... За иллюминатором – гроза. Молнии бьют тут и там, пронизывая черное небо, мы влетели в дождь, закладывает уши, и жирное тело самолета подрагивает, подпрыгивает на невидимых ухабах. По всем признакам, мы идем на посадку. Все ниже, и ниже, и ниже, стремим мы полет наших птиц. И в каждом мгновении дышит..

Неизвестный мне город, увеличивающийся в черном стекле иллюминатора, будто под микроскопом, в котором кто-то, неведомый и далекий, подкручивал усиление, напоминал бриллиантовое ожерелье, светящееся разноцветными огоньками. Полоса огней обрывалась неровной границей пепельно-черной бесконечности, в которой были разбросаны маленькими каплями огоньки света.

– Залив. А это, наверняка, порт. Еще один город, еще одна страна, в которой живут, копошатся, мучаются и смотрят на звезды, а может быть и не смотрят, несколько миллионов человеческих существ. С утра, наверняка, окажется, что перемигивающееся огоньками буйство жизни – скопление грязных лачуг, но в темноте город кажется прекрасным. Впрочем...

Что-то, я даже не могу передать, что именно, не понравилось мне в этой феерической иллюминации, столь похожей на игру огоньков, сопровождающих ночную посадку в любом крупном городе планеты, будь то Лондон, Нью-Йорк, Токио, или даже Москва. Нет, даже не молнии, вспыхивающие на горизонте, что-то периодически закрывало и сам город, и яркие южные звезды. И это что-то не было похоже на облака. И еще: внизу, казалось, тут и там полыхали небольшие пожары, я мог поклясться, что видел один из них, охвативший факелом многоэтажный дом. Но тут мы приземлились, стукнулись колесами о посадочную полосу, прокатились вперед, и, наконец, взревев турбинами, остановились.

– Все-таки, на этот раз пронесло, – буркнул угрюмый динамик, подтверждая самые худшие из моих несбывшихся предчувствий. Голос откашлялся, похоже, микрофон включили раньше, чем это предполагалось. – Поздравляю с прибытием в столицу Объединенной Исламской Республики! – жизнерадостно рявкнул он. – Спасибо за то, что вы прилетели сюда нашей авиакомпанией. Северо-западные авиалинии будут рады оказать вам помощь и в дальнейшем, если вы будете в состоянии это сделать... – Он смущенно откашлялся. – Ваш

багаж будет выгружен на третьем транспортере. Транзитным пассажирам рекомендуется обратиться...

Ну, он и сказал... Северо-западные авиалинии... Какие они, к чертовой матери, северо-западные? Они самые что ни на есть Юго-Восточные.

Спускаясь по трапу, я с омерзением вдохнул мокрый, горячий, несмотря на ночное время, воздух, и почувствовал, что по спине и по лбу сразу же потек липкий пот. Пассажиров ждал маленький, разбитый автобус, вернее, даже не автобус, а большая тележка с поручнями, которую тащил за собой дизельный буксир, управляемый одноруким шофером с совершенно зверской физиономией. Одет шофер был в шорты, ноги его были босыми, он периодически закатывал глаза, не-то что-то кричал, не-то пел, впрочем, возможно это была молитва. Меня поразила виртуозность, с которой однорукий обращался со средством передвижения: передачи он переключал точно рассчитанными ударами культи. Тягач выбрасывал облачка черного дыма, и за те две минуты, пока мы подъехали к аэропорту, я почувствовал, что дышать мне нечем, и еще минута...

Храни Господь инженеров всех стран и народов. Ибо аэропорт был построен представителями западной цивилизации, белыми как трупы, мягкотелыми как молюски, вытасенные из раковин, любящими комфорт во всех его многообразных проявлениях, включая прохладный кондиционированный воздух.

– Никуда отсюда не уйду, – решил я. – Даже багаж не буду получать, или получу все-таки, но никуда не поеду. Просижу все пять дней в этом кресле, на Санта-Клауса положу ноги, и буду спать.

Ах, преступная слабость, если бы знал я, что уступив этому запретному желанию, я оказался бы самым мудрым человеком среди обитателей планеты, или, по крайней мере, среди только что прилетевших пассажиров «Боинга»... Всегда надо прислушиваться к своим инстинктам. Говорят, у людей они атрофировались, в отличие от собак, умеющих сожрать именно ту траву, которая им необходима для борьбы с чумкой. Чепуха! Всегда надо следовать своим предчувствиям, не давать тонкой пленке условностей, порожденных цивилизацией, овладеть жизнью и судьбой!

Словом, я как баран, идущий на заклание, преодолел панические импульсы, подавил в себе робкий проблеск здравого смысла, получил чемоданы, картонную, облепленную клейкой лентой коробку, импровизированный гроб, в котором покоился Санта, и поплелся к таможене.

Каково было мое удивление, когда я увидел там того самого, выпячивающего глаза, выкрикивающего молитвы, однорукого шофера, чуть не уморившего меня выхлопными газами полчаса тому назад. Нет, впрочем, я не уверен. Быть может, это был родной брат того шофера. Или, быть может у жителей республики такая традиция: рождаться однорукими. А, может быть, у них отрубают руки за воровство, в соответствии с законами шариата: ведь, как известно, человек слаб. Скорее всего, впрочем, шофер был таможенником, а таможенник – шофером. Или наоборот.

– Паспорт, – таможенник прекратил молиться. К великому моему удивлению, однорукий разговаривал на вполне сносном английском.

– Да, да, – Я сунул в окошечко крамольный белый паспорт, полученный накануне отъезда. Кроме этого странного документа, удостоверявшего мое право на проживание в Соединенных Штатах, в кармане у меня лежало еще два паспорта, на всякий случай, – родной краснокожий Советский, и темно-синий Израильский. К сожалению, ни тот ни другой в Исламских республиках особых симпатий не вызывали.

– Одну минутку, – однорукий вдруг выпятил глаза из орбит. – Откуда вы летите?

– Из Сингапура, – простодушно признался я. – То есть, из Малайзии.

– С какой целью вы посещали враждебную нам страну? Какова цель вашего визита в Республику?

– Бизнес. Я представляю американскую компанию.

– Ваша въездная виза отклонена ввиду порочащих связей с нашими заклятыми врагами.

– Вы не имеете права! Я буду жаловаться консулу! У меня на завтра назначен семинар! Вы подрываете бизнес! Свободную экономику! – Не помню уже что я кричал, словно хотелось мне, дураку, бросить вызов провидению. Ведь я тебе помолился, боженька всех времен и народов, и в ответ ясно было тобой сказано, Господи, – сиди в аэропорту. Нет, я поперся в город, и ты послал мне второе предостережение в лице этого однорукого бандита. Так нет же, мне, видите-ли больше всех надо. И поделом...

Ну, и чего я добился? Пришел странного вида господин с высохшим обезьяньим личиком, если бы увидел его в зоопарке, готов бы был поклясться, что передо мной сбежавший из клетки шимпанзе. Вытащил из кармана печать, брякнул штамп в паспорте. Гуляй – не хочу.

Я сейчас умру от этой удручающей, влажной жары. Почему меня никто не встречает? Бардак. Такси... Такси-и-и! Боже, водитель мой тоже однорукий, да что же это такое, в конце концов! Машина крохотная, такие в Токио ездят, мотороллер с кабиной. Даже я на сиденье не помещаюсь, не то что багаж.

– А побольше такси здесь не бывает?

– Не бывает, не бывает. Добро пожаловать в республику! – Таксист почему-то открыл капот, вытащив из-под него грязную веревку с угрожающего вида крюками. Засунув чемоданы в капот, он виртуозно воткнул крюки в дырки, тут и там проделанные в проржавевшем корпусе машины. Капот решительным образом загоразживал ветровое стекло, так что нас явно ожидал сеанс слепой езды.

– А это? – Я испуганно посмотрел на картонный гроб Санты.

– Секундочку, – водитель полез под машину. – Отойдите в сторонку, – он выкатил маленький прицеп, погрузил коробку с Сантой на него, и с видом китобоя, кровожадно втыкающего гарпун в свою жертву, пронзил мой багаж несколькими оставшимися крюками.

– Осторожнее, – взревел я. – Там сложный механизм. Электроника. Вы все ломаете.

– Не понимай, – водитель широко улыбнулся мне кривыми желтыми зубами, почему-то мгновенно утратив свое знание иностранных языков.

Улицы в этой республике просторные, поросшие пальмами и прочими тропическими растениями. Подземные туннели, небоскребы.

Нет, все не так плохо. Гостиница громадная, светящаяся с огнями, с... Не смейтесь, умоляю вас, с одноруким швейцаром у стеклянной двери. Но зато внутри – прохладно. Девушки за стойкой, даже вполне симпатичные, словом, все как всегда. Фонтанчики бьют. И номер приличный, а, главное, кондиционированный воздух и настоящий душ. Спасибо, Господи. А теперь я хочу спать. И мне наплевать на то, какой город я завтра увижу из своего окна.

Спалось мне, несмотря на кондиционированный воздух, паршиво. Так всегда бывает в незнакомом месте, я ворочался, что-то происходило на улице, там кричали, пару раз я просыпался от воя сирен и звона разбитых стекол, но к утру стало тише и сон наконец пришел.

Будильник, откуда здесь взялся будильник, или это охрана сработала? – Я судорожно начал нащупывать револьвер, но, вскакивая с кровати, вспомнил, что нахожусь безумно далеко от Америки. И даже от России. Я потряс головой и окончательно понял, что в моем номере надрывается телефон.

– Алло? – горло пересохло, поэтому голос мой оказался неприлично хриплым.

– Как я рад вас слышать! Поздравляю с приездом.

– Кто говорит?

– Я ответственный за ваш визит в местный филиал «Би-Си-Бай». Вы разве не получили мою телеграмму?

– Какую телеграмму?

– Значит не получили, – голос собеседника упал. – А как вы вчера добрались до гостиницы, без приключений?

– Все было нормально. А почему, собственно, меня никто не встречал?

– Непредвиденные обстоятельства, извините. И еще, вы знаете, похоже, ваше сегодняшнее выступление в филиале компании придется отложить.

– Почему? У меня ведь такое напряженное расписание, я буду жаловаться самому Мургану-старшему! Это безобразия, у меня ни одного свободного дня нет.

– Вы только не сердитесь, – мой собеседник испугался, и, казалось, окончательно расстроился. – И ни в коем случае не выходите из гостиницы. Если вам что-нибудь нужно, я постараюсь помочь.

– Вы мне можете объяснить, что происходит?

– Так вы ничего не знаете? – Ответственный за прием тяжело вздохнул.

– Что это я еще должен знать? У вас что, землетрясение с цунами, как в Стране Восходящего Солнца? Или извержение вулкана, как на этом, как его...

– Нет, нет, все в порядке. Просто имеют место быть некоторые беспорядки, организованные врагами республики. Вы знаете, до чего они отвратительны! Мы здесь ненавидим этих китайцев. Как говорится, незваный гость хуже китайца, – в трубке раздался лающий смех.

– Г- гм... – Точно то же самое я слышал в Сингапуре, только там ненавидели японцев. А перед этим почти точную копию услышанного, перевернутую с головы на ноги, я выслушивал в Токио. Запутался я в этих сложных взаимоотношениях азиатских держав.

– Вы главное, не волнуйтесь. Скорее всего, беспорядки ликвидируют отряды национальной гвардии за день-другой, и все придет в норму. Только умоляю вас, не выходите из гостиницы! И вообще, – голос звонившего вдруг стал истерическим. – Мы не можем к вам добраться. Производство остановлено. Две недели все играли в «Тетрис», потом перекинулось на соседние заводы, и вот, началось! Люди сошли с ума! Я вынужден закончить разговор, прошу вас... – Что-то грохнуло в трубке, похожее на взрыв, и связь прервалась.

– Тоже мне, шуточки, блин, – я, раздраженно потирая виски, подошел к окну, отодвинул занавески, и со своего десятого этажа... Нет, я не обозрел с высоты птичьего полета чужой, незнакомый мне азиатский город. Гораздо хуже. То, что я увидел внизу, напоминало Рим времен нашествия Гуннов. Тут и там стелился дым, внизу горели перевернутые машины. И, О Господи! Лежали люди, вернее, тела. Я насчитал их более десятка, и мне стало не по себе.

Когда-то в детстве я видел документальный фильм: расстрел демонстрации рабочих в Петрограде-Петербурге. С крыши строчил пулемет, а внизу суетились и падали фигурки, похожие на муравьев. Скорее всего, это была подделка, выполненная по заказу Ревкома, хотя, черт его разберет. В одном я был уверен: эти люди, застывшие на мостовой, были настоящими. Еще вчера, или позавчера, а может быть сегодня. Ну да, пока я спал, вернее просыпался, с досадой прислушиваясь к крикам, звукам сирен. Я мирно лежал в своей постели, в прохладном кондиционированном воздухе, пока эти люди умирали. Кого они убивают, зачем? Неужели в гостинице «Хилтон» нет телевизора? Где же моя служба Си-Эн-Эн, они должны быть тут как тут. Как стервятники, слетающиеся на падаль.

Когда в Москве штурмовали Белый Дом, у меня в гостях был очередной мой знакомый, приехавший из Москвы. Мы сидели с ним всю ночь около экрана, а я тогда не мог ни о чем думать: отец работал в соседнем доме, вот в этой подворотне, по которой били автоматные

очереди. Не подкачай, великая служба всемирного кабельного телевидения, но где же телевизор? Ах, вот он, эта коварная тумбочка, открываются деревянные дверцы...

– Мы ведем прямую трансляцию из столицы Исламской республики... Антикитайские настроения, выразившиеся в многочисленных погромах магазинов и предприятий, принадлежащих этническим китайцам... Наши камеры установлены на десятом этаже гостиницы «Хилтон», в самом центре разыгравшихся беспорядков. Сообщают о большом количестве жертв среди мирного населения. Силы общественного порядка пытаются... Политические обозреватели отмечают возросшие анти-правительственные настроения среди восставших. Они обвиняют правительство в про-китайских настроениях, что едва-ли согласуется с радикальным анти-китайским курсом, которого придерживалось правительство Республики на протяжении последних... В Индианаполисе сегодня завершается матч на кубок... «Красные носки» удивили своих болельщиков, выиграв у...

Человечество развивается по спирали. Господи, осточертели мне все с их конфликтами. Я не знаю Китайских богов, равно как и Японских. Их там много, или нет? Свисают с деревьев красные кисточки, воют трубы, нет. Нет, нет, и нет, я не Буддист, не Кришнаит, не последователь Мао, Ленина, Сталина и Пол-Пота. Я даже не Христианин, да и не иудей, хотя я вполне согласен с десятью заповедями. Я просто хочу жить, встречать рассвет, любить любимых мной женщин и детей, плавать в море, работать, при чем здесь религия? Я не люблю мужчин с правильными черепами, у них обычно узко посаженные свинячьи глазки, кислый запах изо рта, и осознание причастности. К чему угодно: к народу, нации, религии, идее, всему что дорого нам и ценно, просто к историческому наследию.

Я запутался в происходящем, а ведь хочется есть. И курить. А курить в номере нельзя. Даже табличка специальная на стене приделана. И сигареты у меня кончились. Разрешают ли законы Республики курить? Того и гляди, однорукий, вращающий белками глаз палач, увидев горящую в моем рту сигарету, взмахнет искривленным янычарским лезвием, и стану я таким же одноруким. Да пошли они все к черту! Все, спускаюсь в ресторан.

В коридоре гостиницы было подозрительно пусто, но лифт все-таки работал. Вот таковы мы, черствые человеческие существа, голодный спазм, возникающий в желудке, пересиливает холодный ужас. За стеклянными дверьми на улице лежат трупы. А я брожу среди пустынных столиков, я здесь сегодня единственный посетитель, исключая разве что розовощекого господина в черном костюме с игривой бабочкой. Он бросает на меня отчаянный взгляд, ему хочется поговорить, но нас друг другу не представили. Правильно, это типичный англичанин. Он вытирает губы салфеткой и открывает позавчерашний «Дейли Телеграф».

– Сколько с меня?

– Двенадцать долларов. – Официант молоденький, с коричневой кожей, загоревшей под местным солнцем. Лицо его белое от страха.

– Да, у вас тут Содом и Гоморра

– Простите, – он непонимающе смотрит на меня, конечно, библейские легенды неизвестны в этой стране.

– Неважно. Скажите, у вас продаются сигареты?

– Извините, – официант становится пепельно-серым. – Магазин в отеле закрыт. Вы же понимаете, чрезвычайная ситуация.

– Что, во всей гостинице не осталось сигарет? А в баре, у вас наверняка есть бар...

– Бегите, господин, бегите, скорее. – официант исчез.

– Да погодите вы, вот деньги. – Я запнулся, потому что стеклянные двери гостиницы превратились вначале в огненное облако, а затем в хрустальный дождь осколков, и вслед за ними в холл ворвалась толпа приземистых аборигенов со стальными прутьями в руках. Они что-то громко кричали на неизвестном языке, и, повинувшись инстинкту, я сполз на пол, спрятав голову под ресторанным столиком.

Как у младенца, учащегося ходить, мир открылся передо мной совсем с иной точки зрения. Ножки столиков были обшарпаны, похоже, бесконечные посетители ресторана били по ним своими лакированными ботинками, дамскими туфельками на каблучках. Прямо передо мной на грязном ковре лежала наполовину засохшая креветка в кровавых подтеках томатного соуса. Ее черные глазки-бусинки светились вечным укором дальним родственникам, вовремя выползшим из океана на берег, эволюционировавшим, построившим города, корабли, рыболовные сети...

– Мистер, – это англичанин, читавший «Дейли Телеграф», тоже поддался страусиному инстинкту самосохранения. – Как вы думаете, они нас убьют?

– Непременно, – я любил английский юмор, от которого успел отвыкнуть в Америке. – Только перед смертью выполняют последнее желание. Какое у вас последнее желание? Я знаю, выпить виски с содовой, выкурить сигару. – В моей голове вихрем пронесли десятки анекдотов. Русский, англичанин и француз...

– Прекратите! Что за идиотские шутки. – Мой собеседник, возмущенно сопя, уполз под последний столик, и я в очередной раз понял, что народные анекдоты – полное вранье.

По правде говоря, мне было страшно. Хотя, по сути, что такое страх? Боязнь боли? Смерти, того, что сейчас все оборвется, песня не спета, ни хрена не сделано. Что от меня останется на этой земле? Три -четыре десятка научных статей, большинство из них никто никогда не вспомнит. Три книжки, ветреные мотыльки-однодневки. Мой ребенок, мечтающий о компьютерных играх. Черт его знает, может быть, что когда-нибудь он вспомнит обо мне, о том, как я носил его на руках, похлопывая по спине, покупал ему мороженое... Нет, не это. Страх – это прежде всего боязнь сиюминутная, физическая, примитивная. Боязнь того, что твоя голова, ведь это представить себе невозможно, кладезь мыслей. Да-да, твоя голова может элементарно расколоться от удара этого металлического шеста. Да что там голова, ведь они могут и живот им проткнуть. Не хочу!!! Уехать, уехать отсюда, куда угодно, Господи, ведь просил я тебя о покое. Ну что тебе стоит? Неужели я настолько провинился перед тобой?

– Всего доброго, – мы дрожали под ресторанными столиками, этот розовощекий англичанин с галстуком-бабочкой, и я, неизвестно кто, уставший гражданин мира.

– Что вы имеете в виду? – Все-таки цивилизация много значит. Мой собеседник брезгливо вытирал салфеткой пятнышко на брюках.

– Я вынужден вас покинуть. – Прислушиваясь к крикам и звону разбитого стекла, я судорожно соображал, что делать. Надо каким-то образом удирать в аэропорт. Но каким? И багаж, багаж, будь он проклят... Нет, надо добраться до своего номера и там попытаться пересидеть беспорядки. Воду, скорее всего, отключат. Электричество тоже. И так, бутылки с минералкой, их, кажется, повстанцы еще не разбили. И на этом столе, около входа, горой лежали булочки. А, будь что будет, – я решительно сдернул со стола скатерть и пополз к буфету.

В гостинице стало совсем тихо, аборигены с железными шестами исчезли, равно как и весь обслуживающий персонал. Убедившись в этом, я перекинул через плечо кулек с водой и хлебом, и решил позвать своего британского коллегу.

– Ну что там? – он недовольно выглянул из-под ближайшего столика.

– Все спокойно. Мой вам совет, запаситесь водой, хлебом, и запирайтесь в номере. День-другой, и все образуется. Си-Эн-Эн передавало, что президент Республики вызвал в столицу элитные подразделения гвардии...

Ах, бедные, отвыкшие от общественных потрясений, мягкотелые подданные западных демократий! Вы выросли в устойчивом обществе. Разве мог уважающий себя Британец представить себе, что послезавтра придет измазанный в саже рабочий и скажет: «Которые здесь временные, слазь! Кончилось ваше время!». А королеву Викторию со всеми ее детьми и принцем Эдвардом пустят в расход где-нибудь в Уэльсе. Разве мог бы он представить себе, что в один прекрасный день будет распущен парламент, палата лордов, всех их

отправят в Гренландию добывать лед... Нет, для переживания социальных потрясений нужен особый талант, иммунитет, приобретенный в течение нескольких поколений.

Так рассуждал я, запершись в своем номере, и поставив бутылки с водой на полу. – Делайте что хотите, режьте друг друга, мой дом-моя крепость. А все-таки хорошие они ребята, эти англичане...

Телевизор не работал, хотя электричество и не думало прерываться. Только на одном канале время от времени появлялась запорошенная шумами картинка. Информационная емкость ее была, тем не менее, близка к нулю – одно из соседних государств крутило боевик со Шварцнеггером в главной роли.

Все-таки странно устроена цивилизация, она гораздо более устойчива, чем нам иногда кажется. Подумать только... Даже в Калифорнии, стоит пройти дождю, как взрываются трансформаторные подстанции, гаснет свет, из крана не течет вода. А тут... Телевизор работает...

Я боялся смотреть из окна. Весь ужас происходящего вдруг начал доходить до меня, нет, вернее, я пытался не думать о том, что творится сейчас внизу, на этих улицах, и вдруг почувствовал, что засыпаю.

Проснулся я от удушливого запаха горячей пластмассы и жженных тряпок. В комнате было темно, влажно и душно, видимо, электричество все-таки отключилось, умертвив источник моей жизни, кондиционированный воздух. На стене полыхал отблеск пожара, игривые огоньки исполняли половецкий танец, искривлялись пламенными струями, отбивали безумную чечетку, переплетались в страстном объятии.

Я подошел к окну. Правое крыло гостиницы горело, и как горело! Все этажи, с первого по сороковой, превратились в пылающий факел. Какая тяга скрывалась в этих перекрытиях, как лопались на моих глазах зеркальные окна, как плавилась, вспыхивая мотыльками, занавески, кровати, синтетические коврики.

При пожаре звоните. Независимо от того, какой международной телефонной компанией вы пользуетесь. Все равно. Звоните! Ноль одиннадцать – гудок означает, что ваш голос преодолел государственные границы Соединенных Штатов Америки, или любого другого государства. Семь. Это код великого и нерушимого, ваши проблемы возникли давным-давно, в одной седьмой или пятой части света. Ноль – девяносто пять. Наконец-то мы дома. Москва – порт пяти морей. Ноль один! Да здравствуют пожарные дружины! Любимый город может спать спокойно. И видеть сны... Что-то там еще было про «среди весны».

-Мы на горе всем буржуям, – Я был захвачен этим зрелищем местной катастрофы. – Мировой пожар... Сматываться надо, ребята. В нашей профессии самое главное – это вовремя смыться...

О, Господи. Серая сумка с рубашками, носками и трусами. Через плечо ее, заразу! Кожаная сумка с интеллектуальным капиталом. Графики, слайды. На шею! Чемодан с меморандумами компании, факсами, финансовыми отчетами. В огонь! Санта-Клаус... Черт бы тебя побрал, попробуй, дотащи эту идиотскую куклу до лифта. О, чудо, работает! Наверняка у них в гостинице есть запасной генератор. Тускло освещенная кабина открылась передо мной, и, стараясь не смотреть на убитого, но скривившегося глупой улыбкой англичанина, навсегда закончившего свой земной путь в углу этого, покачивающегося на стальных канатах, ящика, я отправился навстречу неизведанному.

Ах, как жаль, что нет у меня револьвера. А еще лучше, автомата Калашникова с несколькими сменными магазинами. И на что я надеюсь, глупый, последний акт трагикомедии, верное самоубийство. Такси... Откуда здесь возьмется такси? Только взбесившиеся толпы, а вот и они, легки на помине.

Санта-Клаус, тебе не повезло, твой прах потревожен отныне и во веки веков. Картонный гроб, в котором ты сопровождал меня, разодран в клочки. При виде твоего доброго англо-саксонского лица, белой бороды и непременных очков, толпа озверела, и ты, шарниры, хитроумно спрятанные в твоей руке, электронные схемы, все превращено в груды

обломков. Ну и хрен с тобой, я даже рад, что тебя больше нет. А я бегу, бросив пожитки, только маленькая кожаная сумка с цветными слайдами и книжками больно бьет по ногам. Вся наша жизнь – вот такой же безумный марафон. Мне страшно, Господи. За что караешь ты меня?

Скажите, за вами никогда не гналась толпа, почему-то пытающаяся вас убить? Озверевшая от погони, с искаженными от ярости лицами? А ведь я не умею бегать на длинные дистанции, впрочем, аборигены, кажется, тоже. О чем я думал в эти минуты? Стыдно сказать, в ушах у меня звучала песенка «Почему аборигены съели Кука? Хотели кушать. И съели ...». Мне было страшно, да, я слился с этими отвратительными тротуарами, с этим зловонием, распространявшимся из канализационных решеток. Они будут снится мне, моллюски, осьминоги, содрогающиеся рыбы с вспоротым брюхом, упавшие с разоренных прилавков, гниющие на улицах.

Каждая клеточка моего тела дрожала, глупая дрожь, быть может, смерть не так уж и плоха, особенно в моей ситуации. И представилось мне, что погоня эта символизирует человеческую жизнь: безрассудно, неизвестно каким образом, оказался черт его знает где, а за тобой гонятся никогда не виданные враги. Успеешь убежать – выживешь, не успеешь – попал под колесо истории. Как говорил Карлсон, который живет на крыше: мальчиком больше, мальчиком меньше. Дело житейское... А был ли мальчик?

Вся моя жизнь, вся ее бессмысленность и нелепость вдруг промелькнули передо мной. Вечная гонка, безумие... Много неясного в этой стране. – Я начал напевать песенку Алисы в стране чудес, она помогала переставлять ноги по мостовой. – Можно запутаться и заблудиться. – Даже – мурашки – бегут – по спине – если – представить – что может – случиться... – Где – ждут – желтоли-ицые – черти, подвела – меня-я – дыхалка. – я начал задыхаться. – Господи, помоги мне...

– Булыжник – орудие пролетариата. Источник: учебник Истории СССР, восьмого класса средней школы, утвержден к использованию Министерством Просвещения.. – вдруг произнес спокойный, металлический голос. Готов поклясться, что именно таким голосом читал новости покойный диктор Советского Радио и Телевидения Юрий Левитан.

Ну все, глюки пошли. Вот так, нелепо, погибнуть, ни за что, ни про что, неизвестно где. А... – Я запнулся, вспомнив цветную иллюстрацию. Рабочий, скрюченными пальцами выдирающий булыжник из мостовой. Красное знамя. А вот и булыжник. – Злость вдруг овладела мной. – Первого, кто меня догонит, убью! Вставай, проклятьем заклейменный.

– Зачем убивать, – укоризненно возразил голос. – Необходимо всячески укреплять связи с массами, направлять стихийное, неорганизованное рабочее движение...

– Отстань, идиот.

– Как знаешь, ты же просил меня о помощи. Помни: пролетариату нечего терять, кроме своих золотых цепей.

Бред какой-то. У меня просто предсмертные галлюцинации, говорят, так бывает. Встает перед мысленным взором вся жизнь, эти золотые цепи... Красивые у них побрякушки в витрине ювелирного магазина. А, была не была. Вот вам, буржуины проклятые! – я схватил самый настоящий булыжник, лежавший в маленьком садике. Витрина рухнула, посыпались на асфальт украшения, засвистела сирена, а я, задыхаясь, продолжал бежать вперед.

Преследователи мои отстали, ювелирный магазин был гораздо соблазнительнее уставшего, начинающего лысеть белого чужака, к тому же проявившего неожиданную прыткость ног.

– Мистер, сюда! Скорее! – Меня грубо схватили за руку. – Прыгай, скорее!

– Я вообще-то не мистер, я бывший товарищ.

– Ты, знаешь, что я сейчас с собой сделаю, извращенец? – Это прозвучало в гораздо более оскорбительной форме, да еще с южным акцентом.

– Неужели, – обреченно вздохнул я. – Только не это.

– Ты меня правильно понял. Мне по хрену, понял? – Дословно это опять-таки звучало иначе, многократно упоминалось говно, но смысл я передал верно. – Будь ты хоть русский, хоть даже поляк, хоть ирландец. Я вас всех... – А вот это переводить не было никакого смысла. Что по-русски, что по-английски, фраза эта звучит одинаково.

– Понял, – прошипел я. – Молчу, да здравствует свобода и демократия! И равенство всех наций.

– Ты откуда такой? – брезгливо поморщился военнослужащий.

– Из Калифорнии, – признался я.

– Лучше бы не признавался. Я этих ваших... Миллионеров, и хиппи всяких. Ну, просто ненавижу... Пить хочешь? – гвардеец зевнул, потом вполне приветливо мне улыбнулся и протянул рождественскую бутылку Кока-колы, неизвестно откуда взявшуюся в этом тропическом аду.

– Хочу... Спасибо... Никогда этот приторный символ американской цивилизации, отдающий жженым сахаром, не казался мне столь прекрасным. Черт его знает, каким образом это у них получается, но бутылка была запотевшей от холода, даже покрытой корочкой льда. Сделав несколько глотков и откинувшись на железное днище грузовика, я с сожалением понял, что пришедший из детства узор снежинок, который так часто появлялся на замерзших окнах автобусов, исчезает, превращаясь в теплые, липкие наросты.

Ну вот, если задуматься, все закончилось самым настоящим фарсом. Как в поганом Голливудском боевике, перемежаемом навязчивой рекламой Кока-Колы.

Или, может быть, мне просто повезло? Ведь еще несколько минут назад я из последних сил удирал от стаи возбужденных дикарей. Господи, если спасение мое и Кока-Кола – дело рук твоих, то спасибо. Я обязательно это запомню.

Что-то иронично хмыкнуло в небесах, и тут же в нос мне ударил запах гниющей рыбы, к нему примешивался столь знакомый нашим предкам чад пожаров, сладковатый аромат разлагающихся на солнце трупов.

– Таким он и будет, конец света, – сделал я нехитрое умозаключение. – Совсем не так, как описано в Библии. Не приедет Мессия на белом осле, не спустится с Масличной горы к Западным воротам, тем более, что их замуровали арабы еще в двенадцатом веке. И не восстанут мертвые. И не будет битвы добра со злом, все закончится вселенским фарсом. Новые гунны, дикари. Гниение под ярким тропическим солнцем. Нет уж, моей душе более мила ядерная катастрофа. Полыхнет факел, испарится плоть. Что лучше, сгнить в земле, или кремироваться? По мне, так сгореть, до конца. Чтобы ничего не осталось. Из праха мы пришли, в прах обратимся.

Да здравствуют воплоители мира во всем мире, солдаты национальной гвардии США. Пусть они жуют жевательную резинку, пьют Кока-Колу, ездят отдыхать в Лас-Вегас и не умеют правильно написать собственное имя. Уже давно я не был так рад увидеть покрытое рыжеватыми оспинами лицо американского пехотинца, вооруженного автоматической винтовкой М-16. И даже транспортный самолет ВВС, пересекший границу Республики и приземлившийся на мирном атолле, показался мне неприступной летающей крепостью.

Дела мои плохи. То-ли нервы сдали, то-ли я подцепил какую-то тропическую заразу. А может быть, боженька покарал меня за воинствующий атеизм. Как бы то ни было, руки дрожат, лоб покрывается испариной, и чуть уловимый запах гниющей рыбы преследует меня на каждом шагу. Слизкими моллюсками пропахло самолетное кресло, пластмассовый поднос с завтраком, пластиковый стаканчик с кофе, мои руки, даже ароматизированная мокрая салфетка, которой я тщательно протираю лицо.

Ну, да черт с ним. Я лечу на север. Туда, где дует холодный ветер, где идет снег, или, на худой конец, дождь. Стоит мне оказаться там, и болезнь отступит. Перестанут болеть суставы, снежная пурга ударит в воспаленные глаза, несколько снежинок упадут на лоб и начнут таять, принося долгожданную прохладу. Господи, обещай мне, что я никогда, слышишь, никогда! Что никогда больше я не окажусь в Азии. А особенно, в районе экватора.

Я согласен даже на Землю Императора Франца-Иосифа, Шпицберген, Исландию. Даже Гренландию. Пусть только уносится за крылом самолета тропический океан, исчезают Гималаи, холмы Грузии, Босфор с Дарданеллами. Там, на берегу Северного моря, сев на поезд, закрыв дверь гостиничного номера, я приму душ и оживу. Хотя бы на несколько дней. Все равно, на склоне дней моих я буду чувствовать, что жил не зря.

Глава 17.

Как я хочу раствориться в этом городе, пахнущем осенними листьями, арктическим холодком, рассохшимся деревом, ладаном и старым вином. Только теперь я способен в полной мере оценить очарование, исходящее от кирпичных домов с крюками, мостов, глади каналов, тесноты Амстердамских улочек, и, самое главное, от этого воздуха, льющегося как бальзам, обжигаящего лицо каплями ледяного ноябрьского дождя.

После невыносимой жары и убийственной влажности, трепыхания металлического корпуса самолета, старенький трамвай кажется мерилем цивилизации, унося меня вдаль, тормозя на поворотах, выпуская из-под колес снопы искр.

Когда из подвального, около моста через канал, из окна на уровне тротуара, звучит Моцарт... Когда поет скрипка и ласково журчит, вторя ей, клавесин, я вспоминаю зловещее завывание национального Сингапурского оркестра, грохот барабанов, процессию с испещренными иероглифами знаменами, медленно, как змея, передвигающуюся между домами, покрытыми плесенью, музыку, напоминающую похоронный марш, и мурашки бегут по спине. Нет, не было этого, не было!

Простыни в гостинице со скрипящей лестницей и зловещим комодом восемнадцатого века, источенным жуками, – накрахмаленные. Как будто сбылась детская мечта. Над изголовьем висит картина. Холмы, из-под снега торчат голые, черные ветки деревьев, на горизонте в серое небо уперся шпиль колокольни, поднимается дымок из труб, и люди, люди... Маленькие, как муравьи, они катаются на катке, возвращаются с охоты, тащат на санях вязанки дров. В эту картину можно всматриваться часами. Вот два мальчика около поросшего сухой осокой берега замерзшего пруда, они что-то тащат за собой, ну да, конечно же, это санки.

Господи, как хорошо... Я засыпаю, открыв окно, выходящее на набережную. Нет, так не пойдет, я скоро замерзну, на улице совсем холодно, но дайте, дайте мне этого холодного воздуха, покажите мне огоньки на берегу канала, наполните пространство голосами людей, проходящих по улице в этот осенний вечер, и редкими взвизгами тормозов...

Картина оживает перед глазами. Зимний красный шар солнца садится за горизонт, снег скрипит под ногами, лают собаки вдалеке, дымок вьется, опускаясь на дереушку, звенит колокол, прошел еще один день. Фигурки, передвигающиеся по полотну, их суетливые, словно заснятые ускоренной кинокамерой движения, привлекают меня, и я вдруг снова оказываюсь в тропической республике. За мной гонятся, какой странный город. Реальность и сон смешались в нем, уже не разберешь что к чему. Я знаю только одно: меня хотят убить, убить за то, что я не такой, за то, что я знаю что-то такое, что недоступно моим преследователям, да и просто убить, случайно, как невзначай раздавишь муравья на цементированной дорожке.

Бррр... Как противно пахнет. Рыбой, моллюсками, подгнившими креветками. Так пахнет в Америке в дешевых китайских супермаркетах около рыбного отдела, так пахнет в Азии на грязных рынках. Асфальт набухает, он пузырится черными пузырями, мешая мне убежать от преследователей. Ноги мои тонут в этой липкой субстанции, я с трудом вырываю их из расплавленной мостовой, все, больше не могу.

Прорвало! Из-под земли, посреди сверкающих огнями небоскребов вырываются фонтаны обитателей моря. осьминоги, кальмары, морские котики, тунец, вся эта живая, издающая зловоние эктоплазма бьется хвостами, щупальцами, и чем Бог послал об раскаленный асфальт. Фонтаны взрываются справа и слева, от них не спастись. Мне надо убежать, за мной гонятся племена пролетариев, вооруженных стальными прутьями. Господи, прости меня, я не могу наступить на этих, бьющихся в конвульсии спрутов, я пытаюсь

запахнуть их обратно, в дыру, прорванную силами природы в асфальтовой мостовой, но куда там, за ними из глубин Земли прут другие, словно прорвало нефтяную скважину.

– Мать вашу, – меня тошнит. Руки и ноги не слушаются меня, как когда-то в детстве, кажется, что ноги мои безумно далеко от головы, и я могу в одну секунду достичь края вселенной, прикоснуться к небоскрегам Манхэттена, унести в созвездие Ориона...

Уфф... Все, слава Богу, приснилось. Бред. Кризис прошел, горячий пот пропитал простыни, и холодный воздух приносит успокоение. Болит голова, я с трудом доползаю до душа и долго стою под горячими струями.

Мне пора ехать, причем я сам не знаю, куда и зачем направляюсь. В «Пежо», взятом напрокат по кредитной карточке «Би-Си-Бай», заедает третья передача. Города сменяют друг друга. Кружевная вязь соборов, паперть со слепыми ликами состарившихся резных деревянных святых, мрачный тевтонский рыцарь, выпирающий из стены, как прикованный к скале Зевс. Солнечный свет мягко играет в мозаике, пуская ярко-рубиновые зайчики, игриво пробегающие по лицам молящихся. Поет орган, присутствие осени на этой площади становится очевидным, стоит только посмотреть на ковер желтых листьев, покрывающих брусчатую мостовую, из которой никогда не выковыривал булыжник ни один пролетарий вселенной.

Все холоднее и холоднее становится северный ветер. А древний собор все так же возвышается над площадью. Бесконечные набережные, я заблудился в этих мостах через Рейн. Бредовый вечер, вначале я ужинал, потом, уставший и ощущающий первые признаки болезни, спустился в подземный гараж, и снова началось... Моллюски, раскосые лица, уродцы, химеры.

Мне надо лечиться. Но где я найду врача здесь, в незнакомой стране? Не в больницу же идти. Только под утро приходит облегчение. Когда сплетающиеся в клубок змеи с рубиновыми глазами, акулы, мурены и желтые тропические рыбки с фиолетовыми полосками, наконец собираются в пульсирующий комок эктоплазмы и уползают в бездонную глубину унитаза. Как я боюсь этого белого, с едва заметным желтоватым налетом на стенках, отверстия, служащего незримым каналом связи моего организма с обитателями тропических океанов...

Эти коралловые рифы, в них так хорошо плавать. Если бы не было прохладных акул в этой голубой тишине. Чертов «Пежо», теперь у него не включается и пятая передача. Сильно влияние французской компартии, если не считать красного вина, на качество продукции. Двести километров в час, кажется я уже выезжаю из Германии, сто пятьдесят, сто. Какая-то граница. Никого нет в этой кирпичной будке. Со лба у меня опять течет липкий пот, дорога расплывается перед глазами, «Пежо» чихает, светофоры на каждом шагу. Городок, милый мой, симпатичный, с домиками цвета темного кирпича, дай мне уют! В конце концов, могу я взять отпуск? Я ведь действительно болен, мне опять бьет в нос отвратительный запах рыбьей чешуи, и кажется, что руль покрыт липкой слизью.

Вот и гостиница. Машина моя глохнет – это судьба. Меня опять начинает бить гадкая дрожь. Только одно от нее спасение – джин. Пахнувший можжевельником, впитавший хвойную горечь.

Джин стоит в холодильнике, бутылочка граммов на пятьдесят, ну что же... Лучше меньше, да лучше. Долой тропическую лихорадку. Шаг вперед, два шага назад. И еще, Боженька, пожалуйста, избавь меня на сегодня от кошмарных снов. В этом забытом тобой городке, пожалуйста, дай мне сна.

– Ха, – хаха... -в ушах громыкает хохот, и я, предчувствуя скорый приступ лихорадки, судорожно делаю глоток из бутылочки для лиллипутов.

– Сегодня на Красной площади собрались курсанты, выпускники военных академий. Они приветствуют...

– Здравствуйтесь, товарищи!

– Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза.

– Кгггх... Межконтинентальные баллистические ракеты способны всего за несколько минут. Гррр... достигнуть своей цели... – это наверняка упражняется в дикции знаменитый диктор советского радио и телевидения. – Достигнуть своей цели! – еще более торжественно произносит он. – Тьфу ты черт! Катя, Катюша, селедочку не забудь.

– Выходила на берег Катюша? На высокий? Выходила? – вопрос этот, заданный издевательским тоном, мучает меня, доводя до бешенства.

– Подмоскоро-о-вные вее-чее-ра. – разливается баритон.

Я болен, я знаю. Быть может, я скоро умру. Я родился почти что здесь, по американским масштабам отсюда почти что рукой подать до моего города, столицы пяти морей. А если проехать еще всего каких-нибудь шестьсот километров, триста пятьдесят миль, стыдно сказать. В Америке я покрывал такое расстояние за пять часов. Если встать в шесть утра, сесть за руль, то к полудню окажешься на горном озере, по заснеженным склонам которого катятся тысячи лыжников. А если завтра вот так же встать в шесть утра, сесть за руль чихающего Пежо, то к полудню, быть может, окажешься на гранитных набережных Невы. На Невском застыли кони, в Летнем саду падают такие же желтые листья.

Нет, никуда я не поеду. Утренний свет. На город спустился туман, он врывается в комнату через открытое окно и поглощает копошащиеся фигурки в золоченой раме. В моем номере висит натюрморт. Тонкая кожура лимона, серебряный кубок, усталая жирная рыбина, гроздь винограда. А за окном – зима. Рыбина, и здесь она. Я, будто наяву, ощущаю запах стоялой воды, начинающегося разложения. Виноградины с белой точечкой масляной краски, солнечным зайчиком, исчезнувшим четыре столетия назад, они же навсегда впитают в себя эту гниль.. Уберите!

Ну все, пора вставать. Даже не знаю, расстраиваться или не стоит – это я посмотрел на себя в зеркало. Лоб мой, несмотря на прохладу, покрыт испариной. Виски стали седыми. Вокруг глаз – морщины. Щетина покрывает щеки и губы. В последний раз моя борода отрастала до такой же степени небритости во время картошки на втором курсе Института. Господи, я же тогда был совсем молодым. Теперь борода предательски светится сединой.

Ну что же, я почти что выспался. Душ, выбриться, еще раз горячий душ, завтрак, яйцо всмятку, ветчина, кофе...

Я возвращаюсь в номер. Опять испарина, душ... Кажется, лучше стало... Как хорошо... Я вылез из-под горячих струй, вытерся полотенцем, и спустился на улицу. Из рта туманными струйками вырывался пар. По узким улицам шли серые слоны, виляя своими толстыми, сморщенными задами, их хоботы терялись в тумане, а турки, высыпавшие из подъездов, смотрели им вслед.

Я болезненно поморщился и изо всех сил ущипнул себя за руку. Нет, хотя слоны гораздо лучше осьминогов. А все-таки, я зря радовался, выздоровление души и тела не приходит само собой.

– Циркус, Циркус! – жизнерадостно скандировали турки.

– А, – я облегченно вздохнул и закурил сигарету. – Все в порядке, это цирк, у них здесь запросто по улицам ходят слоны, и их много. Еще говорили, что Россия – родина слонов. Чуть собачья, но мне уже все равно, я слишком устал. – Я почему-то успокоился, даже обрадовался, потом поднялся в свой номер и снова лег спать. «Россия, Россия, Россия – родина моя» – пела народная артистка бывшего СССР, слоны уходили за линию горизонта, и я почувствовал, что вместе с ними уходит мой бред. Моллюски, порожденные моим воспаленным мозгом как-то терялись по сравнению с вполне реальными серыми громадинами, на спинах которых таял первый снег, неторопливо падавший на готические улочки старого города.

Разбудил меня, как и всегда, телефонный звонок. Нет, все было в порядке, меня не хотели убить, просто вежливо осведомлялись о том, желаю ли я остаться на еще один день. Еще один день, еще одна ночь. Бред больше не возвращался.

Я открыл окно, прислушиваясь к мирным, городским звукам. Наверное, такое же блаженство испытывали солдаты Британской армии, возвращаясь из Индийских колоний. Вместо переплетенных лианами джунглей, слонов и тигров, перед ними светились газовые фонари Пикаддили и Букингемский дворец, как тут не свихнуться.

Где я, собственно, нахожусь? До Германии три километра, ах, это трогательно. Что за глупая шутка? Мне кажется, что я узнаю этот город, эту ратушную площадь, этот собор, даже это кафе с высокими стеклянными окнами. Вот и говорите после этого про переселение душ. Не узнаю я только скульптуру, нависшую над зданием городского театра, и разноцветную скамейку, на которой сидят бронзовые инопланетяне.

Вот ведь как забавно, чем более развито общество, тем более культура его становится символической. В этом городе скульптура женщины обладает непропорционально длинными ногами, огромным задом и протянутыми струнами рук, ни дать – ни взять, рисунки на стенах пещер каменного века. То-ли дело, у нас, на бывшей родине, гипсовые, с налитыми грудями труженицы в платке с обязательным веслом или со связкой колосьев. А в Америке? В моем любимом университете стоит скульптурная композиция, совершенно советского вида женщина в ситцевом платье протягивает руки к младенцу, младенец тянется к мускулисту мужчине в военной форме, в каске и с автоматом в руках. Не обращая на них никакого внимания, два низкорослых азиата нажимают на клавиши устаревшего компьютера, вытаскивая из его глубин бронзовую, бумажную ленту. В небе реет металлическая чайка, на которую внимательно смотрят работники полей и огородов в бронзовых мексиканских сомбреро...Но, черт возьми, как грациозна эта местная стилизованная женщина с длинными ногами и неандертальским задом.

Я нащупал в кармане пачку сигарет. Спасает ли табак от тропической лихорадки? Черт его знает. Откуда же все-таки пришло ко мне это странное чувство, что я когда-то здесь жил? И почему я как одержимый колесил по Европе, пока не добрался до этого городка? Каприз уставшего мозга? Последствия болезни? Или, может быть, провидение?

Не знаю, и знать не хочу. Самое главное, что я, кажется, выздоравливаю. По крайней мере есть хочется ужасно. Как вкусен в Европе хлеб. Как ароматен и крепок кофе.

На площади кипит рынок.

– Саня, яблоки покупай! По три гульдена ящик.

– Да ну их на хер, Петька, лучше в магазин пойдем.

– Ты совсем, Санек, охренел. Там одни тряпки. Бери яблоки, а я селедку поищу. Говорят, десять штук за два пятьдесят отдают.

О, Господи. Бывшие мои соотечественники, и здесь вас видимо-невидимо. Заманчиво шипит на углях колбаса, пузырящаяся своими взрывающимися боками.

Бушует рынок, рыбьей чешуей покрыт асфальт, усатый торговец кровожадно швыряет сырые шмоти в кипящее масло, брусчатая мостовая содрогается, бьют часы на ратушной площади...

Когда-нибудь, если я вдруг разбогатею... Мне самому смешно от этих мыслей. Что такое «разбогатею»? Для меня это означает, что я смогу приехать в этот город, купить маленькую квартиру, выходящую окнами на любимую мной площадь, и буду каждый день пить кофе в маленьком кафе с огромными окнами, в которых отражается древний собор.

Пожалуй, что мечта моя несбыточна. Мои русские, израильские и американские паспорта никогда не сделают меня своим в этом городе. Русских здесь ненавидят, израильтян терпят, американцев презирают.

Ну что же, еще один день свободы, и пора возвращаться. Хотя, видит Бог, мне этого совершенно не хочется.

С каждой минутой Европа отдаляется все дальше. Этот грустный факт действительности подтверждает жирная траектория, нарисованная на экране телевизора. Мы летим над Гренландией, потом над Гудзоном и землей Королевы Виктории. Рядом со

мною сидят два рыжеватых крестина, отнюдь не лучшие представители европейской цивилизации. Вот уже несколько часов подряд они хлещут пиво, джин, водку и курят самокрутки. От них пахнет перегаром и потом, они гогочут, перемежая взрывы смеха с кисловатой пивной отрыжкой. Даже мой китайско-американский сосед по квартирному комплексу, при воспоминании о котором я еще несколько месяцев назад начинал материться... Он вечерами разучивал гаммы на электрическом пианино, и сейчас неожиданно вызывает у меня приступ самой что ни на есть поганой, наихудшего свойства ностальгии. А радиостанции? Каждое утро, судорожно лавируя между машинами, пытающимися вырваться на автостраду, я слушаю Моцарта. Передача так и называлась: Моцарт во время утренних пробок...

Нет, это ностальгия не по России, и тем более не по Калифорнии. Это – самая страшная на свете ностальгия, тоска по жизни, которая, кажется, исчезла навсегда. Это – вселенский недостаток нормального смеха, свободы, пустынных залов музеев, маленьких кинотеатров, тоска по запаху настоящего кофе.

На этот раз никаких авиакатастроф нам не показывают. Как я и ожидал, на экране летает похожий на летучую мышь несбиваемый Батман. Молнии, небоскребы, сумасшедший злодей. Мне это зрелище напоминает горький анекдот: Моросит осенний дождик. Видавшая виды крыса с разорванным в схватке боком и обкусанным хвостом плетется по склону грязной канавы, за ней бежит худенький крысенок с пробивающимися усиками-вибриссами, смотрит вверх, в неприветливое серое небо, и вдруг видит летучую мышь. – Мама, – возбужденно кричит он ей, – смотри, мамочка – ангел летит!

Как бы то ни было, еще каких-то полтора часа, и я окажусь в светящейся огоньками долине. Забавно, даже в голове не укладывается – я совершил кругосветное путешествие. Улетал я отсюда на восток, в страну восходящего солнца. Возвращаюсь я с Запада, в который перетек Восток. И лечу все дальше, черт его знает куда, скорее всего на Дикий Запад.

Вот она уже видна на зеленоватом профиле Северной Америки, эта долина. Здесь моя деревня, здесь мой дом родной. Так сказать, малая родина. Здесь хулиганит в школе мой сын. Здесь меня хотят убить за скромную по калифорнийским понятиям сумму в тридцать тысяч долларов... Вот самолет уже пересек канадскую границу. Вот уже Скалистые горы сменились пустыней песчаного цвета.

А это значит, что я все-таки возвращаюсь домой.

Глава 18.

– Наш самолет совершил благополучную посадку в аэропорту Сан-Франциско. Просьба к пассажирам оставаться на своих местах до полной остановки самолета. Во избежание травм, пожалуйста...

– Ну хорошо, все кончено, и будь что будет, – я встал со своего кресла. Я миновал застекленные коридоры аэропорта, напичканные ядовитой химией ярко-зеленого цвета фонтаны, выстоял очередь перед транспортером, и позвонил сыну.

– Малыш, как дела? – Я с облегчением услышал его детский голосок и неожиданно для самого себя почувствовал, что вот-вот заплачу.

– Нормально, – он уже разговаривал с акцентом. – А почему тебя так долго не было? Я хотел, чтобы ты купил мне электронную игру. А ты в Сакраменто был?

– Нет, в Сакраменто я не был. Но зато был в Японии, в Сингапуре, в Индонезии... И хрен его знает, где еще...

– Ладно, мне сейчас некогда, мама ужинать зовет. Когда в следующий раз поедешь, возьми меня в Сакраменто, обещаешь?

– А... А почему тебе туда так хочется? Ты что, Джека Лондона начитался?

– Нет, а кто это? У нас в классе есть такой смешной мальчик, Джонатан. У него бабушка живет в Сакраменто. Там построили такой большой торговый центр с игровыми автоматами...

– Я люблю тебя, малыш, – я повесил трубку.

Ну что же, каникулы закончились, я снова предоставлен самому себе. Пройдя сквозь ряды таможенников, и ответив на их стандартные вопросы, я непроизвольно съеживаюсь, уворачиваясь от тысяч встречающих.

И получаса не прошло, как появляется фургончик, развозящий уставших пассажиров к парковкам. Боже всемогущий, тысячи долларов хотят они с меня, и всего-лишь за то, что моя машина пылилась под Калифорнийским небом в течение пары месяцев. Ну что же делать, на то и существуют еще не исчерпавшие своих возможностей кредитные карточки.

– Аааа! – рычу я. – На моем автомобиле зияет вдавленный внутрь бок, так что дверь не желает открываться. При попытке выехать со стоянки, я обнаруживаю, что колеса машины выписывают кругали по асфальту, словом, ездить на моем средстве передвижения теперь непросто.

– Мистер, это безобразие! Вы разбили мою машину.

В окошке появляется усталый представитель народов Азии.

– Ваши права, – он смотрит на меня горящими глазами, из-под растрескавшихся губ появляются клыки, и я к своему ужасу обнаруживаю, что служащий парковки – однорукий. К тому же, он, похоже, брат-близнец своих индонезийских коллег из восставшей исламской республики. – Мы не несем ответственности за транспортные средства, статья четырнадцать пункт два гражданского кодекса штата Калифорния, приложение одиннадцать дробь тридцать четыре А от пятого двенадцатого семьдесят третьего и ...

– А, черт с вами! – Я выбегаю на улицу и открываю багажник. Ну что же, револьвер все еще лежит там, и все патроны целы. Надеюсь, до дома доеду.

Почтовый ящик переполнен конвертами. Из пришедших мне счетов, больше половины я просрочил. Никогда больше в этой жизни я не смогу купить автомобиль, получить ссуду, снять квартиру. Моя кредитная история испорчена раз и навсегда. Туда ей и дорога. Теперь самое главное – что ждет меня в моей комнате. Вспоротая кровать, подушки, разодранные корешки книг?

Нет, все спокойно. Дверь заперта, мигает красным глазком телефон, похоже, во время отсутствия в доме выключали электричество. Ну и ладно, это даже к лучшему, теперь я никогда не узнаю, какие сообщения были оставлены мне на автоответчике.

Спать, спать. У меня даже нет никаких сил залезть в душ, какая разница, постельное белье все равно придется стирать. Вечерами жители многоэтажного дома начинают готовить ужин, и чад вырывается через вентиляционную решетку и оседает на кровати, телевизоре, электронном органе, на всем, что находится в этой комнатухе, покрывая поверхности липкой пленкой жира. Идиотская конструкция, дай бы мне этих инженеров, я бы оторвал им и руки, и ноги. А еще лучше – головы. Тупые, лысые и поросшие курчавой шевелюрой вместилища убогого серого вещества.

Ну что же, иллюзорная устойчивость бытия спустилась на меня с небес. Вернее, я спустился с небес, приехал домой... Если я сейчас не посплю, хотя бы часа два или три, мне будет совсем плохо.

И звонит этот надрывный телефон, как я его ненавижу.

– Алло? – Я готов, как омар, сваренный в кастрюльке. Делайте что хотите, я более не в силах сопротивляться.

– Алекс, – вы вернулись, – голос женский, вкрадчивый, это секретарша из «Би-Си-Бай». – А почему же вы не заехали на работу? Вас все ждали.

– Я устал, я сейчас не в состоянии никуда ехать. Перемена часовых поясов, десинхронизация, и все прочее.

– Прекрасно. Как прошла поездка?

– Просто изумительно! Меня чуть не убили, в последнюю минуту эвакуировали пехотинцы на самолете ВВС США.

– Замечательно! Мы все молились за вас Христу, и так рады, что он вам помог...

– Вы знаете, не хочу вас расстраивать, но я не верю в вашего бога.

– Как? Вы неправы, не может быть, чтобы...

– После посещения Исламской республики я стал убежденным мусульманином.

– Кхх. – Голос секретарши из прочувствованного стал холодно-официальным... Вы извините, не хочу вас беспокоить, но надеюсь, вы сможете привезти Санта-Клауса завтра к семи утра в экспо-центр? Начинается крайне важная выставка, и Джон Мурган...

– Кукла пала смертью храбрых.

– Что? Что вы сказали?

– Санту разодрали на мелкие кусочки возбужденные пролетарии Юго-Восточной Азии. И если бы не морские пехотинцы США, те же пролетарии разодрали бы на мелкие кусочки и меня. Вы довольны, надеюсь?

– Какой ужас! – Секретарша замялась. – Соединяю с Джоном, пожалуйста, соблюдайте приличия.

– Алекс! – Дребезжащий старческий голос, усиленный микрофоном, скрипел в трубке. – Что я слышу? Санта-Клаус уничтожен?

– Да, Джон, ему не повезло.

– Сынок, послушай меня, – ласково произнес мой собеседник. – Это тебе не повезло. Ты не смог сохранить символ твоей компании. Санта Клаус – это для нас как... – Он запнулся. – Как боевое знамя. Ты не справился с возложенным на тебя заданием! К тому же я просмотрел твои счета, ты слишком много потратил на гостиницы, парковки автомобиля и обеды в ресторанах. Да я в свое время каждый цент считал!

– Идите вы все к черту! – Я потерял самообладание. Я чуть не лишился жизни!

– Что! – В трубке завизжало.

– Я подаю на Би-Си-Бай в суд! У меня есть знакомый адвокат, он так представит это милое местечко перед комиссией сената... А в местной газете появится весьма ироничная статейка про то, как сотрудников компании с риском для жизни посылают в кругосветные командировки...

Телефонная линия разъединилась. Все, теперь я, наконец, усну. Кажется, даже наверняка, моя работа в славной корпорации закончена. Смех, да и только. Я ведь мог с тем же успехом бросить все к чертовой матери еще на пол-пути...

И снова зазвонил телефон. Нет мне покоя на этой земле, Господи. Ты же сам придумал сон, так дай мне возможность погрузиться в мерцающий полубред.

– Алло? – Я уже ничего не соображал.

– Ага, приехал все-таки, слоняра паршивая. – Мишка хрипло засмеялся. – А я уже думал, что ты в Китае политического убежища попросишь. Все-таки свои, родные, коммунисты-маоисты. Кто более матери-истории ценен? Мы говорим партия – подразумеваем Мао.

– Ах, это ты, мерзавец, – простонал я. – Слушай, я Маяковского терпеть не могу. Это, в общем, у меня наследственное, а в частности именно сейчас я спать хочу, с меня хватит событий на сегодня. Меня, кажется, только-что с работы выгнали. И убийцы вот-вот доберутся.

– Спи, спи, только не пей больше. А то тебе не то что убийцы, розовые слоны померещатся.

– К твоему сведению, слоны – животные серые, со сморщенными задницами, исчезающие в тумане среди домов с черепичными крышами и готическими сводами. И это – чистая правда. Ты когда-нибудь видел, как под их ногами тает первый снег, а турецкие янычары без сабель и замотанные в шелка женщины востороженно кричат им вслед?

– Да ты совсем рехнулся, свинья! У тебя уже белая горячка, ей-Богу! Хочешь я к тебе приеду? Или, еще лучше, приезжай ко мне, мы тебе постелим. Накормим, жена все переживает: как ты там. Вот, щи даже сварила из кислой капусты, и где она только ее нашла, лахундра!

– Не паясничай. Я гораздо трезвее и нормальнее всех вас вместе взятых. И живее всех живых. Как дедушка Ленин. И глаза у меня такие добрые... А слонов я видел этими самыми глазами, впрочем, не в этом дело. Дело в том, что когда на город опускается снег, даже вывески исчезают в небытие... Светятся окна, а снег падает, падает... Скажи лучше, у вас тут все нормально?

– Нажрался ты, что-ли? Ты только погоди, не вешай трубку. Я хочу тебе сообщить пренеприятнейшее известие.

– Ну, что еще стряслось? – Я начал просыпаться.

– За два месяца твоего отсутствия, книжек продано больше тысячи штук, они как взбесились, закупают как те самые апельсины, бочками. Все как с ума посходили, я тебя проклял полторы тыщи раз, тебе там, в Сингапуре, не икалось?

– Икалось, еще как икалось, – мрачно констатировал я. – За мной гнались аборигены с металлическими прутьями, но, к счастью, не догнали. А я, изменившимся лицом, как та графиня, бежал. Не дай Господь кому-нибудь из вас пережить все это дерьмо... Погоди, что ты сказал?

– Повторяю: книжки твоей больше тысячи экземпляров разобрали, оборвали телефоны. Словом, ты заработал восемьдесят пять тысяч жирных, зеленых, американских полновесных баксов. До налогов, конечно. Твои дегенеративные соседи, живущие на социальном обеспечении, уже потирают свои ручонки и дружно говорят тебе спасибо от имени всего народа Соединенных Штатов за тридцать кусков, которые ты им всенепременно подаришь.

– Черт возьми! – Внутри у меня тихонечко зашевелился огонек сдерживаемого восторга. Нет, мне конечно все это снится, так не бывает... Нельзя радоваться прежде времени, вот проснусь, и тогда... – Извини, я сейчас, – в трубке раздался гудок, извещающий меня о том, что кто-то дозванивается мне по параллельной линии.

– Алло? Алло?

– Папа, я хочу электронную игру. – мой непутевый сын никак не мог успокоиться.

– Я сплю, бессовестный, эгоистичный ребенок! Принеси мне оценки за четверть, тогда будем разговаривать.

Скорее, скорее, если даже все это мне снится, пусть Мишка хотя бы во сне еще раз подтвердит приятное известие... Я нажал на кнопку телефонной трубки, и в ней снова загудело.

– Алло?

– Алекс! – это каким-то странным образом в разговор снова встряла секретарша Джона Мурмана. – Я крайне сожалею, вы уволены с завтрашнего дня. Как вы могли, – она зарыдала. – Вы чуть не довели Джона до инфаркта.

– Так довел или нет? – я со злорадством вспомнил старого большевика.

– Как вы можете! Он выпил три таблетки нитроглицерина...

– Да ну вас, очень жаль, и идите к черту, – я машинально сжал револьвер в руках. Только осознание того, что стены, отделяющие меня от соседей, сделаны из тонкой фанеры, удержало меня от кровожадного импульса.

– Как вы можете так говорить, – секретарша зарыдала. – Господин Мурман так щедр, он выписал вам премию за уход, треть годового оклада. Только умоляю Вас, – голос ее стал грудным, – не подавайте на компанию в суд. Вы так расстроите Джона, он относился к вам почти как к своему сыну... К тому же, премия в таком случае станет недействительной.

– Передайте ему, чтобы он... А впрочем, пусть не беспокоится. Спасибо за деньги. Я не буду судиться, – Я переключился на линию, по которой мне звонил Мишка.

– Ну что там? – Мишка зевнул.

– Меня все-таки уволили. Но выписали премию за уход. Солидную, прямо скажем.

– А, ну что же, неплохо. Значит, слушай, дружок, хочешь или нет, но восемьдесят тысяч – твои. Умнейший человек современности, отец русской демократии, сукин сын!

– Признайся, я сплю... И все это – сон. А то просыпаться будет обидно.

– Как знаешь, но с тебя теперь дорогой французский коньяк. А лучше бы уж армянский раздобыл...

Шумит в ушах, блекнет яркое солнце, бьющее в окно. Я все-таки сплю, несмотря ни на что. И поют с небес трубы ангелов, и хрустят листья под копытами лошадей, и спускается багровый закат на холмы, поросшие дубами, и поднимается дым из кирпичных труб, и слышен вдалеке звук охотничьего рожка... И как хорошо, как бы я хотел остаться навсегда в этом сне, но снова звонит этот проклятый телефон... Ну зачем, что же они все, взбесились, что-ли?

– Алло? – Мне было уже все равно, пусть звонят работодатели, друзья, дети, наемные убийцы, любимые женщины, в данный конкретный исторический момент я умираю. И если я не...

– Саня! – Зычный рев Сереги в очередной раз пробудил меня. – Прилетел все-таки! Молодчина, а ты знаешь, у меня для тебя сюрприз.

– Серега, – из последних сил прошипел я. – Я люблю тебя, равно как и все живое. Я устал, Сережка, не могу больше, извини. И сюрпризов никаких не хочу и не люблю. Отключаюсь. Позвони мне завтра, ладно?

– Нет, погоди! У меня же настоящий сюрприз! Можно к тебе заехать? – Голос его дрожал от наслаждения.

– Если проснусь, – троллейбусы, облетевшие деревья, грязные тротуары, трамваи, извержения вулканов, несущаяся за мной толпа дикарей, разорванный на мелкие кусочки Санта-Клаус, тусклый салон самолета... Все. Я приземлился...

– Ну кто там еще? Открываю. Сейчас...

– Саня! – Сергей закусил свисающий с губы ус.

– Серега, – обнял я его. – Друг мой любезный! Ты знаешь, для того, чтобы описать все то, что я пережил за последние месяцы, понадобится ящик коньяку, два блока сигарет и полное спокойствие в течение полутора недель.

– Как знать, как знать, – загадочно улыбнулся он. – Оп-ля-ля! Таинственный принц финансовых корпораций, арестант тюрем среднего востока, чревоугодник и иллюзионист, знаменитый и непревзойденный Андрей Бородин! Аплодисменты! Аплодисменты, господа.

– Ой, Серега, ну чего ты устроил, неудобно даже. – Андрей закашлялся. – Саша, родной ты мой, прими от меня вот этот куст! – Он протянул мне огромный горшок с каким-то хвощом угрожающего вида, покрытым зубастыми, ядовито-фиолетовыми цветами.

– Поздняя осень. Грачи улетели. – неожиданно для себя самого процитировал я. – Только несжата полоска одна. Что же ты, мерзавец, все время какие-то хвощевые папортники даришь? Да ты знаешь, что мне пришлось из-за тебя пережить, засранец, хотя я тебя и люблю, скотину, ты хотя бы понимаешь, что...

– Саша, я понимаю, я не оригинален. Извини ради Бога, ты даже себе не представляешь, в какой переплет я тогда попал!

– Конечно, я все знаю. Наркотики?

– Да какие наркотики, не кололся я, клянусь, только травку иногда потягивал. Я, честно говоря, выпить больше люблю. Это наше, исконное, русское.

– Но ты все-таки объясни мне, какого черта ты растратил двадцать тысяч баксов?

– Ох, – Андрей схватился за голову. – Я, натурально, скотина. Но ты понимаешь, как оно все неловко получается в этой Америке? Ты помнишь, я тебе выслал две штуки?

– Помню, – неуверенно буркнул я, слишком уж давно все это было.

– Так тем самым вечером мне выпить захотелось, зашел в бар, взял кружку пива, а бармен, сволочь, на меня в полицию настучал. Я, конечно, неправ, смешал с виски. Ты когда-нибудь пиво с виски пил? Жуткое сочетание. Ну так вот, представляешь, только я вышел на улицу, стоит полицейская машина с выключенными фарами. Мне бы уйти, дураку, а я тихонько за руль сажусь, думаю, вдруг не заметят. И все, не успел даже отъехать, как голыми руками повязали. Права отобрали, заковали в наручники. Залог в двадцать тысяч, хочешь – вынь, хочешь – положи!

– Черт бы тебя побрал, – я уже не мог на него сердиться.

– Да чего ты кипятишься, извини ради Бога, я же никак не мог с тобой на связь выйти. Ты не волнуйся, я специально приехал, вот. – Андрей залез растопыренной рукой в карман своих засаленных джинсов, долго шарил там, и наконец извлек вытертый банковский чек, покрытый жирными пятнами и кровавыми брызгами. Глубоко надеюсь по сей день, что это был кетчуп. – Вот, двадцать пять тысяч зелененьких, прошу любить и жаловать, и еще, прости меня ради Бога!

– Откуда у тебя деньги? И почему двадцать пять?

– Да понимаешь, мне так неловко. Пять тысяч – это за нервы. А вообще-то все это – долгая история. Мне даже ее рассказывать как-то неудобно.

– Да нет уж, валай.

– Ну, значит, вначале я операционную систему писал. Ты слышал, из-за нее теперь жуткий скандал, компанию судят. И система-то хреновая. Я хотел в нее «Тетрис» вставить, но...

– Слушай, извини, что я тебя перебиваю, а в осциллографе, если нажать на две крайние правые кнопки, там, говорят, тоже «Тетрис» идет. Твоих рук дело?

– Все-таки вычислили, – вздохнул Андрей. – Ну надо же, никуда не скроешься. Ты понимаешь, такое дерьмо у них и железо, и программы, мне скучно стало, и вот... Всего-то пару ночей потратил. А потом меня уволили, но программа так в памяти и осталась...

– Ну, все понятно. – Мне стало смешно и грустно одновременно. – Кто знает, быть может от этого «Тетриса» в одной милой исламской республике началась бойня. Впрочем, это неважно. Так все-таки, как ты деньги заработал?

– Это потом, через пару месяцев, компания, в которой я после тюрьмы работал, в гору пошла. Акции, опции, туда-сюда, ты себе даже не представляешь. Ладно, бери... – Андрей с некоторым сожалением посмотрел на чек.

– Спаси тебя Бог, мерзавца! – Эмоции прорвались наружу, и, схватив Андрея за плечо, я зарыдал, прижав его к своей груди. – Ты мой ангел-хранитель. Благодаря твоим аферам, я обрел новую жизнь, еще не знаю какую, но мне почему-то верится, что она будет светлой, осмысленной...

– Только не раскачивай меня, пожалуйста, – Андрей поморщился. – Извини, нехорошо мне после вчерашнего... Особенно, когда ты про осмысленность нести начинаешь. С души воротит...

Гости мои исчезли, во избежание излишних переживаний я выключил телефон. Все! Я умер. Меня нет! К тому же, я сказочно разбогател. Всего за одну ночь... И безо всяких летающих тарелок, мафиозных структур, новых русских, сушеных осьминогов... Мне теперь не страшны даже мои преследователи, в конце концов, я отдам им эти проклятые деньги и забуду обо всем этом кошмаре.

Впервые за много месяцев я вдруг почувствовал себя спокойным и уверенным. Бытие определяет сознание, правы были длиннородые дедушки Маркс и Энгельс. Когда у собаки сосиска в желудке... И я блаженно заснул, улыбаясь неизвестно кому.

– Проснись, проснись же ты, ведешь себя как ребенок, честное слово!

– Кто здесь, – я вздрогнул, и, увидев бабушку, облегченно потянулся. – Ах, это опять ты. Обязательно надо было меня разбудить, в кои веки собрался выспаться, облетел вокруг земного шарика, чуть не сошел с ума...

– Подумаешь, – бабушка презрительно скривила губы. – Нашел чем бахвалиться. Полетал бы ты так, как мне иногда приходится...

– Все относительно. А я все-таки рад тебя видеть. К тому же, я горд собой, можно я все-таки похвастаюсь?

– Типичное проявление нарциссизма. – Бабушка поджала губы.

– Да будет тебе. Ты хотя бы знаешь, в каких переплетах я побывал?

– Знаю. Но должна расстроить тебя. Все только начинается.

– Час от часу не легче! – Я приподнялся на кровати. – Послушай, не надо вот этих мрачных прогнозов, я их ненавижу.

– Устала я. – Бабушка присела на кровать. – Ну и жара у вас, как вы только выдерживаете?

– Послушай, только не обижайся, я ужасно хочу спать.

– Нет уж, выслушай меня! Я не так часто с тобой вижусь. Ты совершенно непригоден к этой жизни!

– Ни хрена себе! – Я возмутился. – Я получал в полтора, а то и в два раза больше окружающих. Книжку написал, тысячу экземпляров раскупили за два месяца, этого что, мало? Да я сейчас с долгами расплачусь! Найду новую работу, и...

– Материалист несчастный! Книжку он написал... Работу он найдет... Думаешь, лучше будет?

– Сомневаюсь, – мрачно согласился я.

– И потом, неприспособленность к стране, к нравам, к эпохе – она в душе. А душу ничем не изменишь. Не место тебе здесь.

– Бред какой-то. Я такой же, как и все остальные. А если даже и нет, ну и что? Прожил же тридцать с лишним лет, чего тут расстраиваться. И деваться мне некуда, – Я зевнул. – Да ну эти разговоры на фиг, лучше расскажи о себе... Куда ты там летаешь... – Все попыло у меня перед глазами.

Утро, ключья тумана... А я все-таки выспался, ночная беседа с духами – сущая чепуха по сравнению с приступами тропической лихорадки. Как же все-таки прекрасна жизнь! Сопя, я начал выписывать чеки. Ах, сладострастная расплата с кредиторами... Я отнес толстую пачку конвертов к почтовому ящику, впервые за много месяцев вдохнул свободно и ощутил прелесть существования. Хотелось есть, наконец-то я могу не экономить... И не бояться...

Но что это? У торца здания стоял припаркованный «Кадиллак» черного цвета. На таких машинах ездят нефтяные миллионеры из Техаса, или древние старушки, обладающие солидным состоянием. Нет, ни те, ни другие в нем не сидели. Из «Кадиллака» на меня пристально смотрели два русских мужика.

Я до сих пор удивляюсь: что уж такого особенного в нас, почему выходцев из России любой национальной принадлежности можно безошибочно определить в любой толпе? Первое время я думал, что дело в одежде. Рубашечка с надписью «Москва» на нагрудном кармане, стоптанные туфли. Нет, прошло уже много лет, и бывшие обитатели империи давно одеты во все импортное, начиная с нижнего белья, и заканчивая верхним.

Может быть, дело в испуганном выражении лица, вжатым в плечи шее, облысевшей голове? В прическе? Нет, скорее всего, дело в глазах, вернее во взгляде. В движениях рук. В закатанных рукавах. В форме плеч. В мешках под глазами. Одним словом – мистика...

И почему, собственно, я должен отдавать им деньги? Господи, как я устал бояться. Ты же меня понимаешь. Бодрые, розовощекие римляне схватили тебя, заломив руки за спину. Неужели ты сам еще веришь в эти нелепые проповеди? Если тебя ударили по щеке, подставь другую... Папа был другим, он не прощал врагам ничего, и правильно делал. И я не прощу. Око за око, зуб за зуб!

Ну что же, включаем систему охраны, кладем рядом револьвер.

Раздухарился, тоже мне, как петух перед наседками. Что это за воинственность на меня нашла? Господи, кого хочешь покарать – лишаешь разума. Я просто отдам им деньги, вот и все... И сладкие мечты уже окутали сознание, но телефон все-таки зазвонил.

– Ну чего, приехал наконец? – Я сразу узнал этот голос. – Мы тут тебя уже обыскались. Нехорошо, нехорошо. Предупреждать надо.

– Да, я извиняюсь, срочная и длительная командировка. Ничего не поделаешь.

– Значит, слушай сюда. С тебя триста тысяч.

– Сколько? – я почувствовал, что не могу проглотить слюну, и вообще нахожусь в состоянии гадкого оцепенения, как во сне. А может быть, это сон? Я ущипнул себя за руку. Нет, не похоже. Не мог же мой вклад в копилку криминальных структур возрасти в десять раз? Такого уровня инфляции я не ожидал.

– А какого хрена ты удивляешься? Вы же с дружкой своим целый миллион с азиатов слупили, что, думали не докопаемся? А мы все знаем. И ведь еще скрыть хотели, говнюки, да за одно это надо вас порешить, чтобы другим неповадно было.

– Да не было у меня никаких денег, клянусь!

– Все так говорят. А потом, когда к стенке прижмешь, под лезвием такие поэмы рассказывают... Короче, где твой дружок?

– Я про Макса ничего не знаю, клянусь, не видел его уже несколько месяцев.

– Вывернись наизнанку и найди его, тогда мы от тебя отстанем. Или деньги возвращай, а не то тебе крышка. На этот раз окончательная. За такую сумму, сам понимаешь...

– А как насчет тридцати тысяч? Их я могу отдать, хоть сейчас, только оставьте меня в покое. – Я сам себе стал противен.

– Чего ты там несешь? Да, видимо придется нам с тобой как-нибудь поговорить поинтимному, с глазу на глаз... – мой собеседник хрипло усмехнулся. – А то ты, парень, ни хера не соображаешь. То у тебя тридцати штук нет, то ты их хоть сейчас отдать готов. Наследство получил, что-ли?

– Да нет, должок вернули, – я ощутил приступ ненависти к самому себе, лебезящему перед этими подонками. Не стану же я им рассказывать про книжку, Андрея Бородина, Тетрис и Санта Клауса, все равно ведь не поверят.

– Ну, точно, мозги крутишь. У меня на такие штучки-дрючки чутье. А может ты и про Макса чего знаешь, только нам рассказать не хочешь? Мы к тебе наведаемся, с пристрастием. Только не дергайся, и не вздумай в полицию обращаться, или из дома выходить...

Господи, как же ты жестоко посмеялся надо мной. Несколько часов призрачного счастья после месяцев кошмара, и опять этот холодный ужас. За что? Ну скажи, за что? Ну сделай что-нибудь, ударь молнией, яви знамение, черт тебя возьми!

Молчишь...Тебя все-таки нет, я знаю, просто провидение играет со мной в кошки-мышки. Ну тогда хоть кто-нибудь, помогите мне! Я выжил, победил судьбу, расплатился с долгами, написал книжку. Я всего пару часов назад был счастлив, и даже гордился собой. Наивный осел!

Нет, просто так я не уйду. Мои системы охраны находятся в состоянии полной боевой готовности. Они этого не ожидают, что поделать, устроим браткам-товарищам небольшой сюрприз. Еще немного, еще чуть-чуть. Я знаю, они ждут, когда я засну. Это – когда я погашу лампочку, бьющую мне в глаза, окно мое прекрасно видно с улицы. Сегодня мой интеллект – моя последняя надежда. Я умнее их, наверняка они даже не подозревают, что их ожидает.

Ну что же, вставим в револьвер шестую пулю. Я обычно боялся это делать, опасаясь самопроизвольного пулеизвержения. А теперь я немного полежу с открытыми глазами. На маленьком мониторе светится холл, как разумна эта бездарная архитектурная конструкция – никак, кроме как на лифте они на мой этаж не доберутся. А это означает, что я их увижу, и у меня в запасе будет еще секунд тридцать.

С улицы тянуло прохладой и влажной зеленью. Такого густого тумана я не видел уже много лет. Он заползал клочьями с балкона, стелился по полу, окутывал кровать.

Я вздрогнул. Свет, белый, неестественного серебряного оттенка, разливался по стенам моей комнатки. Белая стена вибрировала, а за ней, около кухни, светился прозрачный сгусток. Со мной бывало такое в детстве, когда снится сон, и обои, подсвеченные утренними лучами солнца, и запыленная репродукция «Березовой рощи» Куинджи, вдруг становятся живыми. Призрачные тени, в которых неожиданно узнаешь соседей, или просто случайно встреченных на улице людей, движутся по поверхности, постепенно становятся объемными, возвращаются домой с работы, ужинают за длинным деревянным столом в коммунальной кухне, ссорятся в квартирах... А вот и мои друзья, мы катаемся на велосипедах и ловим золотых карасей в пруду. Все, что не сбылось в жизни всегда получалось в этой ожившей, обклеенной ободранными обоями стенке, на пожелтевшей от времени репродукции... Мне тогда так хотелось перенестись в эту придуманную страну, но сон всегда отступал в самый неподходящий момент...

Я попытался остаться на ускользящей грани сна и реальности. Прозрачный кусочек света пульсировал. Где-то там, возможно, в моем воображении, шла нормальная жизнь.

Пространство покачивалось. Я ехал в поезде, на вид – обычной электричке с деревянными сиденьями, которая неслась среди холмов, покрытых сосновым лесом. Ах, как пахло в воздухе разогретой хвоей, морем... Поезд прошел по мосту, показался город, шпили соборов и черепичные крыши.

Напротив меня сидели два парня и девушка, судя по виду студенты, они играли в карты, курили и рассказывали анекдоты. Я тоже курил, наслаждаясь каждой долей секунды этого путешествия, и хохотал вместе с ними. Анекдоты были хороши, а девушка неотразима.

И стало мне на несколько секунд хорошо, как будто я оказался дома, и не надо больше ничего бояться, и всегда найдутся те, кто понимает меня, и никогда больше я не буду одинок. И буду я ходить по прохладным университетским аудиториям и гулким залам музеев. И будет пахнуть старой бумагой библиотека, и кофе. И под ногами будет брусчатая площадь. А какие хорошие у них лица, как у ангелов с картин эпохи Возрождения.

Меня только смущало, что на плечах у моих попутчиков висели автоматы, и у девушки тоже. Она от этого совсем не теряла своей привлекательности, напротив... В последний раз я ехал в таком поезде, нет, это был автобус, и это было в Израиле.

Свет продолжал пульсировать, от него было уже больно глазам. Более всего то, что я сейчас видел, было похоже на проекционный экран. На каком языке они говорят? Черт бы все побрал, какие же у них хорошие лица! Я не видел таких лиц уже много лет, вернее видел, но как-то изредка, невзначай.

Поезд превратился в узенькую полоску на светящейся плоскости, он стал двумерным, потом сжался в точку, ветер, ворвавшийся в комнату через окно, исказил мерцающую поверхность, и она начала разворачиваться передо мной с безумной скоростью, превращаясь в окутанный туманом шар.

Странное это место. Перелески и города, населенные людьми. Соборы и университеты. Улицы и магазины. Ночные огни, садящиеся самолеты. Ледяная шапка Антарктики. Как красиво... Неужели это Земля, и если да, то где я, и откуда на нее смотрю? Кажется, еще немного, и я улечу туда, в это туманное облако. Стоит только сделать над собой усилие...

Дьявол! Это сработала моя пластмассовая коробочка. Сплю я или бодрствую? Система дальнего обнаружения функционирует нормально, на маленьком мониторе показались заплывшие жиром хари, которые вечером сидели в «Кадиллаке». Вот они вышли из лифта, вот растерянно озираются по сторонам, вот идут к моей двери.

Серебристый свет разрывается на игриво бегающие по стенам зайчики, и я с ужасом чувствую, что не могу в него погрузиться. Эти идиоты отвлекают меня, раздражают своей глупостью. Как долго они возятся с замком, как нервничают, озираясь по сторонам.

Я беру револьвер и взвожу курок. Почему-то я спокоен, даже руки не дрожат. Наконец, дверь чуть-чуть приоткрывается. Да здравствует Начальная Военная Подготовка и нормы ГТО! Ну и грохот!

Прости, Господи, я нарушаю твою заповедь. Я знаю, что тебя нет, и ты все равно простишь меня. Просто я ненавижу тех, кто пришел ко мне.

Толстый, с поросычьими глазками и усиками, падает сразу, его помощник успевает сделать несколько выстрелов. Неужели я все-таки убил, да еще сразу двоих? К тому же, моих бывших соотечественников и, судя по всему, сверстников. С кем-нибудь из них я вполне мог учиться в одном классе. Быть может, мы вместе сидели в кино и с наслаждением облизывали сливочное мороженое в вафельном стаканчике...

Вот такой грустный итог эволюции. А впрочем, может быть, это естественный отбор, доведенный до абсурда, Как странно, я не испытываю почти никаких эмоций.

Свет начинал медленно угасать, но стоило мне наморщить лоб, как он разгорелся с новой силой, словно раздутые ветром угли... Почему мне больно? Неужели эти идиоты все-таки в меня попали? А, ну все к черту, неважно.

Пространство расслаивается, значит пора трогаться. Я в этом почему-то уверен. Забавно, скорее всего, это-инстинкт, как у новорожденного.

Какой божественный запах. Настоящий, ароматный кофе, такого в Америке не достать. И сигаретный дым. Пьянящее сочетание, от него раздуваются ноздри и хочется жить. Где я? Комната, даже не комната, что-то вроде зала. Стулья. Большая доска, исписанная снизу доверху. Ба, знакомые все лица... Да, все здесь. Все те, кого мне так доставало вот уже лет десять, все те, по которым соскучился до противного, гусиного озноба в спинных позвонках.

Боже, есть ты, или нет тебя, но как же мне хорошо! Давно уже так не было. Какого черта, мне неважно, где я нахожусь. И если это мне даже снится, все равно. Я остаюсь здесь. И никогда не буду об этом жалеть. Потому что этих людей я люблю, несмотря на то, что в той жизни их уже не осталось.

Я обернулся. Где-то там, за дрожащим кольцом света, моя комнатка в последний раз озарилась фиолетовой вспышкой, а потом туман начал заползать через открытое окно и поглотил все до основания.

.oOo.